

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ, ИЗДАЕТСЯ С 1924 ГОДА

Эрик Хобсбаум:

«Ностальгия россиян по СССР – это ностальгия по стране,
в которой деньги и прибыль не были главным...»

Андрей Молчанов

Космические перспективы

Игорь Иванов

Выйдем из кризиса вместе!

Юрий Емельянов

«Немецкое золото»
в русской революции

Андрей Орехов,

Жаркын Шадыманова
Футурмедиа

Франц Чеде

Послеимперский блюз

Аркадий Андреев

Реиндустриализация

Давид Эпштейн

Социализм,
частная собственность
и демократия

Калимат Алилова,

Абдурахман Алилов
Религиозная этика
и глобальная экология

Александр Щелкин

«Креативная»
цивилизация

Елена Сысолятина

О народном
представительстве

а также рецензии и обзоры

М. Бойко, Е. Пономаревой, И. Назарова,
О. Аурова, В. Карякина, А. Палкина, А. Елякова

2011 / № 11 (1629)

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ, ИЗДАЕТСЯ С 1924 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬ И ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР – ВЛАДИСЛАВ ИНОЗЕМЦЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Петр Петрович АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО	<i>председатель Редакционного совета, председатель Русского исторического общества</i>
Анатолий Леонидович АДАМИШИН	<i>к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный посол</i>
АНЬ ЦИНЯНЬ	<i>профессор Китайского народного университета</i>
Алексей Георгиевич АРБАТОВ	<i>д. и. н., руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН</i>
Зигмунт БАУМАН	<i>почетный профессор Университета г. Лидса (Великобритания)</i>
Иммануэль ВАЛПЕРСТАЙН	<i>профессор Йельского университета (США)</i>
Сергей Юрьевич ГЛАЗЬБЕВ	<i>д. э. н., заместитель генерального секретаря ЕврАзЭС, академик РАН</i>
Александр Дмитриевич ЖУКОВ	<i>заместитель Председателя Правительства России (в личном качестве)</i>
Владислав Леонидович ИНОЗЕМЦЕВ	<i>д. э. н., директор Центра исследований постиндустриального общества, руководитель исполнительной дирекции Мирового политического форума</i>
Борис Гурьевич КАПУСТИН	<i>д. ф. н., профессор Йельского университета (США)</i>
Сергей Павлович КАРПОВ	<i>д. и. н., декан исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН</i>
Стивен КОЭН	<i>профессор Нью-Йоркского университета, почетный профессор Принстонского университета (США)</i>
Михаил Иосифович КРОТОВ	<i>д. э. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета</i>
Джульетто КЬЕЗА	<i>президент ассоциации MegaSbir (Италия)</i>
Вадим Андреевич МЕДВЕДЕВ	<i>руководитель научно-исследовательских проектов Горбачев-фонда, член-корреспондент РАН</i>
Андрей Юрьевич МОЛЧАНОВ	<i>д. э. н., председатель Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств</i>
Александр Дмитриевич НЕКИПЕЛОВ	<i>академик РАН, вице-президент РАН</i>
Корнелиус ОХМАНН	<i>старший эксперт по российско-европейским отношениям Фонда Бертельсмана (Германия)</i>
Сергей Михайлович РОГОВ	<i>д. и. н., директор Института США и Канады РАН, член-корреспондент РАН</i>
Владимир Александрович РЫЖКОВ	<i>к. и. н., профессор Государственного университета – Высшая школа экономики</i>
Олег Николаевич СМОЛИН	<i>д. ф. н., заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию, президент общества «Знание», член-корреспондент РАО</i>
Евгений Валерьевич ЧАЙКОВСКИЙ	<i>руководитель аппарата Комитета Совета Федерации по делам Содружества Независимых Государств</i>

Редколлегия:

В. Л. Иноземцев, П. П. Александров-Деркаченко, А. И. Антипов, Н. Н. Сибиряков

Редакторы: О. В. Ауров, В. Г. Бушуев

Группа подготовки номера:

Б. А. Азаров, М. В. Бойко, М. А. Иванова, А. А. Лебедева, А. Н. Шахова

Учредитель журнала – Автономная некоммерческая организация «Центр исследований постиндустриального общества». Журнал издается с апреля 1924 года. Выходил под названиями «Большевик» (1924–1952) и «Коммунист» (1952–1991). С 1991 года журнал является независимым международным общественным изданием и выходит под названием «Свободная мысль».

Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС77-24420 выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия 4 мая 2006 года. Адрес редакции: 101000 Москва, Милютинский пер., д. 2. Тел. (495) 621-4578. Факс (495) 621-3435. E-mail: svobodnaya_mysl@mail.ru, slava_in@yahoo.com. Журнал отпечатан в ООО «Издательско-полиграфическая фирма «Тарг»». Адрес типографии: 105082 Москва, М. Почтовая ул., д. 12. Тираж 2000 экз. Заказ №

Партнер
журнала
с 2009 года

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ 2011/№11(1629)

THEATRUM MUNDI

МИРОВАЯ АРЕНА

Игорь Иванов

- Выйдем из кризиса вместе! 5
Среди политиков и интеллектуалов трудности, переживаемые сегодня Европой, вновь оживили дискуссии об актуальности «европейского пути» для России. Эти дискуссии возобновляются вновь и вновь, на каждом новом витке нашей истории.

COMMUNIO

СОДРУЖЕСТВО

Андрей Молчанов

- Космические перспективы..... 15
3–4 октября этого года в Совете Федерации Федерального Собрания РФ состоялась Международная научно-практическая конференция на тему «Космические исследования в государствах – участниках СНГ: интеграция, потенциал развития и правовой аспект», организованная СФ в сотрудничестве с Институтом космических исследований РАН.

PERSONA GRATA

ЖЕЛАТЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Эрик Хобсбаум

- «Ностальгия россиян по СССР — это ностальгия по стране, в которой деньги и прибыль не были главным...». 31
О том, был ли СССР истинно коммунистическим проектом, почему он развалился, и может ли последний кризис привести к возрождению марксизма, «Свободной мысли» рассказал выдающийся английский марксистский историк Эрик Хобсбаум.

RES PUBLICA

ОБЩЕЕ ДЕЛО, ГОСУДАРСТВО, РЕСПУБЛИКА

Аркадий Андреев

- Реиндустриализация..... 37
Промышленная деятельность продолжает оставаться основным «драйвером» и источником социально-экономического развития многих стран мира. От состояния промышленности и ее конкурентоспособности во многом (иногда — в решающей степени) зависят бюджетные возможности государств, занятость, уровень оплаты труда и качество жизни населения, национальная безопасность и т. д.

MODUS VIVENDI

ОБРАЗ ЖИЗНИ

Франц Чеде

- Постимперский блюз..... 53
Учитывая конкретные реалии власти, географическое положение и прочие физические критерии, все государства будут вести себя схожим образом в схожих обстоятельствах, забыв о национальной политической культуре, исторических особенностях или характерах лидеров.

STATUS RERUM

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ

Елена Сысолятина

О народном представительстве 67

В отличие от иных видов государственного устройства парламентаризм базируется на доминирующем положении законодательного органа — парламента — в системе разделения властей. Парламент наделен законодательными и контрольными компетенциями, однако в качестве его ведущей функции в настоящее время выступает инициатива народного представительства.

Андрей Орехов, Жаркын Шадыманова

Футурмедиа 73

Наступающая постиндустриальная эпоха ставит перед человечеством целый ряд фундаментальных вопросов, касающихся способа его бытия в будущем. Как будет стратифицировано будущее общество? Кому будут принадлежать в нем власть и собственность? По каким принципам будут строиться семейно-брачные отношения? Какие идеологии будут господствовать?

PRO ET CONTRA

ЗА И ПРОТИВ

Александр Щелкин

«Креативная» цивилизация 83

Среди множества претензий, которыми отмечены интенции современной цивилизации, есть и такая — быть креативной. Это несколько удивительно, поскольку креативный элемент как бы ненавязчиво и органично присутствует в «теле» всякой цивилизации.

Давид Эпштейн

Социализм, частная собственность и демократия 95

Разобраться в том, что такое социализм, существенно для большего единства левых сил. Для этого важно понять, какие характеристики социализма как общественного строя могут считаться действительно существенными, ибо нередко их набор формулируется достаточно произвольно, без серьезного исторического обоснования, без учета внутренней взаимосвязи различных черт и безусловного многообразия форм социализма.

QUO VADIS?

КАМО ГРЯДЕШИ? КУДА ИДЕШЬ?

Калимат Алилова, Абдурахман Алилов

Религиозная этика и глобальная экология 109

Религия, являясь одной из форм общественного сознания, в той или иной степени всегда затрагивала проблемы взаимоотношения человека с окружающим миром. Однако трудно переоценить ее роль в интеграции этической составляющей мировоззрения и моральные основы экологического поведения людей.

PRO MEMORIA

ДЛЯ ПАМЯТИ

Юрий Емельянов

«Немецкое золото» в русской революции 123

История русских революций 1917 года — Февральской и Октябрьской — и по сегодняшний день хранит много тайн. В их числе дискуссионные вопросы: предпринимались ли на самом деле попытки заключения сепаратного мира между Россией и Германией, получали ли большевики деньги от германского Генерального штаба на «развертывание революционной агитации»?

MARGINALIA
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Владимир Карякин

- Концепция геополитики «третьей волны» 137
Мировое сообщество вступило в эпоху перманентного кризиса, который представляется в настоящее время как системный кризис цивилизации постмодерна.

Алексей Палкин

- О русском национальном характере 151
В данной статье мы воздержимся от прогнозов, а просто перечислим наиболее заметные черты национального характера, свойственные современным русским, и постараемся оценить эти черты с учетом реалий глобализирующегося мира.

Анатолий Еляков

- Кибервойна — тотальная угроза обществу 161
Термин «кибервойна» возник в 2007 году, после того как электронным атакам подверглись серверы американского министерства обороны, и стал быстро распространяться по всему миру. Тема пробивает себе дорогу и в российской науке, однако к настоящему времени ведущиеся в ее рамках исследования фрагментарны, относительно малочисленны и не обладают должным размахом.

AD LITTERAM
БУКВАЛЬНО

- В шаге от пропасти 173

Эрнст Тельман

- О некоторых теоретических и практических
ошибках КПП и путях их ликвидации 175

EX LIBRIS
ИЗ КНИГ

Михаил Бойко

- На пути к образованию будущего 201
(«Образовательная геодемография России». Под ред. М. П. Карпенко. М., Изд-во СГУ, 2011. 224 с.)

Елена Пономарева

- Между прошлым и будущим 205
(С. В. Лавров. Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире. М., «ОЛМА Медиа Групп», 2011. 896 с.)

Игорь Назаров

- Две России: реальная и мифологическая 212
(В. Р. Мединский. О русском рабстве, грязи и «тюрьме народов». М., «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 542 с. (Мифы о России); Он же. О русском воровстве, особом пути и долготерпении. М., «ОЛМА Медиа Групп», 2009. 496 с. (Мифы о России); Он же. О русском пьянстве, лени и жестокости. М., «ОЛМА Медиа Групп», 2009. 560 с. (Мифы о России))

Олег Ауров

- «Огонь, дым и сера» 219
(«Трагедия белорусских деревень, 1941—1944. Документы и материалы». Сост. Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменев и др. М., Фонд «Историческая память», 2011. 536 с., илл.)

- К сведению подписчиков 223

- К сведению авторов 224

Выйдем из кризиса вместе!

В России по-разному относятся к нынешнему финансовому кризису в Европейском Союзе. Одни — с сочувствием, другие — со злорадством. Кто-то думает о переносе запланированного отпуска в Греции, а кто-то беспокоится о судьбе сбережений, деноминированных в евро. Среди политиков и интеллектуалов трудности, переживаемые сегодня Европой, вновь оживили дискуссии об актуальности «европейского пути» для России. Эти дискуссии возобновляются вновь и вновь, на каждом новом витке нашей истории. Западники и славянофилы. Атлантисты и евразийцы. Либералы и консерваторы. Вот и сейчас российские «европессимисты» призывают задуматься о том, что для России важнее и ближе: Европа или Азия, Евросоюз или Китай, развитый мир или страны БРИК.

Как мне представляется, подобные дискуссии сегодня не имеют особого смысла. Современный мир не укладывается в традиционные географические рамки, его уже невозможно поделить на Восток и Запад, Европу и Азию. В глобальном мире корпорации из Евросоюза строят заводы в Китае, японские студенты едут учиться в Оксфорд, по итальянским лекалам шьется одежда в Малайзии, а индийские программисты выполняют заказы из Силиконовой долины, не покидая Бангалора. География перестает быть фактором, жестко детерминирующим экономический уклад, стиль жизни или профессиональные перспективы. В каждой стране современного мира есть своя «Европа» и своя «Азия», свой «Запад» и свой «Восток». В наше время, наверное, более продуктивным было бы делить страны не по географическому принципу, а по тому, насколько успешно (или неуспешно) они вписываются в современные глобальные тенденции, насколько удачно они реализуют в глобальном мире свои сравнительные преимущества.

Насколько нынешний кризис в Европе поставил под вопрос актуальность «европейского проекта» для России? Многие «евроскептики» в России уже утвердились в мнении о том, что в XXI веке Европа переживает упадок, а Азия — подъем. Сегодня в Москве громче звучат голоса тех, кто считает,

что центр мировой экономической активности перемещается из Атлантики в Тихий океан, что «европейский проект» оказался слишком громоздким и сложным в исполнении, что Европа оказалась не готовой к глобализации и потому обречена на растущее отставание от Азии. Отсюда следует вывод: будущее нашей страны прочно связано с «тихоокеанской цивилизацией», Россия должна по возможности дистанцироваться от неизбежного европейского упадка, столь явно продемонстрированного в последние месяцы.

С мнениями такого рода трудно согласиться. Конечно, экономические достижения Азии последних десятилетий более чем очевидны. Но хочу заметить, что об «упадке Европы» говорят уже как минимум сто лет. А Европа по-прежнему остается игроком высшей лиги в мировой экономике, глобальным источником технических инноваций и огромной социальной лабораторией. Очевидно, что возможности «европейского проекта» далеко не исчерпаны. Темпы модернизации азиатских экономик вызывают восхищение, но процессы социальной и политической модернизации в большинстве стран Азии заметно отстают от экономической модернизации. А такое отставание чревато нестабильностью, кризисами и иными потрясениями.

Не хочу, чтобы мои слова были истолкованы в том смысле, что Европа богаче, перспективнее, интереснее Азии. Я имею в виду нечто другое: в современном быстро меняющемся мире лидирующие позиции не гарантированы никому. Ни прошлый опыт, ни нынешнее богатство, ни грандиозные планы на будущее — ничто не может дать гарантий успеха. Это относится и к отдельным людям, и к странам, и к целым континентам. Глобальный мир предъявляет очень жесткие требования ко всем нам, условия игры меняются буквально на глазах, и я бы воздержался от излишне категоричных суждений относительно роли тех или иных регионов мира в экономике и политике будущего.

При этом совершенно ясно и то, что в глобальном мире жесткая конкуренция не исключает, а предполагает очень тесное сотрудничество. Европа и Азия нужны друг другу — в экономическом, технологическом, культурном отношениях. «Европейская» и «азиатская» модели дополняют друг друга, причем эта взаимозависимость, судя по всему, будет с течением времени только возрастать. С этой точки зрения крайне опасными выглядят рас пространенные сегодня и в Европе, и в Азии настроения «регионального эгоизма» — представления о том, что какой-то регион мира сможет решить свои экономические, финансовые, социальные или иные проблемы, отгородившись от своих соседей и игнорируя их интересы. Выжить в одиночку, может быть, и получится, но процветание может быть только совместным.

А что же Россия? Способна ли наша страна стать активным и конструктивным игроком в отношениях между двумя частями евразийского континента? От ответа на этот вопрос во многом зависит будущее страны. Как мне представляется, для нынешней России главная внешнеполитическая задача

заключается совсем не в том, чтобы, наконец, определиться — принадлежит ли она к Европе или к Азии. Наша задача куда более прагматична — не выпасть из системы складывающегося европейско-азиатского сотрудничества, не остаться за бортом тех интеграционных процессов, которые развиваются на пространствах евразийского континента — в экономике, науке, образовании, культуре и в других сферах.

А угроза остаться за бортом, к сожалению, очень и очень реальна. Россия, конечно, присутствует на евразийских рынках, но нельзя не отметить, что включенность России в механизмы и процессы евразийского сотрудничества на текущий момент выглядит очень поверхностной, неоднородной и хрупкой. Россия пока остается главным образом основной евразийской кладовой природных ресурсов, источником сырья и энергии для своих соседей. И такое положение создает проблемы не только для нашей страны, но и для всего формирующегося евразийского сообщества, которое пока лишено возможности использовать Россию как своего полноценного участника.

При этом стоит подчеркнуть, что для России европейскому направлению внешней политики нет реальной альтернативы. И не только в силу того, что именно Европа остается важнейшим экономическим партнером нашей страны, здесь находятся основные российские рынки, сюда охотнее всего едут наши сограждане — учиться, работать, отдыхать. Но и в силу того, что Россия была, есть и будет частью Европы — географически, исторически и культурно-цивилизационно. Мы — по преимуществу европейская страна, хотя и протянувшаяся далеко на восток — к берегам Тихого океана и границам Китая и Кореи.

Могут сказать: да, Россия — преимущественно европейская страна, но это «особая» европейская страна, «другая Европа», и потому ее отношения с «остальной» Европой всегда были и будут сложными и противоречивыми. Вероятно, в этом утверждении есть своя логика. Но давайте зададимся вопросом: а есть ли в Европе «неособые» страны? И для кого из европейских стран отношения с «остальной» Европой не были сложными и противоречивыми? Взять хотя бы Германию — еще сотню лет назад многие интеллектуалы к западу от Рейна серьезно сомневались в том, что Германия может по праву считаться истинно европейской страной. Приводились многочисленные аргументы, призванные доказать, что Германия навсегда обречена оставаться вне Европы, не вписываясь в европейские традиции, институты и ценности. И тем не менее именно Германия стала локомотивом процесса европейской интеграции во второй половине прошлого века. А разве Испания легко и быстро нашла свое место в объединенной Европе? Разве «возвращение» Испании в европейское политическое, экономическое и культурное пространство после десятилетий франкистской диктатуры не было мучительным и противоречивым?

На протяжении большей части XX столетия Россия была отделена от запада европейского континента глубокой идеологической пропастью.

И в тех условиях говорить о европейской судьбе России было действительно трудно (хотя и в XX веке Россия оставалась частью общеевропейской цивилизации в широком смысле этого слова — ведь даже марксизм был порождением европейской философской традиции). Но сегодня «холодной войны» больше нет, системный конфликт между Россией и Европой отсутствует. Почему же вопрос о принадлежности России Европе до сих пор остается открытым?

Наверное, это связано не только с инерцией мышления, хотя и ее нельзя не учитывать. Оглядываясь назад, на уже двадцатилетнюю историю внешней политики новой России на европейском направлении, испытываешь смешанное чувство удовлетворения и разочарования. С одной стороны, за двадцать лет мы сильно сблизились с нашими ведущими партнерами в Европе — в экономическом, политическом и гуманитарном отношениях. Россия стала полноправным членом многих важнейших европейских институтов — от Совета Европы до Европейского суда по правам человека. И тем не менее — давайте признаем это откровенно — Россия не стала в полной мере частью Европы. Она по-прежнему воспринимается в большинстве европейских стран как нечто внешнее по отношению к «настоящей» Европе, да и сама себя обычно воспринимает как нечто отдельное от остальной Европы.

Значительная часть ответственности за это положение лежит на российской стороне. Нам еще предстоит долго учиться быть европейцами, это знание не приходит сразу. Даже сегодня мы далеко не всегда понимаем логику наших европейских партнеров, недостаточно учитываем нюансы европейской политики, упускаем из виду малозаметные, но очень важные детали, характеризующие веками складывавшуюся европейскую политическую культуру. Нам часто кажется, что в Европе к России относятся несправедливо, что нашим мнением и нашими интересами пренебрегают, а наши инициативы постоянно игнорируют. Россия нередко ведет себя в Европе, как слон в посудной лавке — порождая сложности и проблемы даже там, где их можно легко избежать.

С другой стороны, и наших европейских партнеров есть в чем упрекнуть. Не мне вам говорить о том, как медленно согласовываются позиции внутри Европейского Союза, с каким скрипом обычно работает европейская бюрократия. Нам проще договариваться с отдельными странами — членами Евросоюза, чем с Союзом в целом — и не потому, что мы хотим развалить европейское единство; просто переговоры с Брюсселем сплошь да рядом оказываются крайне длительными, сложными и малоэффективными.

Но кого бы мы ни обвиняли в существующих проблемах, для политиков в Москве должно быть ясно одно: легких путей в Европу не бывает. Это знает Германия, прошедшая через мучительный процесс денацификации. Это знают страны «новой Европы», напряженно работавшие не один год над своей интеграцией в институты Евросоюза. Это знает Турция, которая, несмотря на

все многолетние усилия, так и не обрела пока четкой европейской перспективы. Любое «вхождение» — или «возвращение» — России в Европу потребует настойчивости, последовательности, терпения, а также долгосрочных и очень значительных политических инвестиций с нашей стороны.

Многие политики в Москве хотели бы решить все наши вопросы с Европой одним ударом: подписать какое-то всеобъемлющее соглашение, создать новый механизм взаимодействия, договориться раз и навсегда по принципиальным вопросам, поставив точку в долгой истории взаимных претензий, обид и недоразумений. Но чудес в мире политики не бывает; никакие договоренности не заменят повседневной кропотливой и последовательной работы. Никакая «дорожная карта» сама по себе не выведет нас в светлое будущее, если нет готовности следовать по проложенному маршруту.

Можем ли мы отложить вопрос о взаимодействии России и Европы до лучших времен — например, подождать стабилизации финансовой ситуации в Европейском Союзе? На мой взгляд, потеря темпа в наших отношениях — очень опасно для обеих сторон. Вызов модернизации (понимая под модернизацией не только структурную перестройку экономики, но и обновление социальной, политической и культурной сфер тоже) в той или иной степени стоит перед всеми странами и всеми регионами мира. Никто не знает окончательных ответов на вопросы, которые ставит перед человечеством вызов модернизации, ни одному обществу не гарантировано положение лидера в модернизационной гонке. Ясно одно: мир меняется все быстрее, и закрыть глаза на эти изменения — значит рано или поздно оказаться на обочине мирового развития.

Россия и Европа — тоже участники модернизационной гонки. У нас очень разные стартовые позиции, разные конструкции двигателей, разный уровень подготовки экипажей, но гоночная трасса — одна. И на этой трассе идет острая борьба, ставки в которой исключительно высоки. Для России отставание в модернизационной гонке означает окончательное превращение страны в сырьевой придаток более развитых стран, постоянную зависимость от мировых цен на энергоносители, деградацию пока еще существующей национальной научно-образовательной системы и в итоге — утрату не только позиций великой мировой державы, но даже и положения самостоятельного участника мировой политики.

Для Европы потеря темпа в модернизационных процессах, вероятно, приведет к менее драматичным, но не менее серьезным последствиям: хронической экономической стагнации, социальным конфликтам, потере конкурентных позиций на наиболее перспективных мировых рынках. Производство будет уходить из Европы в Восточную Азию, инновационные идеи — в Северную Америку. Неспособность справиться с вызовом модернизации может поставить под угрозу и сам «европейский проект» как таковой.

Очень важный вопрос для России и для Европы: кто мы друг другу в этой модернизационной гонке? Являемся ли мы конкурентами или потенциальными партнерами? Сходятся или расходятся наши интересы в эпоху глобализации? Хочу еще раз отметить, что далеко не все в моей стране рассматривают Европу в качестве стратегического союзника России в модернизационной сфере. Нередко приходится слышать утверждения о том, что нам надо ориентироваться на лидеров — либо нынешних (Северная Америка), либо потенциальных (Восточная Азия), что Европа уже безнадежно проиграла модернизационную гонку и медленно, но верно превращается в «индустриальный музей» мира. Да и в Европе слышны голоса тех, кто считает, что Россия не способна предложить ничего существенного в плане модернизации, что связи с Россией — не столько актив, сколько пассив для европейских стран, и что европейцам следует искать других партнеров и других союзников в модернизационных проектах.

Если следовать этой логике, то несложно предсказать, что Россия и Европа будут дрейфовать в расходящихся направлениях. Конечно, нас по-прежнему будут объединять география, общая история, конъюнктурные экономические интересы, но стратегически мы будем все более расходиться, пытаясь, каждый по-своему, имитировать иные, более перспективные и привлекательные модернизационные модели. Иными словами, и Россия, и наши европейские соседи окончательно встанут на путь так называемой догоняющей модернизации, со всеми преимуществами и издержками, связанными с этим вариантом развития.

Есть ли альтернатива такому варианту развития? Я глубоко убежден, что альтернатива есть. И она связана с тем, что объединяет Россию и Европу не меньше, чем общая история и география. Европа и Россия всегда гордились качеством своего человеческого капитала. Именно человеческий капитал, а не ресурсная база, не существующие производственные мощности, не валютно-финансовые резервы, — вот что лежит в основе современных модернизационных процессов. А человеческий капитал создается в соответствующей культурной среде, в системе среднего и высшего образования, в научных и инновационных центрах. В Европе и в России есть традиции развития человеческого капитала, есть среда, стимулирующая его рост. И нам есть что предложить друг другу в этой сфере.

Хочу подчеркнуть: в современном мире экономическая модернизация неотделима от модернизации социальной, а социальная модернизация невозможна без критического осмысления состояния основных социальных институтов. Нам часто говорят: в России, как и в Европе, социальная нагрузка на государство слишком велика, социальные издержки препятствуют эффективности экономики, нужно сворачивать социальные обязательства. Но можно ли свернуть социальные обязательства, не поставив под угрозу человеческий капитал? Или речь должна все же идти о повышении эффек-

тивности социальных институтов при сохранении традиций «социального государства»? На мой взгляд, эти вопросы одинаково актуальны для России и для Европы, и, стало быть, именно здесь надо искать пересечение «модернизационных повесток дня» России и Европы.

Как представляется, мы должны существенно активизировать наше сотрудничество с Европой в поисках путей повысить эффективность человеческого капитала: это предполагает взаимодействие в таких областях, как образование, национальная научная стратегия, культурная политика, социальное обеспечение, здравоохранение, управление миграциями, развитие институтов гражданского общества и местного самоуправления и многое другое. Производство может сбежать в Китай или Индонезию, технологии могут перетекать в Силиконовую долину, но человеческий капитал останется в обозримом будущем главным конкурентным преимуществом и главной экспортной статьёй европейской культуры, к которой без всяких оговорок можно отнести и Россию.

Конечно, социальное взаимодействие России и Европы не должно подменять собой сотрудничество в сфере безопасности. Тем более что в этой сфере наши интересы практически совпадают. Поговорите с любым ответственным политиком в Берлине, Брюсселе или в Москве об угрозах евроатлантической безопасности и о глобальных вызовах современности. Оценки скорее всего будут очень схожими. Мы мыслим одними категориями, нас беспокоят одни и те же проблемы, предлагаемые нами решения мало чем отличаются друг от друга. Не хочу упрощать: не все приоритеты безопасности России и Евросоюза полностью идентичны — хотя бы в силу различного геополитического положения, не все точки зрения можно свести к единой позиции. Но ведь и внутри Евросоюза не всегда удастся достичь единства по вопросам приоритетов; очевидно, что интересны, скажем, Португалии и Эстонии не могут полностью совпадать. Важно другое: все мы — от Атлантики до Урала, а точнее — от Ванкувера до Владивостока — так или иначе объединены общими угрозами и вызовами. Это реальность, которая вряд ли изменится в обозримом будущем.

Казалось бы, в этих условиях задача формирования надежной системы общеевропейской безопасности становится чисто технической. Фундаментальная общность интересов неизбежно должна привести к созданию механизмов сотрудничества. Однако приходится констатировать: такие механизмы до сих пор или не созданы, или не работают должным образом. А единого евроатлантического пространства безопасности как не было, так и нет по сей день.

Вряд ли будет справедливым списывать все на сохраняющееся наследие «холодной войны». Конечно, инерцию прошлого игнорировать нельзя, но ведь «холодная война» закончилась не вчера и даже не десять лет назад. За более чем два десятилетия после падения Берлинской стены в наших стра-

нах сменилось целое поколение государственных деятелей, а в строительстве евроатлантической безопасности мы продвинулись, мягко говоря, не слишком далеко. Между тем нынешнее «окно возможностей» в отношениях между Россией и Западом вряд ли сохранится надолго. Особенности политических циклов в Соединенных Штатах, в России и в нескольких ведущих европейских странах таковы, что через два-три года добиться прорыва в этих отношениях, возможно, будет гораздо труднее, чем сегодня. Не хочу выглядеть пессимистом, но шанс, который нам выпал сегодня, может оказаться последним для нашего поколения политиков.

Наверное, стоит подумать о том, где мы — на Западе или Востоке европейского континента — недорабатывали в прошлом. На мой взгляд, одна из главных причин наших неудач состояла в стремлении найти какое-то одно, магическое решение всех наших проблем. Своего рода «философский камень» европейской политики — универсальный механизм, институт, конструкцию, которая бы раз и навсегда решила проблемы безопасности в Европе. основополагающий Акт о взаимных отношениях между Россией и НАТО от 1997 года, а также Римская декларация «Отношения Россия — НАТО: новое качество» от 2002 года — хорошие документы, но они, к сожалению, не вывели наши отношения на качественно новый уровень.

И сегодня много говорят об «институциональном дефиците» на европейском континенте. Кто-то предлагает решить все проблемы путем приема России в НАТО. Другие говорят о необходимости «реформировать» Совет Россия — НАТО или вообще заменить его на какую-то совершенно новую организацию. Лихорадочная активность вокруг существующих или предлагаемых европейских институтов безопасности чем-то напоминает болезненную «пактоманию» 1930-х годов в Европе, когда европейские страны отчаянно пытались отодвинуть надвигающуюся катастрофу подписанием множества двусторонних и многосторонних соглашений о сотрудничестве, ненападении, нейтралитете и пр. Чем закончились 1930-е годы, мы все хорошо помним; «пактомания» не решила, да и не могла решить ни одной проблемы европейской безопасности.

Я далек от мысли проводить прямые параллели между событиями той эпохи и современностью. Однако, перефразируя известное высказывание Гете, можно отметить, что «мировая политика не делится на институты без остатка». А уж политика XXI века — тем более. Значительная часть современной, быстро меняющейся международной жизни проходит мимо организаций с их сложными процедурами, неразворотливой бюрократией, длительными сроками согласования позиций. Глобальные и региональные институты безопасности — ООН, НАТО, ОБСЕ и другие — не успевают реагировать на возникающие кризисы, и очень часто их место занимают тактические коалиции, создающиеся ad hoc для решения конкретных задач.

Отнюдь не призываю отказаться от современных международных организаций — они по-прежнему играют важную роль в обеспечении глобальной и региональной стабильности. Но строить новую европейскую систему безопасности сверху вниз, громоздя новые институты на старые, — дело, как мне кажется, совершенно безнадежное. У нас нет никаких гарантий того, что новые институты будут лучше старых, потенциал которых далеко не исчерпан. Единая Европа, если мы все-таки придем к европейскому единству, сложится сначала как Европа режимов, а уж новые институты вырастут там, где в них возникнет острая необходимость.

Такой подход мы попытались применить в отношениях между Россией и ЕС, договорившись в 2001 году о создании «общих пространств» в четырех областях сотрудничества: Общеввропейское экономическое пространство (ОЕЭП), Общее пространство свободы, безопасности и правосудия, Общее пространство в области внешней безопасности и Общее пространство науки, образования и культуры. Эти «общие пространства» должны были основываться на применении общих или совместных правил и норм, включая совместные административные процедуры, как основу для масштабных совместных действий. Реализация «дорожных карт» по формированию общих пространств, к сожалению, в силу различных политических причин продвигается не так быстро, как хотелось бы. Однако сам подход в современных условиях представляется верным, а может быть — и единственно возможным.

Думается, что такой же «режимный» подход применим к вопросам евроатлантической безопасности. Совместная борьба с терроризмом, угрозой распространения ядерного оружия и ракетных технологий, кибербезопасность, управление миграционными потоками, будущее энергетики и европейская экология, противодействие наркотрафику и трансграничной преступности — этот список может продолжить любой европейский политик.

Для каждого из этих режимов должны сложиться свои собственные процедуры, свой круг участников, своя география и свои принципы согласования позиций. Очевидно, что границы «Европы образования» не будут полностью совпадать с границами «Европы энергетики». Роль отдельных государств в различных режимах также будет различной — далеко не для всех проблемы ядерной энергетики или адаптации мигрантов в равной степени актуальны.

Как показывает имеющаяся практика, эффективность международных режимов зависит от целого ряда обстоятельств.

Во-первых, такие режимы возникают только там, где имеются значительные общие интересы, причем интересы должны восприниматься участниками как общие. В этом восприятии, на мой взгляд, успех многих субрегиональных форматов сотрудничества на европейском континенте.

Во-вторых, эффективность работы международных режимов так или иначе зависит от вовлеченности их в работу международного экспертного

сообщества. Общие политические декларации мало что значат, если они не сопровождаются «шлейфом» экспертных разработок; по каждому направлению сотрудничества необходим постоянный и максимально конкретный экспертный диалог. Можно констатировать, что международный режим становится эффективным, когда эксперты и специалисты стран-участниц начинают говорить на одном языке.

В-третьих, — и это, пожалуй, самое сложное — мы должны научиться изолировать, оградить успешные международные режимы от возникающих проблем, кризисов и конфликтов в других областях. Современный мир взаимозависим, но нельзя допустить, чтобы сотрудничество в сфере безопасности строилось по наименьшему общему знаменателю. Нельзя позволить, чтобы очередной кризис в отношениях — а от этих кризисов нас никто не гарантирует — возвращал бы взаимодействие по всем направлениям к нулевой отметке. Практика «увязывания» должна быть решительно отвергнута.

В-четвертых, преимущество режимов по сравнению с жесткой институциональной системой — их открытость и демократизм. И этим преимуществом следует воспользоваться, открывая возможность для участия всем заинтересованным сторонам.

Все, о чем я говорю, может показаться слишком приземленным и не очень вдохновляющим для романтиков европейского единства. И все же поступательное движение по длинному пути решения практических проблем евроатлантической безопасности представляется сегодня предпочтительным. Сверхоптимистические цели, продиктованные той или иной политической конъюнктурой, только заморозили бы процесс формирования новой архитектуры евроатлантической безопасности, включая отношения России с НАТО и Евросоюзом.

В заключение хотел бы подчеркнуть еще раз: у нас, живущих на европейском континенте, не так много времени, чтобы продемонстрировать свою конкурентоспособность в глобальном мире XXI века. Другие страны и народы, другие регионы мира и континенты не будут ждать, пока мы перешагнем через наши взаимные обиды и подозрения, преодолеем старые предрассудки и положим конец мелким дрязгам европейцев между собой. Мир будет идти вперед, и скорость перемен будет только возрастать. Число претендентов на глобальное лидерство тоже будет расти, причем новые потенциальные лидеры будут возникать отнюдь не в Европе. Действуя вместе, дополняя друг друга, Европе и России будет легче не оказаться в числе проигравших в этой глобальной гонке. XXI век не должен стать веком осуществления мрачных пророчеств о закате нашей общей цивилизации.

Космические перспективы

Сотрудничество стран СНГ в области освоения космического пространства: достижения и проблемы

3—4 октября этого года в Совете Федерации Федерального Собрания РФ состоялась Международная научно-практическая конференция на тему «Космические исследования в государствах — участниках СНГ: интеграция, потенциал развития и правовой аспект», организованная СФ в сотрудничестве с Институтом космических исследований РАН. В конференции приняли участие высокопоставленные чиновники, видные парламентарии, известные ученые и специалисты в области исследования космоса из Белоруссии, Казахстана, Туркменистана и Украины, а также представители международных организаций, Исполнительного комитета и Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств. На важность мероприятия указывал уже тот факт, что его лично открывала Председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко.

Конференция была приурочена к ряду значимых дат: с одной стороны — к 20-летней годовщине создания СНГ, а с другой — к отмечавшемуся в этом году 50-летию со дня первого полета человека в космос. Следует также напомнить, что в следующем, 2012 году исполнится 55 лет со дня запуска первого в мире искусственного спутника Земли, положившего начало космической эре в истории человечества. Участники конференции неизменно подчеркивали значимость этих дат. Однако выступавшие, в числе которых были вице-президент РАН А. Ф. Андреев, заместитель председателя Президиума НАН Беларуси П. А. Витязь, вице-президент АО «Национальный центр космических исследований и технологий» Республики Казахстан М. К. Абсаметов, председатель Государственного космического агентства Украины Ю. С. Алексеев, директор Института космических исследований РАН академик Л. М. Зеленый, поднимали вопросы, по своему содержанию явно не сводившиеся к сугубо «юбилейной» тематике. Шел глубокий и непростой разговор о достигнутом и упущенном, но прежде всего — о том, что предстоит сделать в будущем.

МОЛЧАНОВ Андрей Юрьевич — председатель Комитета Совета Федерации по делам СНГ, член Редакционного совета журнала «Свободная мысль», доктор экономических наук.

Участники конференции подчеркивали, что человечество давно и прочно вошло в космическую эру, преодолев путь от первых спутников и пилотируемых космических аппаратов до современных систем. С течением времени существенные изменения претерпел характер космической деятельности. Сегодня нет необходимости доказывать тот очевидный факт, что в настоящее время эта деятельность уже давно не мотивируется одними лишь соображениями государственного престижа. Являясь продуктом мирового научно-технического прогресса, космическая деятельность ныне — не только один из основных его двигателей, но и зримое свидетельство того, сколь перспективными способны быть новейшие достижения науки и техники с чисто коммерческой точки зрения.

При этом получение максимального эффекта от космической деятельности невозможно вне развития сотрудничества ее субъектов на всех возможных уровнях — от государственно-частного партнерства до международной кооперации. В свою очередь последняя может осуществляться между самыми разными государствами и группами государств, преследуя самые разные цели — от чисто экономических форм сотрудничества (оказание пусковых услуг, услуг космических систем связи, а также систем дистанционного зондирования Земли и спутниковой навигации (где главным российским проектом в настоящее время является глобальная система спутниковой навигации ГЛОНАСС)) до кооперации в сфере фундаментальных и прикладных научных исследований, проектных и опытно-конструкторских работ, производстве космических аппаратов, наземного оборудования и т. п.

Особо следует отметить тот факт, что космическая отрасль напрямую зависит от развития промышленных технологий, средств связи и др. Именно поэтому к настоящему времени отрасль стала неотъемлемой частью глобальной экономики, тесно связанной с другими сферами. Вследствие этого космическая деятельность характеризуется значительным позитивным эффектом воздействия на экономику стран, участвующих в освоении космоса. И страны—члены СНГ не являются исключением из этого общего правила. Более того, в их случае курс на массированное развитие кооперации в области космической деятельности представляется особенно оправданным.

На совещании подчеркивалось, что основы космической отрасли, представленной в современных экономиках стран—членов организации, были заложены в рамках самого крупного в мире космического комплекса, созданного в СССР в период 1950-х — начала 1990-х годов. При этом оставшиеся после распада этого комплекса части характеризуются единством технологических стандартов, что обуславливает объективную необходимость сотрудничества в космической сфере.

Позиция, озвученная выступающими, находит полное подтверждение в оценках, выдвигаемых авторитетными представителями экспертного сообщества стран—членов СНГ. В частности, по мнению экспертов Евразийского банка развития (ЕАБР) Е. М. Молдабекова и Е. Ю. Винокурова, осуществивших по заданию банка фундаментальное исследование перспектив развития космической деятельности на постсоветском пространстве, для стран—членов СНГ эта деятельность может стать одной из областей возможного экономического прорыва. По их мнению, она «обладает исключительно высоким мультипликативным эффектом и способствует развитию большого числа связанных с ней отраслей (химической, металлургии и машиностроения, рынка телекоммуникаций и т. д.) как в техническом, так и фундаментальном плане, это источник новых технологических разработок, существенно повышающих эффективность других сфер экономики. Особое значение имеют мощные процессы трансферта космических технологий из военной сферы в гражданскую и развитие на этой основе целого комплекса коммерческих услуг, связанных с космической индустрией и разработками»¹.

¹ Е. М. Молдабеков, Е. Ю. Винокуров. Перспективы сотрудничества стран СНГ в космической отрасли. — «Евразийский банк развития. Отраслевой обзор» (Алматы). 2010. № 8. С. 6. См. также: Е. М. Молдабеков. Сотрудничество стран СНГ в космической отрасли. — «Евразийская экономическая интеграция». 2010. № 4(9). С. 75—76.

На фоне сказанного тематика Международной научно-практической конференции, организованной Советом Федерации России, представляется крайне значимой уже потому, что она привлекает внимание как структур исполнительной власти, так и обществ стран—членов СНГ к важнейшей области, в которой к настоящему времени сделано явно недостаточно. Для того чтобы исправить это положение, необходим широкий и предметный разговор по всему кругу вопросов, касающихся как достижений, так и перспектив совместной космической деятельности стран—членов СНГ.

Разумеется, такой разговор по своим масштабам выходит далеко за рамки обычной журнальной статьи. Однако и самая длинная дорога начинается с первого шага. Ниже мы попытаемся представить хотя бы некоторые из важнейших аспектов проблемы с учетом как данных, прозвучавших в докладах, сделанных на Международной научно-практической конференции, так и материалов СМИ.

Советское наследство: перспективы сохранения и развития

Для начала следует хотя бы приблизительно оценить то огромное наследие, которое оставил после себя Советский Союз в области космической деятельности. По оценке уже упоминавшихся Е. М. Молдабекова и Е. Ю. Винокурова², после распада СССР основная часть производственных и инфраструктур-

² См. Е. М. Молдабеков, Е. Ю. Винокуров. Перспективы сотрудничества стран СНГ в космической отрасли. С. 14—18.

ных мощностей осталась на территории трех стран — России, Украины и Казахстана.

В *России*, унаследовавшей большую часть советского космического потенциала, сохранились производственные мощности, конструкторские бюро (КБ) и исследовательские центры. В их числе на первое место следует поставить предприятия по производству ракетносителей, располагавшиеся в бывшем СССР только на территории Российской Федерации и Украины. В числе главных российских предприятий такого рода следует выделить:

— ОАО «Ракетно-космическая корпорация “Энергия” им. С. П. Королева» (город Королев, Московская область);

— ОАО «Государственный ракетный центр им. В. П. Макеева» (город Миасс, Челябинская область);

— ОАО «НПО Энергомаш им. академика В. П. Глушко» (город Химки, Московская область);

— ФГУП «ГНП РКЦ “ЦСКБ—Прогресс”» (город Самара);

— ФГУП «Государственный космический научно-производственный центр им. М. В. Хруничева» (город Москва);

— ФГУП «Научно-производственное объединение им. С. А. Лавочкина» (город Химки, Московская область);

— ОАО «Информационные спутниковые системы им. М. Ф. Решетнева» (город Железногорск, Красноярский край);

— ФГУП «Конструкторское бюро общего машиностроения им. В. П. Бармина» (город Москва);

— ФГУП «Конструкторское бюро тяжелого машиностроения» (город Москва);

— ФГУП «Центральное конструкторское бюро транспортного машиностроения» (город Тверь);

— ФГУП «Центр эксплуатации наземной космической инфраструктуры» (город Москва, а также филиалы).

Приведенный перечень отнюдь не исчерпывает всех российских предприятий, включенных в кооперативные связи по созданию космической техники, но не занимающихся исключительно космической тематикой. Число этих предприятий достаточно велико, потому ограничимся указанием лишь наиболее крупных из них:

— ОАО «Конструкторское бюро химавтоматики» (город Воронеж) — проектирование двигательных установок;

— ФГУП «Воронежский механический завод» (город Воронеж) — производство двигательных установок;

— ФГУП «Конструкторское бюро химического машиностроения им. А. М. Исаева» (город Королев, Московская область) — производство двигательных установок;

- ГУП «НПЦ автоматики и приборостроения им. академика Н. А. Пилюгина» (город Москва) – производство приборов для систем управления;
- ФГУП «НИИ прикладной механики им. академика В. И. Кузнецова» (город Москва) – производство приборов для систем управления;
- ФГУП «НИИ командных приборов» (город Санкт-Петербург) – производство гироскопических приборов для разгонных блоков;
- ФГУП «31-й государственный проектный институт специального строительства МО РФ» (город Москва);
- ОАО «Ипромашпром» (город Москва);
- ФГУП «Опытно-конструкторское бюро “Вымпел”» (город Москва).

Из объектов инфраструктуры главной частью «советского наследства» стал космодром Плисецк (1-й Государственный испытательный космодром, Архангельская область), основанный в 1960 году как первая отечественная база МБР Р-7 и Р-7А (объект «Ангара»). Космическую деятельность ведет с 17 марта 1966 года (запуск космического аппарата «Космос-112»). Имеет стационарные технические и стартовые комплексы всех типов отечественных ракет-носителей легкого и среднего класса. В настоящее время обеспечивает основную часть космических программ РФ, связанных с оборонными, народнохозяйственными, научными и коммерческими пусками непилотируемых космических аппаратов.

На *Украине* сохранились производственные мощности, КБ и исследовательские центры – в общей сложности 33 предприятия, ранее входившие в систему Министерства общего машиностроения СССР, главными из которых являются:

- ГKB «Южное» им. М. К. Янгеля» (город Днепропетровск);
- ГП ПО «Южный машиностроительный завод им. А. М. Макарова» (город Днепропетровск);
- ОАО «НПП “Хартон-Аркос”»; «Хартон Планта»; «Хартон Плазмед»; «Хартон-Юком»; «Хартон-Консат» (город Харьков) – производство систем управления).

Наконец, в *Казахстане* сохранились космодром Байконур и исследовательские центры, входящие в состав АО «Национальный центр космических исследований и технологий»:

- Космодром Байконур;
- Институт космических исследований им. У. М. Султангазина;
- Астрофизический институт им. В. Г. Фисенкова;
- Институт ионосферы;
- Институт космической техники и технологий.

Менее значительная часть советского космического наследия сохранилась в других республиках бывшего СССР. В их числе на первое место следует поставить *Республику Беларусь*, где функции по координации

космической деятельности в национальном масштабе и в рамках международных программ сотрудничества в этой сфере вменены в обязанность Объединенному институту информатики при НАН Беларуси. Начало работ в космической отрасли в республике относится к 1960-м годам, когда в рамках советского космического комплекса на ее территории осуществлялись различные программы по космическому приборостроению.

В настоящее время в работе отрасли задействованы научные и конструкторско-технологические учреждения НАН Беларуси, высших учебных заведений и научные учреждения Министерства образования, конструкторско-технологические, производственные предприятия Государственного военно-промышленного комитета (в частности, АО «Пеленг», входящее в систему Госвоенпрома), Министерства промышленности, Министерства природных ресурсов и ряда других министерств. Работа в области подготовки квалифицированных кадров для космической отрасли сосредоточена в рамках Центра аэрокосмического образования, действующего на базе Белорусского государственного университета.

Несмотря на очевидную скромность космического потенциала Белоруссии, следует подчеркнуть, что в тяжелые 1990-е годы он был сохранен практически полностью, что выгодно отличает республику от других постсоветских государств.

Что касается других стран—членов СНГ, то на их территории в советское время космических объектов либо не существовало, либо они были весьма скромными по масштабам, или попросту не были сохранены. Более или менее успешные попытки реанимации некоторых из них предпринимаются в настоящее время российской стороной. Так, длительное время решается вопрос о судьбе ряда бывших советских космических объектов на территории *Узбекистана*. Речь идет о квантово-оптическом измерительном комплексе в районе города Китаб на горе Майданак, а также о про-

³ См. Ф. Мухаметшин. Россия и Узбекистан укрепляют союзнические отношения. — www.sng.allbusiness.ru/content/document_r_60FDC5AB-C5CE-4457-9174-2B71E09FFDB8.html

екте создания Международной радиоастрономической обсерватории на плато Суффа, сооружение которой было начато еще в середине 1980-х, но приостановлено в 1992 году (двухстороннее соглашение о введении обсерватории в строй было подписано еще в 1995 году)³.

В *Таджикистане* в 2004 году была возобновлена работа оптико-электронного комплекса «Нурек», который позволяет осуществлять контроль над состоянием российской орбитальной группировки. В *Армении* в советское время к работам по созданию станций дальней космической связи был привлечен Институт радиофизики и электроники (ныне — НАН Армении), работавший в кооперации с Московским институтом радиофизики и электроники. Уникальный комплекс Бюраканской обсерватории НАН Армении также был задействован в советских космических программах; в настоящее

время прорабатываются возможности использования возможностей комплекса для выявления скоплений космического мусора⁴.

⁴ См. «Армянский отсек космонавтики». — «Голос Армении». 12.04.2011. № 37.

Разнородное советское наследие ныне находится в непрестом состоянии. Касаясь существующих проблем, спикер Совета Федерации В. И. Матвиенко в своей речи на Международной научно-практической конференции вполне логично отнесла к их числу «недостаточное финансирование, особенно фундаментальных исследований, высокий износ техники и оборудования, а также трудности в области подготовки и переподготовки высококвалифицированных профессиональных кадров». Было подчеркнуто, что именно состояние кадровой проблемы внушает сегодня наибольшие опасения. И с этим не поспоришь: значительная часть квалифицированных профессионалов вступила в предпенсионный, а чаще — уже и пенсионный возраст. Молодежь идет в науку неохотно, не обладает необходимой квалификацией, но главным образом — должным образом не мотивирована на выполнение сложной и не особенно хорошо оплачиваемой работы. Время утекает, словно песок сквозь пальцы. Сумеет ли мы овладеть ситуацией — вот в чем вопрос.

Но пока немало советского наследия вполне достаточно для осуществления широкого фронта работ. Ниже мы рассмотрим важнейшие из проектов, сведения о которых присутствуют в открытой печати.

Совместные проекты, реализуемые странами—членами СНГ: достижения и планы

Состояние советского наследия в полной мере объясняет причины, по которым наиболее активное сотрудничество в настоящее время наблюдается между Россией, Казахстаном, Украиной и Беларусью: именно эти страны обладают оставшимися после распада СССР инфраструктурой, производственными мощностями и научным потенциалом. Другие члены СНГ находятся либо в стадии планирования своего участия в космических разработках, либо их участие сводится к бесплатному или льготному предоставлению России (реже — Украине) права пользования бывшими советскими объектами, оставшимися на их территориях, при пока еще относительно незначительном вкладе местных специалистов (Таджикистан, Узбекистан (в перспективе), Армения).

Следует, однако, подчеркнуть, что и последний, наименее масштабный из возможных вариантов сотрудничества является ощутимым прогрессом по сравнению с безвременьем периода 1990-х — начала 2000-х годов, когда на бывших советских космических объектах были свернуты почти все работы, кроме тех, что гарантировали быструю коммерческую отдачу. Сегодня даже самые скромные формы участия стран—младших партнеров

в совместных проектах с членами «большой космической тройки» (Россия, Украина и Казахстан) имеют огромное значение и в качестве первого шага к реализации более амбициозных задач, и как средство поддержания сложной инфраструктуры, доставшейся в наследство от советской эпохи, и наконец в силу очевидного вклада такого сотрудничества в подготовку национальных кадров высокой квалификации.

Между тем в 2000-е, которые сейчас слишком часто и далеко не всегда обоснованно стремятся трактовать едва ли не как второе издание «застоя», космические державы постсоветского пространства — РФ, Украина, Казахстан и Белоруссия — сумели не только вернуться на рубежи советского времени, но и сделать значительный шаг вперед. Ниже представлю лишь наиболее значимые из проектов, совместно реализуемых в рамках Содружества Независимых Государств*.

Создание стартового и технического ракетного комплекса «Байтерек» (на космодроме Байконур). Проект реализуется Россией и Казахстаном при участии Франции. Содержание проекта: реконструкция нескольких стартовых площадок на территории космодрома Байконур для запуска казахстанского ракетносителя «Байтерек», разрабатываемого на основе российского ракетносителя «Ангара». Создано российско-казахстанское СП «Байтерек». Начало реализации проекта планируется на 2014 год.

Проект по развитию в странах СНГ многофункциональной системы персональной спутниковой связи на основе интеграции ресурсов низкоорбитальных спутниковых систем «Гонец» и «Orbcom». Реализуется российской компанией «Спутниковая система “Гонец”» при участии организаций Республики Казахстан (РК) и Украины. В Казахстане уже запущен пилотный блок программ по предоставлению услуг связи. Заказчиком выступает Национальное космическое агентство РК (Казкосмос). Полный пакет программ спутниковой связи в Казахстане предполагается реализовать к 2015 году.

Развитие Глобальной навигационной спутниковой системы (ГЛОНАСС). В рамках этого проекта, реализуемого Роскосмосом, предусматривается предоставление услуг и странам СНГ — Украине и РК.

Совершенствование национальной системы спутниковой связи Казахстана путем создания спутников связи «Казсат-1» и «Казсат-2». Участники — РФ и РК. Работа ведется с 2004 года. В рамках проекта в 2006 году был

* См. основные источники информации (помимо материалов Международной научно-практической конференции): Е. М. Молдабеков, Е. Ю. Винокуров. Перспективы сотрудничества стран СНГ в космической отрасли. С. 10—26; Е. М. Молдабеков. Сотрудничество стран СНГ в космической отрасли. С. 75—83; официальные сайты Федерального космического агентства РФ (www.goscosmos.ru/main.php?id=23), Государственного космического агентства Украины (www.nkau.gov.ua/) и Национального космического агентства Республики Казахстан (www.kazcosmos.kz/); официальный сайт посольства Республики Беларусь в РФ (www.embassybel.ru/belarus-russia-relations/sojuz/7ec6bb715697.html). В других случаях источник информации указан в соответствующей сноске.

успешно запущен и введен в эксплуатацию первый казахстанский аппарат связи и вещания «Казсат-1». Он успешно проработал до 2008 года, однако затем из-за нештатной ситуации был выведен из эксплуатации. Создание второго геостационарного спутника связи и вещания «Казсат-2» началось в 2006 году. Изначально его планировалось запустить в 2008-м, однако затем старт был перенесен на конец 2010 года. Окончательно запуск осуществлен 16 июля 2011 года российским ракетоносителем «Протон».

Предоставление пусковых услуг «Наземный старт». Участники — РФ и Украина; прорабатывается возможность участия РК. Российско-украинское СП «Международные космические услуги» предоставляет пусковые услуги на космодроме Байконур на базе ракетоносителей «Зенит-2» и «Зенит-3SL». В рамках проекта осуществляется модернизация ракетного комплекса «Зенит». Задействованы ГКБ «Южное», ГП ПО «Южный машиностроительный завод им. А. М. Макарова» (оба — Украина) и РКК «Энергия» им. С. П. Королева (РФ).

В числе последних наиболее важных совместных проектов, реализованных с использованием российских и украинских ракетоносителей, следует назвать вывод на орбиту метеорологического спутника «Электро» (январь 2011 года) и уникальной радиоастрономической обсерватории «Спектр-Р» (18 июля 2011 года), разработанной с участием украинских специалистов. На ноябрь текущего года намечен запуск многофункциональной космической лаборатории «Фобос-Грунт», разработанной с участием специалистов ряда стран и организаций (от Украины — Львовский филиал Института космических исследований в области приборостроения). По словам вице-президента РАН А. Ф. Андреева, последний проект является особенно амбициозным: его цель — «исследования “Фобоса”, одного из двух спутников Марса, и доставка на Землю образцов его грунта и исследования атмосферы Марса, наличия там особенно интересующих всех ученых хорошо известного углеводорода, метана и астробиологический эксперимент по изучению выживаемости колоний земных микробов во время полета к Марсу и обратно». Наконец, на конец года намечен пуск академического микро-спутника «Чибис», предназначенного для исследования новых физических явлений — вспышки гамма-излучений, происходящих при грозových разрядах. Все эти запуски осуществлены (или будут осуществлены) украинской ракетой «Зенит» с космодрома Байконур.

Кроме того, в настоящее время готовятся пуски спутников: украинского коммерческого — «Интелсат-18», белорусского — «БелКА» и российского — «Канопус». Они будут осуществлены украинской ракетой «Днепр» (конверсионный вариант баллистической ракеты СС-18).

«Космос-БР», «Космос-СТ», «Космос-НТ» — российско-белорусские проекты, осуществляемые с 1999 года в рамках совместных программ Союзного

государства. Проекты предполагают модернизацию центра приема космической информации, а также работу в рамках отдельного проекта по созданию спутника дистанционного зондирования Земли, выполняемую в Беларуси, а также работы по обработке данных дистанционного зондирования Земли.

Российско-белорусские проекты «Мониторинг» и «Телематика» — находятся в процессе разработки. Предусматриваются работы по обработке данных дистанционного зондирования Земли.

Участие Белоруссии в программах пилотируемой космонавтики на МКС. Страна предоставила блок внешних датчиков научной аппаратуры «Фотон» и «Гамма» для экспериментов «Молния-Гамма». Оборудование было доставлено на МКС транспортным кораблем «Прогресс» в октябре 2010 года и успешно введено в действие.

Создание многофункциональной космической системы Союзного государства (МФКС). Участники — Российская Федерация и Республика Беларусь. Суть проекта: совместная работа по управлению спутниковыми системами, их созданию и модернизации. Находится в процессе проработки (данные на 2010 год).

Российско-казахстанский научный проект по изучению космических лучей — потоков элементарных частиц. С российской стороны в проекте участвуют специалисты Физического института им. П. Н. Лебедева РАН (ФИАН), запустившие на Тянь-Шаньской научной станции в Казахстане новую экспериментальную установку «Горизонт», предназначенную для изучения космических лучей — потоков элементарных частиц из космоса*.

Совместное участие в международном проекте Всемирной космической обсерватории «Ультрафиолет» (РФ — РК). Обсерватория представляет собой аналог знаменитого американского телескопа «Хаббл» и действует в ультрафиолетовом спектре. Согласно меморандуму о взаимопонимании между ФКА РФ и НКА РК, стороны разрабатывают и реализуют программу, а также определяют финансовые и правовые условия сотрудничества. В качестве головных организаций выступают: от России — Институт астрономии РАН и ФГУП «Научно-производственное объединение им. С. А. Лавочкина»; от Казахстана — АО «Национальный центр космических исследований и технологий».

Совместный мониторинг состояния ионосферы городов Алматы и Харькова. Участники — Украина (Харьковский национальный университет) и Казахстан (НКА РК). В частности, выявлены особенности распространения радиоволн в переходные часы суток в зависимости от геолого-физической обстановки.

* Российские физики запустили в горах Казахстана установку по изучению космических лучей (см. РИА «Новости». 24.03.2011. — www.newskaz.ru/regions/20110324/1261647.html).

Программа «Морской старт» (при участии РФ и Украины): запуск ракетоносителей с морских платформ. Последний запуск спутника произведен со 154 градуса западной долготы, с экватора.

Таков далеко не полный перечень результатов совместной деятельности «большой космической тройки» СНГ, в тесной кооперации с которой работает и Беларусь.

Организационно-правовое обеспечение сотрудничества: достижения и проблемы

Многосторонний характер проблематики сотрудничества стран СНГ в области космической деятельности требует детального правового регулирования всего круга связанных с ней вопросов. Поэтому не уделить внимания этой важной сфере попросту невозможно*.

Начнем с замечания о том, что правовые основы сотрудничества стран—членов СНГ были заложены Соглашением о совместной деятельности по исследованию и использованию космического пространства, подписанным государствами СНГ 30 декабря 1991 года (а именно — Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Казахстаном, Киргизстаном, Российской Федерацией, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном и с некоторыми поправками Украиной).

Соглашение зафиксировало ключевые принципы сотрудничества: объединение усилий для эффективного исследования и использования космоса в интересах народного хозяйства и науки, а также обороноспособности и обеспечения коллективной безопасности государств—членов Содружества; подтверждение необходимости строгого соблюдения международных обязательств, ранее принятых на себя СССР, в области исследования и использования космического пространства; осуществление совместной деятельности в сфере космоса на основе межгосударственных программ, финансирование этих программ за счет долевых вкладов государств—участников Соглашения; координация усилий по решению международно-правовых проблем исследования и использования космического пространства.

В дальнейшем положения Соглашения 1991 года были развиты:

— в Соглашении о порядке содержания и использования объектов космической инфраструктуры в интересах выполнения космических программ, подписанном Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Казахстаном, Киргизстаном, Российской Федерацией, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном и Украиной 15 мая 1992 года в Ташкенте;

— в Соглашении о средствах систем предупреждения и контроля космического пространства, подписанном 6 июля 1992 года в Москве, которое

* Тексты всех рассмотренных ниже международно-правовых актов представлены на официальном сайте ФКА РФ (см. www.roscosmos.ru/main.php?id=265).

позволило сохранить одну из систем международной значимости, реально обеспечивающую решение задач космической экологии в части оценки состояния техногенной обстановки.

Кроме того, между государствами СНГ действует целая система двусторонних соглашений, в числе которых следует выделить:

— Соглашение о порядке использования испытательных полигонов от 22 января 1993 года, которым Россия и Республика Казахстан определили правовой режим эксплуатации ракетно-космических полигонов, находящихся на территории последней, право пользования и владения движимым и недвижимым имуществом таких полигонов, порядок финансирования их содержания и развития;

— Соглашение об основных принципах и условиях использования космодрома Байконур от 28 марта 1994 года, где определен статус объектов космодрома, порядок их отчуждения в пользу России в виде аренды сроком на 20 лет с последующим автоматическим продлением срока действия Соглашения еще на 10 лет (если не поступит письменного заявления одной из сторон о денонсировании). В 2004 году срок был продлен до 2050 года. Ежегодная арендная плата составляет 115 миллионов долларов США.

Следует признать, что не все перечисленные соглашения были исполнены немедленно и в полном объеме. Однако в совокупности они заложили ту нормативно-правовую базу, которая является основой для плодотворного сотрудничества государств СНГ — прежде всего Российской Федерации, Украины, Республики Казахстан и Республики Беларусь, сумевших сохранить у себя более или менее значимые сегменты советского космического комплекса и заинтересованных в их эффективном использовании в новых экономических условиях.

Главным органом, организующим взаимодействие государств—участников СНГ, является Межгосударственный совет по космосу, статус и функции которого были окончательно установлены Протоколом об утверждении Положения о Межгосударственном совете по космосу от 13 ноября 1992 года.

Согласно его нормам в функции Совета входят:

1. Разработка и представление на утверждение Совета глав правительств СНГ долгосрочных межгосударственных программ по исследованию и использованию космического пространства на основе предложений государств—участников соглашений, определение их структуры и содержания, обеспечение их реализации.

2. Подготовка и представление на утверждение Совета глав правительств СНГ предложений по размеру и формам долевых вкладов государств—участников соглашений для реализации межгосударственных программ по исследованию и использованию космического пространства и финансированию космической инфраструктуры.

3. Координация работ, проводимых в рамках межгосударственных программ по исследованию и использованию космического пространства, государствами — участниками соглашений.

4. Разработка на основе межгосударственных программ по исследованию и использованию космического пространства годовых межгосударственных планов работ по космической технике; содействие обеспечению гарантированного доступа в космос государствам — участникам соглашений.

5. Подготовка предложений по вопросам исследования и использования космического пространства, требующих рассмотрения Советом глав правительств Содружества.

6. Разработка рекомендаций и принятие решений по вопросам сотрудничества в рамках соглашений и межгосударственных программ по исследованию и использованию космического пространства, а также контроль за их выполнением.

7. Определение финансовой политики, одобрение финансовых правил, ежегодного бюджета и ежегодных финансовых отчетов, периодическое установление тарифов на услуги для государств, не являющихся участниками Соглашения от 30 декабря 1991 года, и принятие решений по всем другим финансовым вопросам.

По ряду причин деятельность Совета оказалась недостаточно эффективной. Поэтому к настоящему времени важное значение приобрели иные формы организации сотрудничества — прежде всего совещания представителей (руководителей) национальных космических агентств и органов исполнительной власти государств — участников СНГ, отвечающих за деятельность по исследованию и использованию космического пространства. Первое такое совещание состоялось 25 марта 2010 года в Москве. В нем приняли участие представители республик Армения, Беларусь, Казахстан, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Украины, а также представители Исполнительного комитета СНГ. Второе совещание работало в Минске 23 июня 2011 года. Его темой стало использование дистанционного зондирования Земли в интересах государств Содружества и перспективы дальнейшего развития сотрудничества стран СНГ в космической сфере.

3 октября 2011 года в ходе работы Международной научно-практической конференции председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ В. И. Матвиенко наметила дальнейшие перспективы развития правовой базы сотрудничества стран—членов Содружества в космической деятельности. В ряде случаев ее оценки были достаточно жесткими. В частности, она заявила: «Надо признать, что в отличие от двусторонней международной договорно-правовой базы сотрудничества стран СНГ в косми-

ческой сфере устарела и не отвечает требованиям времени. Думаю, что это как раз та область, где свой вклад могут и должны внести парламентарии наших государств, прежде всего опираясь на опыт и возможности Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества. Считаю целесообразным предложить Ассамблее подготовить модельный законодательный акт о космической деятельности, а также разработать и внести на рассмотрение Совета глав государств СНГ проект конвенции о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях».

Хочется надеяться, что у недавно избранного энергичного спикера верхней палаты российского парламента хватит сил и упорства, чтобы реализовать намеченные в ее речи планы. Дело в том, что как сами участники процесса сотрудничества, так и эксперты указывают на ряд узких мест в существующей системе нормативных актов. И прежде всего следует подумать о корректировке (именно так — не более, но и не менее!) существующей системы допусков и режимных ограничений.

В частности, в своем выступлении на конференции руководитель Государственного космического агентства Украины Ю. С. Алексеев среди прочего эмоционально заметил: «Мы сегодня... заказали себе спутник, и к нашей радости он делается в Красноярске. Опять есть проблема — наших специалистов не пускают в Красноярск. Я понимаю, что такое завод сегодня — это завод двойного назначения, но тем не менее когда-то вместе работали, можно было бы сделать какое-то снисхождение»*. Небольшой комментарий: Ю. С. Алексеев — в прошлом директор сверхсекретного ракетного предприятия «Ижмаш». Сегодня, когда Украина является независимым государством, технологии ракетостроения едва ли ушли так далеко вперед, чтобы этот опытный производственник при желании не сумел разобраться что к чему. Так, может быть, следует пойти навстречу его предложению?

Тем более что о близких вещах говорят и скупые, выверенные замечания экспертов. «Режимные ограничения сдерживают экономическое сотрудничество», — констатируют Е. М. Молдабеков и Е. Ю. Винокуров. Конкретно речь идет о том, что законодательные барьеры, существующие между странами,

⁵ См. Е. М. Молдабеков, Е. Ю. Винокуров. Перспективы сотрудничества стран СНГ в космической отрасли. С. 7.

не позволяют осуществлять трансферт технологий. Сказываются также различия налоговых систем и отсутствие единых таможенных стандартов⁵.

В заключение следует подвести итоги. Хотя в данном случае это кажется излишним: многие из описанных процессов только-только вступили в фазу

* Здесь и далее выступления участников Международной научно-практической конференции цитируются по официальной стенограмме заседания в СФ РФ.

настоящего развития. Поэтому в завершение приведенных выше умозаключений целесообразно сделать не выводы (которые представляются несколько преждевременными), а поразмышлять о перспективах возможного будущего сотрудничества. Разработкой именно таких перспектив в недавнем прошлом занимались московское и минское совещания представителей (руководителей) национальных космических агентств и органов исполнительной власти государств—участников СНГ, отвечающих за деятельность по исследованию и использованию космического пространства. Поэтому с разговора о результатах этих совещаний мы и начнем.

На обоих совещаниях была отмечена заинтересованность в совместной работе в области ракетно-космической техники и исследований космоса, прежде всего по таким направлениям, как использование и развитие российской глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС, применение космических средств дистанционного зондирования Земли и систем космической связи, проведение космических исследований с учетом приоритетов, установленных Концепцией дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и Стратегией экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года. В качестве перспективных для многостороннего сотрудничества выделены такие направления, как космическая навигация, спутниковая связь, дистанционное зондирование Земли, создание и использование космических ракетных комплексов, совместная реализация пилотируемых программ и космических исследований.

Хочется верить, что все эти планы будут выполнены. Как, впрочем, и те, о которых взахлеб говорили выступавшие на Международной научно-практической конференции 3—4 октября. Из всех прозвучавших на форуме предложений упомянем лишь те, которые показались нам наиболее интересными и масштабными:

— академик А. Ф. Андреев, вице-президент РАН, говорил о разработке новых концепций мониторинга Земли, ее биологического разнообразия, лесных, водных и рыбных ресурсов, а также мониторинга чрезвычайных ситуаций, надеясь на участие коллег из стран СНГ в решении этих задач;

— А. В. Маслов, статс-секретарь, заместитель министра связи и массовых коммуникаций РФ, рассказывал о системном проекте российской спутниковой системы высокоскоростного доступа к информационным сетям в К-диапазоне частот РСС—ВСД. Система РСС—ВСД призвана обеспечить широкополосный доступ в Интернет на всей территории страны, за исключением северных районов. Цель проекта — преодоление цифрового и, как следствие, социального неравенства граждан, а также предоставление услуг широкополосного доступа на малонаселенных и труднодоступных территориях;

— академик П. А. Витязь, заместитель Председателя Президиума НАН Белоруссии сообщил о планах создания белорусско-российской интеграционной космической системы, которая будет базироваться на базе спутника и наземной инфраструктуры, белорусского космического комплекса и разрабатываемого ныне российского космического комплекса;

— а вот председатель Государственного космического агентства Украины Ю. С. Алексеев первым указал на перспективы совершенно иного рода, но, как представляется, не менее волнующие: «Наверное, надо думать, как нам объединяться под эгидой космических агентств», заметил он. И эту мысль блестяще дополнил директор Института космических исследований РАН, академик Л. М. Зеленый, призвавший подумать о возможности создания Объединенного института космических исследований стран СНГ по аналогии с известным Объединенным институтом ядерных исследований (ОИЯИ) в Дубне. По мнению ученого, такой институт «мог бы быть исполнительным органом Международного совета по космосу стран СНГ». Относительно же перспектив научной деятельности института Л. М. Зеленый высказался однозначно позитивно: «...спектр возможных задач очень велик. Это может быть и космическое приборостроение, и вопросы космической навигации, вопросы фундаментальной науки, астрофизики, вопросы, особенно, радиоастрономии в наших странах (особенно в России и Украине очень высокий потенциал) и многое, многое другое».

Очень хочется надеяться, что сбудется хотя бы часть из этих грандиозных планов.

Ностальгия россиян по СССР — это ностальгия по стране, в которой деньги и прибыль не были главным

В этом году исполняется двадцать лет с момента официального распада Советского Союза.

В декабре 1991 года в Беловежской пуще было подписано соглашение о создании Содружества Независимых Государств, по сути, прекращавшее существование Союза Советских Социалистических Республик, находящегося в то время уже в руинах. Однако если двадцать лет назад все были уверены в победе капитализма над коммунизмом, то сегодня все обстоит немного иначе: вера в капитализм пошатнулась, а тема создания более справедливого и равного общества все чаще звучит в качестве одной из наиболее острых и актуальных проблем западного, да и всего мира. О том, был ли СССР истинно коммунистическим проектом, почему он развалился, и может ли последний кризис привести к возрождению марксизма, «Свободной мысли» рассказал выдающийся английский марксистский историк Эрик Хобсбаум.

Эрик Хобсбаум родился в 1917 году в Александрии (Египет), изучал историю и экономику в Кэмбридже. Увлечшись марксизмом еще в молодости, со временем он стал одним из ведущих британских историков-марксистов. Хобсбаум был членом ныне несуществующей Коммунистической партии Великобритании и является единственным оставшимся в живых членом знаменитой Группы историков, существовавшей при этой партии. Автор многочисленных книг и статей, среди которых «Век революции: Европа 1789—1848», «Век капитала: 1848—1875», «Век империи: 1875—1975», «Рабочие», «Нации и национализм», «Как изменить мир: рассказы Маркса и марксизма». В 2003 году был удостоен Премии Бальдана за свои работы, посвященные истории Европы. Хобсбаум — член Британской академии и почетный член Американской академии искусств и наук, президент Бирбекского колледжа. Его последняя книга вышла в 2011 году.

— Советский эксперимент и его значение были и остаются спорным вопросом для марксистского сообщества: то, как идеи Маркса были реализованы на практике в СССР, не всегда соответствовало предписаниям классика. В своих работах Вы обращаете внимание на то, что царская Россия на момент революции вовсе не была капиталистическим центром, чтобы можно было с уверенностью говорить о победе пролетариата над загнывающим капитализмом, — то есть это была слегка иная революция. Более того, Вы справедливо оспариваете прогрессивную природу режима, который установился после 1917 года. Спустя двадцать лет после крушения СССР как мы должны подходить к этому эксперименту, который длился больше семидесяти лет и затронул жизни стольких людей? Должны ли мы считать это неудачей конкретной версии коммунизма, которая возникла и погибла

на периферии капитализма? Какое место занимает опыт СССР в истории человечества? Каково значение этого опыта?

— Во-первых, несмотря на свои провалы Октябрьская революция, которая привела к созданию СССР, является центральным событием мировой истории XX века. XX век нельзя понять без Октябрьской революции. Без нее также нельзя понять историю Азии и Китая в XXI веке. Во-вторых, она была обречена на провал, потому что в ее основе лежали ошибочные расчеты Ленина на то, что за Октябрьской революцией последует серия революций в европейских странах, в частности в Германии. Шансы СССР на выживание были хорошими, но шансов на построение изолированного социализма не было. На момент революции это была отсталая страна, чья экономика была разрушена мировой и гражданской войнами, для которой главной целью, которая, кстати, была достигнута после нэпа, было восстановление. А ее единственной долгосрочной программой могла быть только модернизация через экономическое развитие, индустриализацию и создание достаточного количества кадров на всех уровнях, которые могли бы управлять современной экономикой.

Сверхбыстрая модернизация после нэпа, которую рекомендовал Троцкий и которую реализовал Сталин, не была единственно возможным вариантом, но большевики были уверены, что она является лучшим из всех остальных. Считалось, что это поможет, во-первых, создать массовый рабочий класс, снижая при этом роль неориентированного на социализм крестьянства, которое больше всех выиграло в результате нэпа. И во-вторых, это даст СССР возможности, необходимые для отражения военной атаки со стороны капиталистических стран, которая считалась неизбежной. Первая цель, продиктованная исключительно идеологическими соображениями, была достигнута катастрофической ценой (под названием «коллективизация»), в результате чего российское сельское хозяйство перестало быть источником роста и развития. Вторая цель оказалась более правильной и оправдала затраты. Без стремительной индустриализации 1930-х годов СССР никогда бы не смог победить Гитлера или, тем более, выиграть Вторую мировую войну для всего мира, СССР не смог бы расширить сферу своего влияния с помощью создания коммунистических режимов в других странах и ни за что не смог бы стать одной из двух сверхдержав.

Все это было достигнуто благодаря беспощадной централизованной административно-командной системе, а в сталинский период еще и ценой беспрецедентного массового террора и зачастую излишних страданий людей, живших в СССР. В определенный момент СССР удалось достичь основных целей рабочих движений: обеспечить всех пропитанием, жильем, работой, социальным обеспечением и образованием на минимальном уровне. Но многие русские не знали, или им не давали узнать, что уровень

их жизни был гораздо ниже, чем в других коммунистических странах, и крайне далек от уровня жизни в капиталистических странах, где в эти годы произошел взлет массового потребительского общества.

Была ли это неудача конкретной версии коммунизма? Целью СССР было создание социализма (согласно Марксу коммунизм не создается, он появляется из социализма), но проблема заключалась в отсутствии понимания среди марксистов того, как именно это можно сделать. У социал-революционеров или социал-реформистов не было никаких представлений о характере социалистической экономики, и то, как она создавалась в СССР, было сплошной импровизацией после 1917 года, опиравшейся на опыт военных экономик периода 1914—1918 годов, а также на блестящие работы российских экономических мыслителей и экономистов.

Другим слабым местом советской системы было следование традиционному социалистическому идеалу об уничтожении частного сектора экономики. Надо отметить, что эта нереалистическая цель не была исключительно большевистской, хотя именно она больше всего ассоциируется с ними. СССР постарался достичь ее с помощью центрального планирования, используя то, что сегодня воспринималось бы как крайне неадекватное техническое оборудование и примитивные технологии. В условиях отсутствия динамичной экономики это, как мы знаем, привело к формированию крайне неэффективной административно-командной экономики. Эта система могла периодически выдавать потрясающие результаты — например в сфере ВПК и космической промышленности, но в целом результаты были посредственными, и в конце концов она оказалась нереформируемой.

— Как Вы понимаете причины развала СССР? Есть ли какие-то ответы в учении Маркса? Какие уроки мы можем вынести из произошедшего?

— Марксистская парадигма ничего не может сказать о причинах краха Советского Союза, за исключением, пожалуй, того, что было ошибочным строить социализм в стране, в которой отсутствовали исторические и иные предпосылки для этого. Строители социализма в СССР удачно воспользовались краткосрочными историческими моментами — такими, как коллапс капитализма во время Первой мировой войны и победа во Второй мировой войне, но этого оказалось недостаточно для долгосрочного успеха. Это является основной причиной неудачи этого проекта. Крайне неэффективная система производства, чьи недостатки были признаны еще в 1960-е годы, не могла выполнить тяжелые обязательства глобального масштаба, которые сопутствовали статусу сверхдержавы в рамках «холодной войны». Она также не могла соревноваться с технологической и производственной точки зрения с обновившимся после 1945 года капитализмом. Это не значит, что крах был неминуем, и, по сути, никто, включая правительство США,

не думал, что он наступит. Возможно, что при другом лидере в 1980-е — например, если бы Андропов выжил, или, что является более реалистичным, при Гейдаре Алиеве из Баку, — СССР мог бы избежать распада и, вполне возможно, до сих пор бы существовал. Но он бы продолжал слабеть, катиться по наклонной плоскости, даже если бы ему удалось перепрыгнуть через пропасть 1989—1991 годов. Непосредственные причины краха кроются в кратком и крайне спорном периоде под названием «перестройка».

— *Вы заявляете, что большинство традиций создается элитами. Какие традиции были созданы советской элитой?*

— Я думаю, что лучше всего на этот вопрос могут ответить только русские люди. На мой взгляд, наиболее сильной традицией в России сегодня является память о Второй мировой войне. Эта традиция оказывает наибольшее влияние на российскую жизнь, но она не была создана руками элиты.

— *Коммунистическое прошлое должно по-прежнему оказывать влияние на современную Россию — хотя бы потому, что большинство российской элиты родилось и выросло в СССР. Каким образом это прошлое проявляет себя?*

— У меня такое впечатление, что внешние атрибуты советской политической жизни — такие, как готовность принять абсолютного правителя, привилегии номенклатуры, роль органов безопасности, дух цензуры, изменения, начинающиеся «сверху», а не «снизу», сохранились и были только усилены после трагических 1990-х. Вместе с ними усилилась вера Путина в то, что восстановление российского государства, которого ему удалось добиться, могло быть сделано исключительно с помощью номинальных, легко отменяемых в любое время уступок в сфере свободы слова, политической конкуренции и независимой судебной власти, а также карикатурных выборов и карикатурного парламента. С другой стороны, после унижительного опыта 1990-х в России начался период ностальгии по прошлым великим временам, которые ассоциируются с СССР и Сталиным, чем умело пользуется современный режим. Поправьте меня, если россияне сегодня не ностальгируют по достижениям в сфере искусства, которые процветали в СССР по сравнению с другими странами — музыка, балет, литература, а также по самым обычным вещам, которые были частью жизни при Брежневе. Мне кажется, что на самом деле это ностальгия по стране, в которой деньги и прибыль не были главным.

— *Как бы Вы описали экономическое развитие независимой России?*

— Постсоветская Россия перестала быть крупной промышленной державой и является сегодня экономикой гораздо меньших размеров, населенной меньшим количеством людей, чье число продолжает снижаться. Это

экономика, которая полагается в основном на экспорт обильных запасов сырья, в частности нефти и газа. К счастью, они высоко ценятся сегодня. Богатства распределены крайне неравномерно между регионами, а также между городами и сельской местностью. Два центра роскоши и высокого капитализма — Москва и Санкт-Петербург — являются исключениями из правил. Промышленный сектор, за исключением ВПК, не демонстрирует исключительных результатов. А большинство российского интеллектуального капитала — сокровищница с оригинальными идеями и творческими решениями — была опустошена во время крупномасштабной «утечки мозгов» на Запад, а также когда талантливые ученые стали переходить в бизнес в поисках заработка, и в результате разрушения некогда великолепной системы образования. Массовые утечки капитала в руки олигархов и других лиц, имевших доступ к государственным ресурсам, истощили экономику. Попытки диверсифицировать экономику и оживить обрабатывающую промышленность ни к чему не привели. Экспорт сырья остается единственным активом экономики. Недостатки такой модели заключаются в том, что она сопровождается сокращением размера внутреннего рынка и рабочей силы.

— Как Вы думаете, удастся ли марксизму когда-нибудь избавиться от «клейма» СССР? Может ли последний глобальный кризис и поиск ответов на вопрос, что именно не так с капиталистической системой, снова вернуть в игру идеи Маркса и оживить само марксистское движение?

— Безусловно, в последнее время наблюдается рост интереса к марксизму, и он связан в первую очередь с очевидными недостатками глобальной неолиберальной рыночной экономики и экономическим кризисом, который они спровоцировали. Маркс предвидел и то, и другое. Тот факт, что западный мир в настоящее время оказался на дне худшего экономического кризиса со времен 1930-х годов, не только спровоцировал возобновление интереса к марксистским идеям, но и привел к тому, что в первый раз за многие десятилетия умнейшие капиталисты стали критиковать капиталистическую систему и говорить о потере веры в нее. С тех пор как в английской газете «Financial Times» в 2008 году появился заголовок «Капитализм в агонии», стало принято считать, что система не дала тех результатов, которых от нее ждали неолибералы, и более того, дала результаты полностью противоположные. В первый раз за всю свою долгую жизнь — а мне 94 года — я вижу, как мультимиллионеры, пусть среди них и нет пока россиян, открыто признают, что они и такие, как они, слишком много зарабатывают, и что астрономическая пропасть между их доходами и доходами остальных 99 процентов населения неприемлема.

Однако несмотря на то, что сегодня все больше людей читает и обсуждает Маркса, а кризис порождает все больше проблем и нестабильности,

нет никаких признаков, что появились основы для политического сдвига в пользу коммунизма или социализма где бы то ни было — в Европе или Северной Африке. Одной из причин этого является антикоммунизм, так что можно сказать, что социализм и коммунизм до сих пор так и не отмылись от «клейма» СССР и других коммунистических стран, с которыми они ассоциируются в первую очередь. Но по мере того, как будут лететь годы и СССР станет далеким прошлым, память о нем станет все более блеклой и менее важной везде, кроме, конечно, России. В то же самое время нам нужно искать другие причины, почему на Западе не наблюдается серьезного возрождения марксистского движения, несмотря на глубокий и серьезный экономический кризис, связанный с функционированием капиталистической системы.

— *Вы любите давать имена эпохам: Вы писали о веке империй революций, о веке империй, веке капитала, а XX век Вы назвали веком крайностей. Есть ли у Вас имя для XXI века после его первой декады? Каково место России в новом веке?*

— Я бы назвал его веком нестабильности и страха. Мы не знаем, что нас ждет, но большинство прогнозов говорят о неуправляемых природных катастрофах, невиданных и опасных последствиях биотехнологий и так далее. То есть получается, что в будущем нас ждет больше проблем и опасностей, чем надежд. Каким будет место России во всем этом? Вряд ли оно будет таким же важным, как в эпоху крайностей. Но вполне возможно, что климатические изменения сыграют России на руку: тундра станет пригодной для сельского хозяйства, а российские северные берега станут играть более важную роль. Россия, безусловно, будет продолжать оказывать влияние на соседние страны, расположенные на постсоветском пространстве, и будет играть важную дипломатическую роль в Азии. Если Россия не сможет найти решение современному демографическому кризису, но сохранит современную территорию, то она превратится в государство среднего масштаба с огромной территорией, чьи естественные ресурсы будут добываться иностранными компаниями. Будет ли это более счастливая страна, как это иногда бывает с бывшими великими державами — вспомним хотя бы Швецию после XVIII века, пока непонятно. Но Россия может восстановиться и, возможно, даже увеличить свою роль в мировой культуре.

© Eric Hobsbawm 2011

Беседу провела Юлия Нетесова

Перевод с английского Юлии Нетесовой

Реиндустриализация

О подходах к разработке промышленной политики и ее основных элементов

Реформирование налоговой системы

Все налоги «по определению» имеют фискальный смысл. Вместе с тем налоговая политика, определяющая в конечном счете содержание и совокупный объем налогов, должна заключать в себе рациональный компромисс между государством, представляющим интересы общества в целом, и налогоплательщиками. Даже если такой компромисс не найден государством, налогоплательщики сами «нащупывают» приемлемый уровень налогообложения (его с этой точки зрения можно назвать справедливым) и, так или иначе, придерживаются именно этого уровня, вопреки всем административным ухищрениям власти по его повышению.

Этот вывод подтверждается, в частности, фактом устойчивого соотношения между суммой налоговых поступлений (без учета поступлений от внешнеэкономической деятельности) и объемом российского ВВП на протяжении всего периода реформ. Высокая устойчивость этого параметра (колебания в пределах 1–3 процентов) имела место, несмотря на то, что в течение 1992–2010 годов экономика переживала спады и падения, менялись состав налогов и ставки налогообложения, неуклонно и весьма изобретательно усиливалось налоговое администрирование и т. д. Об этом же говорит и практически 100-процентная корреляция между ростом ВВП и увеличением объема налоговых поступлений за указанный период.

Отсюда следует только одно: *в долгосрочной перспективе налоговую массу можно увеличить только за счет наращивания темпов роста и соответствующего объема ВВП, в том числе создаваемой в промышленном производстве добавленной стоимости.*

При этом экономическая практика убедительно показывает, что способствовать ускорению роста ВВП можно именно с помощью налогов: изменяя их состав и величину ставок, государство может (и должно) стимулировать рост экономики в целом, и в первую очередь за счет структур-

ных сдвигов, происходящих в результате притока достаточных инвестиций в расширение производства традиционной и высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью. Только так можно обеспечить неуклонное и быстрое расширение налогооблагаемой базы — в результате роста эффективности производства, занятости, заработной платы и уровня жизни населения, что в итоге увеличит финансовые возможности государства для дальнейшего развития экономики и решения социальных задач.

Таким образом, наряду с фискальной функцией налоговая система может и должна играть значительную стимулирующую роль в развитии национальной экономики.

Важно отметить, что налоговая система современной России принципиально отличается от налоговой системы экономически развитых стран и что, к сожалению, она мало изменилась за почти 20 лет реформ.

Во-первых, львиная доля налогов в развитых странах поступает в бюджетную систему от конечного потребителя. Это соответствует рыночной идеологии, согласно которой главным двигателем экономики является предпринимательская инициатива населения, обеспечиваемая необходимыми ресурсами — собственными и заемными средствами по экономически оправданным ставкам. В России же основным налогоплательщиком были (при советской власти) и продолжают оставаться субъекты экономической деятельности. Более того, по уровню процентных ставок они вынуждены работать в гораздо более тяжелых условиях по сравнению со своими зарубежными конкурентами. В результате, собирая основную массу налогов с предприятий (предпринимателей), денежные власти России в значительной мере лишают их свободы маневра в развитии.

Второе важное отличие состоит в том, что в российской системе управления финансами так и не прижились принципы бюджетного федерализма. Налоговые поступления, как и прежде, аккумулируются в центральном (федеральном) бюджете для последующего их распределения между регионами.

Такая практика, безусловно, способствует укоренению иждивенческой модели поведения субъектов Российской Федерации и местных властей, сковывает их инициативу по экономическому развитию «подведомственных» территорий и не мотивирует к усилиям по наполнению бюджетов за счет хозяйственной деятельности «на местах». Соответственно, и региональная, и местная власть не стремится к партнерству с бизнесом в вопросах экономического развития.

Таким образом, современная налоговая система России является архаичной. Ее дефекты, унаследованные с советских времен, были значительно усугублены за годы реформ. Консервация действующей системы под лозунгом сохранения стабильных налоговых правил чревато застоєм в экономи-

ке и в развитии экономических отношений. По мнению многих экспертов, совокупное налоговое обременение предпринимателя (включая отчисления в социальные фонды) может считаться оптимальным, если оно находится в интервале 33–37 процентов от его валовой прибыли (по принципу «золотого сечения»).

В современной России (вопреки мифу о весьма конкурентной налоговой нагрузке на бизнес) она составляет, по расчетам Мирового банка, 48,3 процента от валовой прибыли компаний. К примеру, в Казахстане, согласно тем же расчетам, она составляет 35,9 процентов, в Германии — 44,9, в США — 46,3, в Финляндии — 47,7 процента и т. д.

Целенаправленное совершенствование налогообложения призвано стимулировать предпринимательскую деятельность на справедливой и понятной для бизнеса основе. К сожалению, можно констатировать, что, с одной стороны, в современной отечественной практике налогообложения доминирует фискальная, а не стимулирующая составляющая. Это сковывает инициативу и тормозит экономический рост. Кроме того, чрезмерная налоговая нагрузка способствует уходу экономической деятельности «в тень». История со ставками социальных налогов лишний раз это подтвердила.

С другой стороны, современная налоговая практика не сбалансирована с точки зрения распределения налоговой нагрузки на предприятия разных секторов промышленности. В настоящее время налоговая нагрузка в них (в расчете на рубль оборота) различается в несколько раз. В частности, в добывающих секторах она составляет около 60 копеек на рубль оборота, в машиностроении — 17–18 копеек, в текстильной и швейной промышленности — 12–13 копеек, а в черной металлургии, к примеру в 2009 году, — около 3 копеек.

Такое положение сложилось «само собой», но вряд ли оправданно его сохранение в будущем. Оно не способствует реализации в экономике одного из главных принципов развития рыночной экономики — обеспечению равной доходности на единицу вложенного капитала. В конечном счете это дает ложные ориентиры предпринимательской инициативе, переток капитала между секторами промышленности становится неоптимальным и попросту замораживается, экономический рост замедляется, а не ускоряется.

Ниже приведена информация об основных налогах, используемых в настоящее время. Большая их часть изначально носит системный характер и не может быть «индивидуализирована» по отдельным секторам промышленности. Однако среди них есть налоги, учитывающие своеобразие промышленной деятельности, к примеру — в природопользовании. Безусловно, рассчитываемая с их учетом дополнительная налоговая нагрузка на предприятия соответствующих секторов промышленности должна учитывать фискальную нагрузку и со стороны системных налогов.

Об основных налогах и доходах бюджетной системы

Налоговая отдача тех или иных видов промышленной деятельности определяется «собираемостью» в основном трех основных налогов: НДС, налога на прибыль и подоходного налога. В обрабатывающих производствах наиболее значимы НДС (в силу высокого уровня добавленной стоимости) и подоходный налог, общая масса которого определяется не только численностью персонала, но и размером средней заработной платы работников.

Налог на добавленную стоимость (НДС)

К практике использования НДС первой в Европе прибегла Франция в 1950-х годах для стимулирования экспорта. С образованием Европейского Союза этот налог был превращен в унифицированный инструмент регулирования конкурентоспособности товаров национальных производителей на едином европейском рынке.

Ни одна из этих или подобных целей не ставилась при введении НДС в России в начале 1990-х годов. В нашей стране этому налогу изначально была придана исключительно фискальная функция. В результате НДС сыграл крайне негативную роль в развитии российской экономики в 1990-е годы. На фоне крушения национальной кредитной системы именно этот налог с запредельной ставкой в 28—30 процентов способствовал развалу высокотехнологичных предприятий с длительным циклом производства, ускорял инфляцию, а также стимулировал экспорт сырья. Налог фактически превратился в оборотный. Его пагубное влияние на экономические отношения — включая такие явления, как криминальный уход от налогообложения через фиктивные договоры или коррупция в налоговых органах, связанная с процедурой его возврата при поставках на экспорт, — сохраняется по сей день.

Еще раз подчеркнем, что практика возврата НДС при поставке продукции на экспорт безусловно стимулирует его увеличение. А поскольку более 80 процентов российского экспорта составляет сырье и лишь отчасти — продукты его глубокой переработки, то практика возврата НДС консервирует сырьевую ориентацию российской экономики. При этом объем возврата НДС при экспорте постоянно увеличивается. В настоящее время он составляет немногим менее всей величины НДС, получаемой при обложении товаров (работ, услуг), реализуемых на территории Российской Федерации (по итогам 2010 года эта величина составляет 1,3 триллиона рублей).

Таким образом, продекларированная в настоящее время задача преимущественного развития перерабатывающей промышленности в экономике России вошла в противоречие с фискально-экономическим содержанием НДС. Однако исключение возврата НДС в части экспорта только сырья не

представляется возможным по причинам технического характера. Более правильным было бы поставить вопрос о коренном изменении порядка начисления и взимания этого налога или его замене налогом с продаж.

Говоря о роли НДС в российской экономике, следует обратить внимание и на то, что со времени его появления в отечественной налоговой практике финансово-экономическое содержание и назначение НДС претерпели значительные изменения. Если в 2000 году НДС на товары, ввозимые на территорию Российской Федерации, составлял порядка 8 процентов общего его объема, то в 2010 году эта величина приблизилась к 47 процентам. Это значит, что НДС во многом стал дублировать функции ввозных таможенных пошлин. В результате в 2010 году объем НДС на товары, ввозимые на территорию России, составил более 36 процентов всех доходов от внешне-экономической деятельности.

*Налог на прибыль предприятий и организаций
и налоги на доходы физических лиц*

Наряду с фискальной функцией эти налоги могут успешно служить в качестве стимулятора процессов накопления, которые, как известно, в значительной мере определяют темпы экономического роста.

Практически во всех экономически развитых странах обложение налогами доходов компаний осуществляется на основе так называемого принципа рационального потребления. Он заключается в том, что доходы, превышающие установленную общественным консенсусом сумму, облагаются налогом по прогрессивной шкале, если они не реинвестированы в экономику. Если же средства инвестируются, то они вообще освобождаются от налогообложения. Однако данная льгота не действует при инвестировании компаниями за рубежом.

Этот принцип «работает» и при начислении налогов на доходы населения. В зависимости от того, какая ситуация складывается в экономике, эти налоги стимулируют те или иные направления расходования средств населением — покупку товаров длительного пользования, вложения в ценные бумаги предприятий, вложения в образование членов семьи и поддержание своего здоровья и т. д.

Активное воздействие «доходных» налогов на развитие экономики обеспечивается порядком их начисления и взимания. Например, льготы могут быть предоставлены на обложение той части доходов, которая направляется компанией на инвестиции в расширение бизнеса (в том числе в геологоразведку), а для населения — на приобретение, как отмечалось, недвижимости, акций, товаров длительного пользования и т. д. В этом случае для налогоплательщиков невыгодно сокрытие реальных доходов, что способствует возрастанию массы налоговых поступлений в бюджет. В ко-

нечном же счете экономика получает достаточный (притом «прозрачный») приток финансовых ресурсов, обеспечивающих ее развитие.

О том, насколько налогоплательщики чувствительны, в частности, к льготе по налогу на прибыль, свидетельствуют данные о динамике его поступления в 2002 году, когда эта льгота была отменена. Несмотря на одновременное с отменой льготы снижение ставки налога с 35 до 24 процентов, объем поступлений налогов на прибыль уменьшился по сравнению с показателем 2001 года на 54 миллиарда рублей (или на 11 процентов).

Следует подчеркнуть, что при наделении налогов на доходы функцией стимуляции процессов накопления ставка по налогу на прибыль предприятий и организаций и ставка по НДС не должны существенно различаться. Кроме того, эффективность обложения налогами доходов обеспечивается гибким использованием таких инструментов, как не подлежащие обложению минимумы доходов, «плоская» шкала налогообложения, прогрессивная шкала и др. Применение же, к примеру, только «плоской» ставки обложения по НДС весьма способствует легальному вывозу личных доходов высокооплачиваемых налогоплательщиков за границу.

Следует также подчеркнуть, что в большинстве стран налог на прибыль имеет прогрессивную шкалу в части доходов, превышающих нормальный уровень отраслевой рентабельности. Это позволяет корректировать «просчеты» всей налоговой системы, а также анализировать ее эффективность в целом и ставить конкретные задачи по совершенствованию.

Кроме названных, определенное значение в ряде отраслей имеют другие налоги, а также таможенные платежи.

Акцизы

Акцизы являются прямым налогом на потребление (хотя традиционно в экономической теории они относятся к косвенным). Как правило, ими облагается продукция, потребление которой сосредоточено в определенных группах населения (алкогольные напитки, табак, предметы роскоши, икра, бензин и др.). Акцизы напрямую увеличивают розничную цену на облагаемую ими продукцию.

Регулируя величину акцизов, можно, в известном смысле, регулировать емкость соответствующих рынков даже в условиях низкой эластичности спроса по отношению к ценам. В частности, варьируя величину акцизов на нефтепродукты, можно стимулировать потребление более качественного топлива, оптимизировать структуру автомобильного парка и т. д.

Применимость акцизов для целей управления налоговой нагрузкой на предприятия нефтяного сектора или для решения задач по увеличению поступлений в бюджет имеет заведомо ограниченный характер. Опыт показывает, что чрезмерная акцизная нагрузка может обернуться нарастанием

«теневого» оборота и в конечном счете недобором самих акцизов. Примеров — множество, в том числе в сфере потребления алкоголя, производство которого при увлечении акцизами сразу уходит «в тень».

Налоги на добычу полезных ископаемых

Эти платежи (налоги) фактически материализуют в денежном эквиваленте право собственности государства на природные ресурсы (по аналогии с получением дивидендов по результатам деятельности компаний с государственным участием). Величина такого рода рентных платежей зависит в том числе от того, насколько эффективно осуществляет государство «капитализацию» этой собственности (от качества геологической изученности, развитости инфраструктуры и т. д.). С регулятивной (управленческой) точки зрения эти платежи призваны обеспечить равную доходность на вложенный капитал в той или иной сфере природопользования. Эта цель достигается путем изъятия у конкретных предпринимателей «незаработанных» доходов, получаемых независимо от их собственных усилий, в том числе — благодаря уникальным характеристикам месторождений.

Эта уникальность может быть связана с географическим расположением месторождений, их качеством и объемом запасов, природно-климатическими условиями эксплуатации и т. д.

Эта уникальность может быть обусловлена и предшествующей экономической деятельностью, затратами государства на геологоразведку, на обустройство и повышение транспортной доступности — независимо от того, идет ли речь о старых или новых месторождениях.

Эта уникальность может быть связана и с повышенным спросом на российский сырьё на внешних рынках, например спросом на нефть.

Следует также подчеркнуть, что месторождение может стать «уникальным» и вследствие собственной деятельности предпринимателя, стремящегося улучшить транспортную доступность месторождения, его обустроенность, использовать прогрессивные технологии добычи и т. д. В таком случае дополнительный доход, получаемый в ходе повышения эффективности эксплуатации данного месторождения, должен полностью оставаться в распоряжении этого предпринимателя, кроме той его части, которая образуется в силу благоприятной конъюнктуры на внешних рынках (см. Таможенные платежи).

Все названные особенности месторождений и необходимость их учета предопределяют сложность выработки «в один присест» безупречных рекомендаций по системе рентных платежей. Потребуется длительная, настойчивая и целенаправленная работа. Только методом последовательных приближений удастся создать эшелонированную систему платежей, каж-

дый элемент которой будет нацелен на решение конкретной задачи — от стимулирования геологического изучения, освоения и эффективной эксплуатации месторождений до реализации сырья и продуктов его переработки на внутреннем и внешнем рынках.

Следовательно, необходимо в корне пересмотреть всю действующую систему расчета рентных платежей.

В рентных платежах должна появиться составляющая, отражающая конкретные этапы жизненного цикла месторождения. Контроль за динамикой величины этой составляющей потребует организации мониторинга, обеспечивающего возможность ежегодного подтверждения или корректирования названной величины в интересах оптимального и справедливого взимания платежей.

В рентных платежах должна появиться и составляющая, характеризующая транспортную доступность месторождения, его обеспеченность иной инфраструктурой, созданной за счет предшествующих и текущих затрат государства.

В рентных платежах должны получить также свое отражение и платежи (неплатежи), стимулирующие повышение извлекаемости сырья, повышение энергоэффективности и т. д.

В результате система платежей на добычу природных ископаемых будет служить не только для изъятия природной ренты, но и для того, чтобы стать инструментом формирования в природопользовании здоровой конкурентной среды, обеспечивающей равнодоходность на вложенный капитал, а также стимулировать эксплуатирующие компании к получению дополнительной прибыли, в первую очередь — за счет более эффективной деятельности. Соответственно, разработка такого рода системы платежей и определение величины каждой ее составляющей не должна отдаваться «на откуп» Министерству финансов (например, разработчиком дивидендной политики является МЭР России, а не Минфин России, хотя соответствующие платежи и поступают в бюджетную систему).

Следует также иметь в виду, что в большинстве стран, добывающих нефть, не вся природная рента централизуется в бюджетной системе для последующего перераспределения в интересах общества. Определенная ее часть сознательно передается государством населению и действующему на территории страны бизнесу непосредственным образом в виде более низких (по сравнению с мировыми) цен на нефтепродукты. Эксперты утверждают, что для сохранения социальной стабильности в нефтедобывающих странах уровень внутренних цен на нефтепродукты не должен выходить за пределы 75 процентов от уровня мировых цен. Причем нахождение и регулирование их величины обеспечивается путем варьирования значениями вывозных таможенных пошлин.

В заключение еще раз подчеркнем, что налоговая политика — один из важнейших инструментов воздействия государства на ход экономических процессов. Изменение целей и задач, стоящих перед экономикой, предполагает внесение изменений в налоговую политику. Она должна сопровождать и активизировать соответствующие процессы. Тем самым она будет способствовать расширению налогооблагаемой базы и увеличению объемов налоговых поступлений в бюджетную систему. Зарубежный и даже отечественный опыт трансформации налогов показывает, что такая постановка вопроса вполне правомерна.

В частности, как было отмечено выше, введение 50-процентной льготы по налогу на прибыль в части, направляемой на модернизацию и развитие производства, привело в 1999—2001 годах к значительному росту соответствующих налоговых поступлений.

Представляется также, что постепенный переход к паритетной уплате социальных платежей предприятиями и наемными работниками (при сохранении суммы платежей) явился бы более конструктивным решением проблем, связанных с наполнением и функционированием социальных фондов, чем происходящие сегодня «метания» со ставками страховых взносов. В то же время такая мера могла бы обеспечить уже в недалекой перспективе реальное снижение налоговой нагрузки на компании.

Нуждается в переосмыслении опыт использования в российской экономической системе НДС. Многочисленные попытки организовать авторитетное и конструктивное обсуждение этой проблемы встречают ожесточенное сопротивление со стороны Минфина России. Уже сейчас проблему НДС смело можно назвать перезревшей, причем со временем она приобретает все большую остроту.

Остаются не только не решенными, но даже не проясненными в достаточной мере многие вопросы, касающиеся сложившейся налоговой политики и с точки зрения равномерности налогообложения по секторам экономики. В частности, непрозрачна картина налогообложения в фармацевтике, связи, металлургии, жилищном строительстве, кредитовании и страховании и др.

Наконец, важно заметить, что поиск оптимальных решений в сфере совершенствования налоговой политики отнюдь не должен повлечь за собой обеднения бюджетной системы. Наоборот, благодаря обусловленному этими решениями росту экономической активности результатом должно стать увеличение объема налоговых поступлений — пусть даже принимаемые меры в какой-то их части будут предусматривать обоснованные налоговые послабления.

Безусловно и то, что формирование «справедливой» системы налогообложения будет способствовать декриминализации экономических отно-

шений в стране и переводу отечественного бизнеса под российскую юрисдикцию. Путем реформирования налоговой системы необходимо создать такие условия, в которых работа через «оффшоры» стала бы не выгодной для российских компаний. В то же время нужно добиться, чтобы развитие бизнеса и решение его корпоративных проблем на территории России и в рамках норм российского права стало более предпочтительным, чем в «оффшорах».

Определение приоритетных секторов промышленной политики

С учетом изложенного, включение того или иного сектора промышленности в периметр промышленной политики для оказания специальной поддержки по его опережающему развитию, во всяком случае, на первых этапах ее реализации, возможно только при наличии:

- устойчивого платежеспособного спроса, достаточной конкурентоспособности и очевидного в среднесрочной перспективе потенциала роста производства его продукции;
- способности производить высокотехнологичную продукцию с высокой добавленной стоимостью, трудоемкостью и налогоемкостью;
- нехватки собственных возможностей для привлечения средств на восстановление и развитие;
- высокой синергии в отношении развития других секторов промышленности и экономики (возможности стать «локомотивами» роста).

Бесспорным конкурентным преимуществом российской экономики в мировой являются наличие огромных природных ресурсов и устойчивая возможность поставлять на внутренний и внешний рынок продукты его глубокой переработки.

Текущая ситуация такова, что большая часть предприятий соответствующих секторов промышленности за 20 лет реформ уже преодолела спад, научилась работать в условиях рынка, в том числе привлекать инвестиции. Предприятия таких секторов нуждаются сегодня лишь в системной поддержке их развития и в поддержании инвестиционной привлекательности. К таким секторам могут быть отнесены многие предприятия добывающей и даже перерабатывающей промышленности (нефтехимии, пищевой промышленности, строительных материалов и др.). В то же время среди секторов промышленности, связанных с переработкой природных ресурсов страны, есть и «аутсайдеры». Например, в добывающем секторе это оловянная промышленность. В перерабатывающих — легкая и деревообрабатывающая промышленность.

Отдельного рассмотрения заслуживают сектора и подотрасли отечественного машиностроения. В ходе такого рассмотрения они могут быть

определенным образом сгруппированы. Например, среди них можно выделить предприятия, которые

- имеют платежеспособный спрос на свою продукцию и уже могут самостоятельно привлечь средства на развитие, включая НИОКР (автомобилестроение, машиностроение для пищевой индустрии, производство металлоконструкций и др.);

- имеют платежеспособный спрос на свою продукцию, но пока не в состоянии привлечь средства на развитие, в том числе инновационное, и финансирование НИОКР (энергетическое машиностроение, производство машин и оборудования для добычи и глубокой переработки природных ресурсов и др.);

- не имеют платежеспособного спроса на свою продукцию и не в состоянии привлечь средства на развитие, в том числе инновационное, и финансирование НИОКР (машиностроение для легкой, лесной и деревообрабатывающей промышленности, сельскохозяйственное машиностроение, станкоинструментальная промышленность и др.);

- практически всегда будут в той или иной степени рассчитывать на значительную бюджетную поддержку в силу того, что их продукция имеет двойное назначение (авиастроение, электронная промышленность, судостроение, космическая промышленность и др.). Предприятия таких секторов машиностроения не должны включаться в периметр промышленной политики. Они практически всегда будут находиться в сфере интересов государства и финансироваться с привлечением значительных средств федерального бюджета, исходя их необходимости обеспечения безопасности страны.

Выбор приоритетных секторов для целенаправленного оказания дополнительной поддержки их развитию со стороны государства и определение их числа будут также зависеть от объема средств, которые могут быть направлены из федерального бюджета для реализации промышленной политики.

С учетом изложенного, на современном этапе экономического развития России промышленная политика государства должна быть нацелена на прямую финансовую поддержку ограниченного числа секторов промышленности. Выбор состава таких секторов — предмет последующей работы. Заведомо можно сказать, что в него могут войти и традиционные, и «новые» сектора промышленности. Вместе с тем, с учетом уже принятых Правительством Российской Федерации мер и решений по поддержке промышленности, среди них могут быть названы: производство машин и оборудования для добычи и глубокой переработки природных ресурсов (тяжелое машиностроение), легкая промышленность, станкостроение и сельхозмашиностроение. Этот перечень имеет условный характер. Данные отрасли названы в том числе в силу того, что по ним, кроме прочего, в нашем рас-

поряжении имеются весьма глубоко проработанные материалы, которые могут дать достаточно полное представление о характере и содержании предстоящей работы над промышленной политикой.

Восстановление и развитие тяжелой промышленности

Предприятия, созданные в свое время для производства машин и оборудования для добычи и глубокой переработки природных ресурсов, за последние 20 лет во многом утратили свой научно-производственный потенциал. В настоящее время большая часть машин и оборудования завозится из-за рубежа, в том числе из Китая.

Вместе с тем производство соответствующих машин и оборудования имеет значительный платежеспособный спрос со стороны добывающих и перерабатывающих секторов отечественной промышленности, которые преодолели спад и находятся на подъеме. Более того, выпускаемая ими продукция является весьма металлоемкой и инвестиционно-привлекательной для организации ее производства на территории России, в том числе с привлечением инжинирингового потенциала западных компаний.

Развитие этого сектора отечественного машиностроения способно дать значительный синергетический эффект для предприятий металлургического комплекса в целом. Следует также подчеркнуть, что в последние годы потребность в опережающем росте этого сектора подтверждается экономической практикой. В частности, прирост производства металлоемкого оборудования для добычи и переработки сырья, энергетики и транспорта даже в кризисном 2009 году составил (по отношению к 2008 году) 52,5 процента. В 2010 году он достиг уже 37,7 процента, а за два года — 72,3 процента. Однако эти успехи достигнуты в основном на индустриальной основе, созданной еще в советское время. Если не осуществить реструктуризации и модернизации в этой сфере, сохранившийся производственный потенциал будет истрачен за несколько ближайших лет. Объектами господдержки должны стать 10—15 предприятий сектора тяжелого машиностроения. Срок реализации программы — 3—5 лет.

Промышленная политика в отношении предприятий, ориентированных на производство машин и оборудования для добычи и глубокой переработки природных ресурсов, будет опираться на использование как общесистемных, так и отраслевых мер поддержки.

Для тяжелого машиностроения импортозамещение должно осуществляться через временную, но активную таможенную политику по защите внутреннего рынка для отечественных производителей конкретных машин и оборудования.

Поддержка экспорта в тяжелом машиностроении должна быть организована за счет увеличения субсидирования процентных ставок, а также свя-

занного кредитования для расширения поставок на экспорт конкретных видов продукции. В связи с тем, что выпускаемая отраслью продукция часто носит единичный, малосерийный характер, целевое связанное кредитование оказывается наиболее удобным инструментом поддержки.

Большой цикл производства некоторых видов продукции способствует успешному применению для развития отрасли организации кредитования с использованием институтов гарантирования поставок по долгосрочным договорам с целью создания финансовых условий, сопоставимых с условиями поставок из-за рубежа.

Повышение энергоэффективности производства машин и оборудования в тяжелом машиностроении связано в первую очередь с новыми технологиями сварки.

Наиболее актуальным из набора отраслевых мер для тяжелого машиностроения является ослабление налогового обременения в части имущества и земли при наличии программ «сжатия» производственных площадей и занимаемых территорий (в течение 5–7 лет). Многие из предприятий отрасли сохранили неэффективную структуру имущества и устаревшие схемы размещения производственных мощностей. Стимулирование к высвобождению избыточного имущества может, с одной стороны, принести предприятиям дополнительный доход, с другой — способствовать обновлению производства. Как показал опыт, сдача помещений в аренду не решила задачи оптимизации производственных мощностей и занимаемой территории.

Помимо льгот по имущественным налогам целесообразно введение 50-процентной льготы по налогу на прибыль, направляемую на техническое перевооружение и модернизацию. Тяжелое машиностроение в современной экономике очень чувствительно к уровню прибыльности, поэтому введение инвестиционной льготы может способствовать технологическим инновациям. В этих же целях могут вводиться субсидирование процентных ставок по кредитам, предназначенным для технического перевооружения и модернизации, и государственная поддержка инжиниринговых организаций и предприятий в части осуществления НИОКР.

*Восстановление и развитие легкой промышленности
(на примере текстильной отрасли)*

Легкая промышленность потенциально является одной из наиболее жизнеспособных и конкурентоспособных отраслей экономики России. Она напрямую связана с глубокой переработкой сельскохозяйственного сырья, для производства которого страна располагает огромными сельскохозяйственными угодьями. На них может быть с успехом налажено производство льна, шерсти, кожи, меха и т. д. для выпуска первичной (пряжа,

ткани и др.) и конечной продукции (одежда, столовое и постельное белье, обувь и др.), пользующейся спросом на внутреннем и внешнем рынках.

Современное состояние легкой промышленности не отвечает представлениям об экономической безопасности, об эффективности отрасли с точки зрения возможного и фактического поступления налогов от ее предприятий, об отрасли, концентрирующей в себе способность населения страны одевать и обувать себя, а также реализовывать свою склонность к материальному воплощению отечественных художественных традиций, об отрасли, в значительной мере обеспечивающей занятость населения в российской «глубинке».

О необходимости и финансово-экономической целесообразности разработки и реализации государственной политики восстановления и подъема легкой промышленности свидетельствуют, в частности, следующие факты.

Только внутренний рынок для продукции легкой промышленности составляет около 3 триллионов рублей. В настоящее время импорт занимает около 80 процентов всего внутреннего рынка. Если реализация промышленной политики приведет к снижению этого показателя только до 50 процентов, это будет означать дополнительный прирост производства продукции легкой промышленности на 1,3 триллиона рублей, что при сложившейся налоговой нагрузке на отрасль позволит ежегодно получать в бюджетную систему страны дополнительно более 100 миллиардов рублей.

Помимо расширения налогооблагаемой базы в малых и средних городах России будут обеспечены рост занятости (главным образом среди женщин) и оздоровление социально-политической обстановки.

Расширится устойчивый спрос на продукцию отечественного сельского хозяйства. Произойдет восстановление посевных площадей.

Расширится устойчивый внутренний спрос на продукцию нефтехимии.

Государственная политика восстановления и подъема легкой промышленности должна предусматривать решение двух взаимосвязанных задач. Первая — выход на уровень производства начала 2000-х годов. Вторая — достижение объемов производства, достаточных для 90-процентного обеспечения государственного заказа (в военной и гражданской сферах), а также 50-процентного удовлетворения внутренней потребности в продукции легкой промышленности.

Более 50 процентов легкой промышленности приходится на текстильное производство. Поэтому система первоочередных мер государственной промышленной политики должна затронуть именно эту отрасль.

Реализация промышленной политики в отношении текстильной подотрасли должна строиться на следующих принципах.

Во-первых, это увеличение спроса на отечественную продукцию через изменение системы госзакупок, более активную борьбу с контрабандой и контрафактом (включая безусловное уничтожение соответствующей продукции при ее установлении), а также адекватную таможенную политику. Система госзаказов должна быть реформирована таким образом, чтобы частные компании получили право становиться генеральными исполнителями госзаказов на долгосрочной основе — при условии безусловного выполнения требований госзаказчика по качеству, срокам выполнения контрактов и т. п. Только такой порядок позволит постоянно совершенствовать ассортимент и повышать качество выпускаемой продукции с использованием инновационной техники и технологий.

Во-вторых, это улучшение обеспечения предприятий сырьем. Потребуется восстановление химических и нефтехимических производств, создать систему выполнения госзаказов на основе сырья из госрезерва с последующим его пополнением. Необходимы межправительственные соглашения по поставкам сырья с республиками Средней Азии (хлопок) и Беларуссией (лен). При этом поставки хлопка не должны предусматривать взимание НДС и пошлины — как в случае ввоза промышленной продукции, не производимой на территории России.

Необходимо усовершенствовать систему субсидирования сезонного сырья предприятиями легкой промышленности. Для создания национальной сырьевой базы потребуется разработка федеральной целевой программ по восстановлению и значительному увеличению производства льна и его первичной переработки. Опыт реализации аналогичной программы в конце 1990-х годов позволил остановить сокращение посевных площадей, повысить урожайность льна, а также увеличить экспорт продукции с его использованием в 5–6 раз.

В-третьих, необходимо добиваться повышения конкурентоспособности предприятий текстильной промышленности и выпускаемой ими продукции. Для этого потребуется разработать и реализовать систему мер по облегчению налогового обременения. В частности, предусмотреть введение 50-процентной льготы на обложение прибыли, направляемой на техническое перевооружение и модернизацию производства, ввести льготы по налогу на имущество (новые мощности) на период их окупаемости.

Следует существенно расширить практику проектного финансирования при осуществлении программ строительства новых и модернизации действующих мощностей с использованием госгарантий, усовершенствовать практику предоставления субсидий ставки по кредитам, направляемым на модернизацию и развитие текстильной промышленности. Для повышения конкурентоспособности потребуется также обеспечить финансирование НИОКР, направленных на ресурсосбережение и повышение эффективно-

сти производства, а также расширение замещения хлопка льном; в частности, разработать технологии сухого прядения и освоить их практически, разработать и практически освоить технологии, замещающие хлопок при производстве продукции военно-технического назначения, обеспечить государственную поддержку создания Центра инноваций в легкой промышленности, выполнения работ по созданию искусственных волокон и нетканых материалов. Потребуется обеспечить организационную, научную и финансовую поддержку формирования текстильных кластеров в регионах.

При разработке конкретных мер государственной поддержки развития тех или иных секторов промышленности потребуются тщательная экспертиза состояния сектора, выявление конкурентных позиций производимой соответствующими предприятиями продукции, адекватная оценка реальных возможностей усиления этих позиций и на внутреннем, и на внешнем рынках. Должна быть проработана «география» развития сектора, оценены возможности развития предприятий сектора за счет собственных и заемных средств, финансовой поддержки от бюджетов всех уровней и т. д.

Например, включение сельскохозяйственного машиностроения в состав приоритетных секторов обусловлено огромным потенциалом сельскохозяйственных угодий, расположенных на территории России, а также особенностями природно-климатических условий производства соответствующей продукции.

Необходимость собственного производства сельскохозяйственной техники продиктована огромной потребностью в сельскохозяйственной продукции и продуктах ее глубокой переработки для удовлетворения внутреннего рынка, а также значительного расширения поставок на мировой рынок. Причем организация финансовой поддержки развития сельхозмашиностроения должна изначально предусматривать ее оказание не только «напрямую», но и через самих производителей продукции сельского хозяйства.

Убежден, что задача разработки и реализации промышленной политики — один из главных приоритетов кадрово обновленных органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации.

Постимперский блюз

В академической теории есть направление под названием «реализм», более популярное в Америке, чем у нас, в Европе, и его концепция заключается в том, что страны ведут себя, как бильярдные шары. Учитывая конкретные реалии власти, географическое положение и прочие физические критерии, все государства будут вести себя схожим образом в схожих обстоятельствах, забыв о национальной политической культуре, исторических особенностях или характерах лидеров. По мнению сторонников теории реализма, ни чувства, ни случайность никак не отражаются на решениях, принимаемых лидерами.

Я никогда не встречал политика, который, в отличие от невропатолога, воспринимал бы эту теорию всерьез. Когда профессиональные дипломаты рассматривают стоящие перед ними проблемы, они уверенно соединяют объективное знание с тем, что условно можно было бы определить как умение чувствовать ситуацию, которое приобретается с опытом. Особое психологическое взаимодействие определяет любой дипломатический контакт. Так происходит, например, когда элита государства считает, что честь нации подверглась поруганию, и требует восстановления; эмоциональная основа ревизионистского (или реваншистского, согласно классическому французскому определению) государства — это реальность, которую опасно игнорировать.

Например, никто из тех, кто имеет дело с российской элитой и ее дипломатическими кругами, не считает, что трагическая история страны последних лет не повлияла на ее внешнюю политику. В конце «холодной войны» Россия потеряла не только свое искусственное название XX века, но и многочисленные территории, находившиеся под ее контролем со времен Екатерины Великой. Из статуса сверхдержавы Россия спустилась до сомнительного статуса страны с неэффективной экономикой, неопределенной полиэтничной и национальной идентичностью и большим количеством ядерного оружия, конкретные цели применения которого неясны. Многие утверждали, что Россия не проиграла «холодную войну», но скорее освообо-

ЧЕДЕ Франц — советник МИД Австрии, Чрезвычайный и полномочный посол, доцент Университета им. Андраши (Будапешт, Венгрия), доктор права, магистр в области международных отношений.

дилась от коммунизма. На самом деле ситуация не воспринималась таким образом ни внутри страны, ни вне ее. Очень скоро ведение дел с Россией для европейцев и американцев оказалось сопряжено с проблемой уязвленной гордости последней. Дипломаты почувствовали, что их российские визави особенно чувствительны к недостатку уважения и что в отношениях с ними необходимо проявлять почтение. Нужно было платить определенную цену за то, чтобы в конце концов воспринимать русских серьезно; и действительно, в последние годы правительство США неоднократно платило эту цену.

Образ мышления, господствующий в России в последние два десятилетия, является особенным, но едва ли уникальным. Превращение Османской империи в Турецкую республику после Первой мировой войны и империи Габсбургов в Австрию — еще один пример существовавших длительное время обширных имперских государств, внезапно рухнувших и оставивших после себя обломки с нечетким статусом и самосознанием. В тот период Россия была ослаблена революцией, гражданской войной и территориальными потерями. В таких обстоятельствах контекст играет решающую роль и всегда варьируется от случая к случаю. Тем не менее нельзя не задаться вопросом: не существует ли аналогов среди контекстуальных различий, из которых следует извлечь уроки? Эта мысль нередко посещала меня, когда я служил послом Австрии в России (1999—2003), и с тех пор она неоднократно возвращалась. Ниже представлена запоздалая попытка сопоставить постгабсбургский* и постсоветский варианты и понять степень продуктивности такого сравнения.

Различия между габсбургским и советским примерами крушения империй и национальной политической консолидацией многочисленны и очевидны. Не последнее значение имеет тот факт, что их разделяют богатый событиями период длиной в 71 год, в течение которого существенно изменились стандарты, технологии и многое другое. Тем не менее более значимы, вероятно, иные отличия, в числе которых следует выделить пять.

В первую очередь, хотя обе империи и потеряли значительную часть территории, Австрия после Габсбургов превратилась в маленькую не имеющую выхода к морю страну, в то время как постсоветская Российская Федерация осталась самой большой в мире страной и сохранила статус поставщика огромных природных богатств.

Во-вторых, Австрия утратила свою военную мощь после Первой мировой войны, в то время как Россия — все еще ядерная держава с большой армией. Масштаб территории России и ее военные возможности в глазах большинства наблюдателей оправдывают сохранение за ней места постоянного члена Совета Безопасности ООН и статуса ведущего игрока в мировой политике. Австрийская республика не имела и не могла даже мечтать о таком постимперском статусе.

* То есть поставстро-венгерский. — *Прим. перев.*

В-третьих, советский тоталитарный режим никоим образом не может быть сравним с политической культурой Габсбургской монархии. Несмотря на некоторые негативные особенности и слабость, империя Габсбургов не была коммунистическим СССР. Габсбургская династия не стремилась ни к созданию «нового» человека, ни к совершенствованию методов внутреннего террора как средства управления. Соответственно, с ее уходом в прошлое через некоторое время у населения ее прежних провинций, не говорящих на немецком языке, возникла ностальгия по прошлому; ничего подобного не было среди нерусского населения бывших советских территорий.

В-четвертых, падение империи Габсбургов обернулось вспышками левых революций в большинстве стран Центральной Европы, за которыми последовала жесткая реакция правых сил. Падение Советского Союза не привело к столь идеологизированному экстремизму и последующей политической поляризации сил ни в Восточной Европе, ни на бывших советских территориях. Например, в отличие от периода недолговечного коммунистического правления Бела Куна в Будапеште, на постсоветском пространстве старые компартии во многих случаях сумели быстро перестроиться в социалистические или даже социал-демократические. В большинстве случаев авторитарные лидеры бывших советских республик остались авторитарными лидерами новых независимых государств. Если в Вене и вокруг нее в 1918–1919 годах кипела политическая энергия, то в Москве и вокруг нее после декабря 1991-го она превратилась в бесформенную массу.

В-пятых, после Первой мировой войны Австрия никогда не пыталась реализовать серьезные ревизионистские намерения по частичному или полному восстановлению потерянной империи, чего не скажешь о постсоветской России. Конечно, после лета 2008 года и войны между Россией и Грузией уже невозможно считать, что Россия гарантированно признает территориальный статус-кво, сложившийся после «холодной войны». Владимир Путин назвал распад СССР «величайшей геополитической катастрофой XX века», подразумевая, что если бы было возможно избежать катастрофы, он бы сделал для этого все возможное. Ни один из австрийских лидеров не делал подобного замечания относительно распада владений Габсбургов.

Несмотря на эти важные различия, следует рассмотреть и пять схожих черт. В периоды кризиса руководство обеих постимперских стран пережило шок после потери империи; поиском путей легитимной политической преемственности; с идеологическим водоразделом; с поиском постимперской политической идентичности; с конфликтом между сторонниками полиэтничности и узколобного национализма. В более широком смысле, оба распада империй способствовали установлению более устойчивого баланса сил в мире, указав пути развития не только для бывших имперских метрополий, но и для остального мира. Рассмотрим эти схожие черты по очереди.

Шок после распада империи. Австро-Венгерская империя распалась буквально за одну ночь. Сен-Жерменский договор от 10 сентября 1919 года вычертил границы вновь созданной Австрийской республики путем, который определило высказывание французского премьер-министра Клемансо: «Остальное — это Австрия». По сравнению с территорией бывшей двуединой монархии в состав Австрии вошла только небольшая часть земель, находившихся ранее под властью Габсбургов. Некоторые габсбургские территории без немецкоязычного населения отошли к вновь скроенным Польше и Королевству сербов, хорватов и словенцев (впоследствии — Югославия). Кроме того, Австрия утратила обширные территории с преимущественно немецкоязычным населением: Южный Тироль и Каринтия были присоединены к Италии; южная часть Штирии отошла к новому Королевству южных славян; большая полоса немецкоязычных территорий в северной части страны была присоединена к новому государству — Чехословакии; наконец, образовалось независимое государство Венгрия. После усекования всех этих территорий Австрия утратила господствующую роль в Центральной Европе. «Вчерашний мир», как озаглавил свою последнюю книгу знаменитый австрийский писатель Стефан Цвейг, этот мир «внезапно исчез, положив конец иллюзорной стабильности Габсбургской монархии».

В Вене император Карл I вынужден был отречься от престола, поскольку место монархии заняла созданная второпях Австрийская республика. Отречение стало концентрированным отражением шока от резкой перемены: европейское государство площадью в 261 тысячу квадратных миль, простирающееся от озера Констанца на западе до границ Российской империи на востоке, было уменьшено до территории размером чуть больше 52 тысяч квадратных миль; полиэтничное население численностью более 50 миллионов свелось к 7 миллионам немецкоязычных граждан. Вена, бывшая столица великой европейской державы и один из самых больших европейских городов своей эпохи, внезапно превратилась в неловкого гидроцефала во главе маленькой страны.

Исчезновение Австро-Венгрии разрушило тесные культурные связи и этнополитический баланс, соединявшие различные части Габсбургского содружества, но суровые реалии 1918—1919 годов способствовали тому, что лишь немногие смогли позволить себе роскошь существовать как при доверенной Австрии, с ее ролью в европейской политической культуре. В самом деле, потрясения, вызванные четырьмя годами войны и внезапным экономическим дроблением государства, сделали весьма скромным уровень жизни в первой* Австрийской республике. Потрясение от потери империи и даже угроза гражданской войны бледнели перед лицом забот о выживании в стране, оказавшийся на пороге голода. Полное истощение после военного поражения в Первой мировой войне и катастрофические условия жизни породили политическую апатию и депрессивные настроения. Таким образом,

* То есть межвоенной. — *Прим. перев.*

несмотря на политических хаос, последовавший за падением монархии, население оставалось удивительно спокойным, подобно политическому лунатику перемещаясь от приема одного ускользящего блюда к следующему. Не зная, как вести себя в незнакомой политической ситуации, все как один просто перестали думать об этом.

Дела обстояли столь плохо, что большинство новых политических лидеров и значительная часть населения сомневались, что Австрия выживет как независимое государство. Большинство полагало, что Австрия должна объединиться с Германией — цель, которая, однако, была жестко отклонена союзниками при разработке Сен-Жерменского договора. Хельмут Андикс чутко уловил общее настроение, назвав свою книгу по истории Австрии, изданную в 1962 году, «Der Staat, der keener wollte» («Государство, которое никому не было нужно»).

Мало что можно вынести из анализа ситуации в Москве и на остальной территории бывшего СССР после декабря 1991 года. Эти события имели место достаточно недавно, и многие из нас являлись их свидетелями. Но следует вспомнить о том, что зимой, непосредственно последовавшей за развалом СССР, существовала угроза продовольственного кризиса. Необходимо также отметить, что угроза политического насилия в Вене снизилась перед лицом голода, апатии и более насущных забот о таких вещах, как личная безопасность и пропитание; точно так же уровень политического насилия был невысок в Москве и на складывающемся постсоветском пространстве. Даже несмотря на то, что ситуация подошла вплотную к гражданской войне, когда в августе 1991-го непримиримые коммунисты попытались совершить государственный переворот, ничего не произошло. Конечно, сыграли роль решительные действия Бориса Ельцина, но еще более важным было то, что настроится на насильственные действия сумела лишь совсем небольшая группа людей. Не было массовых убийств даже в Прибалтийских государствах, где Россия безуспешно пыталась применить вооруженные силы для предотвращения распада Союза. Похоже, урок состоит в том, что внезапная потеря империи происходит путем, чуждым политике как таковой.

Легитимная политическая преемственность. Победоносные союзники считали первую Австрийскую республику легитимной наследницей Габсбургской монархии. Тем самым они исходили из предположения, что у Австрии та же легитимная идентичность, что и у Австро-Венгерской империи, и, таким образом, она несет ответственность за войну. В ходе переговоров по Сен-Жерменскому договору правительство в Вене было просто слишком слабо, чтобы воспрепятствовать фикции правопреемственности, навязанной Парижской мирной конференцией. Однако вскоре австрийские лидеры заняли прямо противоположную позицию, провозгласив, что новая Австрийская республика в правовом смысле представляет собой иное явление, чем прежняя монархия. Это привело к более серьезным спорам по ряду финансовых и дипломатических вопросов.

В придачу к разногласиям по проблеме преемственности союзники и Австрия не могли договориться по основному вопросу — независимости Австрии. Как известно, под воздействием шока от поражения и распада подавляющее большинство австрийцев вместе с ведущими политиками страны выступали за объединение Австрии с Германией. Но также известно и то, что союзники воспрепятствовали этому. Изначально для нового государства австрийцы выбрали название «Германская Австрия» (Deutschösterreich). Союзники настояли на упразднении определения «Германская». Ни то, ни другое не было справедливо и законно, но случилось то, что случилось.

Вопрос о государственной преемственности стал столь же острым, когда СССР исчез с политического ландшафта. В каком объеме то, что именовалось «Российская Федерация», должно было получить права и обязательства бывшего Советского Союза? Этот вопрос нависал над отношениями Москвы с новыми независимыми государствами на территории бывшего СССР и со всем остальным миром. Дело оказалось не столь спорным в силу серьезной озабоченности заинтересованных сторон. Западные столицы хотели, чтобы Россия взяла на себя полную ответственность за унаследованное от СССР ядерное оружие, включая, насколько возможно, развернутое на Украине, в Казахстане и везде за пределами территории Российской Федерации. России нужен был контроль за советскими ядерными боеголовками, чтобы сохранить свой статус сверхдержавы, поэтому она с готовностью взяла на себя эту ответственность. Новые российские лидеры явно не были заинтересованы в независимой Украине с ядерным арсеналом.

Официальная позиция России была основана на утверждении, что новое государство законно и идентично бывшему СССР, и следовательно, Россия просто продолжает предназначение СССР в качестве субъекта международного права. Однажды принятый, этот тезис имел то важное последствие, что Российская Федерация не рассматривалась как новое государство, и ей не пришлось добиваться международного признания. Например, в ООН Россия без каких-либо возражений заняла кресло постоянного представителя, ранее занимаемое СССР.

Это обстоятельство, конечно, обозначает отличие от юридических споров о статусе Австрии как преемницы Габсбургской монархии в 1918 году, но и сегодня не до конца ясно, что речь идет о различиях. Я был непосредственно вовлечен в дискуссии относительно государственной преемственности России. Вскоре после распада СССР Министерство иностранных дел Австрии оспорило официальную позицию России о том, что она является законным правопреемником СССР. Австрия утверждала, что Россию, напротив, следует рассматривать как новый субъект международного права. Австрия ставила под сомнение юридическую силу международных договоров, заключенных бывшим СССР, включая, конечно, австрийский государственный договор 1955 года, который фактически закрепил за Австрией нейтральный статус.

Австрия оказалась единственной страной, оспаривавшей преемственность России. В качестве советника по правовым вопросам при Министерстве иностранных дел Австрии в тот период я столкнулся с жестким противостоянием, когда попытался объяснить австрийскую позицию своему визави из российского МИД. Атмосфера стала достаточно напряженной, когда российская сторона прочитала продолжительную лекцию по истории страны, начиная с первой письменной летописи Нестора, составленной ранее XIII века. Россия, объяснял этот чиновник, всегда была и будет Россией, независимо от того, как ее называли: Советским Союзом, Российской Федерацией или Бригадуном*.

Австрийско-российский правовой спор утих только после вступления Австрии в Евросоюз в 1995 году. В качестве страны-члена Австрия должна была принять официальную позицию ЕС, которая признала легитимность российской позиции. С другой стороны, поскольку вступление в ЕС де-факто ликвидировало австрийский нейтралитет, получалось, что одна рука международного права, так сказать, моет другую.

Идеологические водоразделы. В процессе распада Габсбургской империи многие считали ее династию ответственной за войну и катастрофическое поражение. В Будапеште, как уже отмечалось, в ходе беспорядков к власти пришла Коммунистическая партия. В Вене коммунисты пытались последовать венгерскому примеру, но потерпели поражение. Большинство рабочего класса столицы не поддержало коммунистов, но сила, которую они поддерживали, проявила себя лишь через некоторое время.

По результатам первых всеобщих послевоенных выборов в феврале 1919 года Социалистическая партия стала доминирующей в коалиции с Христианско-социальной партией. Новые политические лидеры не сошлись по многим вопросам относительно политического пути Австрии, но они единодушно согласились официально прекратить права и привилегии бывшей правящей династии и отменить все привилегии и титулы старой австрийской аристократии. Император Карл I и его семья бежали, вся собственность короны была конфискована, возвращение Габсбургов в Австрию было отныне запрещено законом. Таким образом, старый монархический порядок быстро очистил дорогу эгалитарной концепции демократической республики, по крайней мере формально.

Очевидно, что переход от многовекового монархического режима к демократии произошел отнюдь не без трений. Как только шок от распада империи прошел и появилась еда, политический климат послевоенной Вены разгорячился. В большинстве случаев он оставался предельно горячим вплоть до аншлюсса, который положил конец независимости Австрии в 1938 году. Немногие были сторонниками восстановления монархии. (Не-

* Бригадун (Brigadoon) — название шотландской деревни из одноименного американского фильма (1954), которая каждые 100 лет появляется на один день. — *Прим. перев.*

смотря на это, Карл I безуспешно пытался вернуть себе венгерскую корону.) Но политическая жизнь в первой Австрийской республике оставалась нестабильной, поскольку демократия пыталась балансировать между крайними левыми и крайними правыми, почти не имея демократов-практиков для восстановления нарушений компромисса.

Нечто похожее случилось в России. Распад Советской империи сопровождался исчезновением коммунистической идеологии как теоретической платформы советской диктатуры. Полное падение советского коммунизма как политического режима осложнилось полным провалом коммунистической идеологии. В ходе неудавшегося путча в Москве в августе 1991 года коммунистическая партия была полностью дискредитирована вплоть до роспуска; это многое объясняет относительно драматичности падения системы, которая сохраняла монополию на власть в течение двух поколений. Советскую номенклатуру (по крайней мере формально) постигла та же участь, что и габсбургскую аристократию, чьи права и привилегии были отменены.

Российские политики формально приняли демократический курс, однако, как и в случае с постгабсбургской Австрией, было очень немного подлинных демократов, способных претворить такую политику в жизнь. Тем не менее масса людей была заинтересована в старой социально-экономической системе, которая не готова была отказаться от своего образа жизни. Политические убеждения, получившие наибольшую поддержку, почти не оставляли места для истинных принципов демократии в Австрии в межвоенный период; так же и период Ельцина не знал развития ни настоящих массовых политических партий, ни верховенства закона. Государство оставалось местом для благополучия и власти, а политическая организация свелась к форме патронажа. В эпоху Путина государственное регулирова-

¹ См. L. Shevtsova. Imitation Russia. — «The American Interest». 2006. November/December.
 ние общества и экономики усилилось, породив подъем управляемой или, в лучшем случае, имитируемой российской демократии¹.

В значительной степени постгабсбургские и постсоветские политики приняли политико-идеологическую систему (но не обязательно содержание последних) победителей, одержавших над ним вверх. После Первой мировой войны все великие авторитарные империи рухнули, и, таким образом, собирание осколков в Вене, Берлине, Стамбуле и Москве ввергло их в эгалитарное правление, похожее на то, к которому пришли современные политические режимы в Лондоне, Париже и Вашингтоне. После декабря 1991-го Вашингтонский консенсус преобладал в осмыслении политической экономии по всему миру, даже в определенной степени в Пекине и Ханое. Но всесторонне осмысленному восприятию этой теории непросто укорениться и расцвести. Общество не может просто подхватить политическую экономию, словно купить костюм с вешалки. Как и события в Австрии между 1919 и 1938 годами, Россию начиная с 1992 года характеризуют идеологические

миазмы. За фасадом демократии скрывается примитивная политика, общим знаменателем которой являются эгоистические интересы и краткосрочные манипуляции. Существование демократии как формальной структуры ныне помогает политикам избегать наименования неофеодализма, которым в сущности и является их система; кроме того, по меньшей мере — временно, оно служит для одурачивания неопытных и полных надежд зрителей.

Постимперская идентичность. Разумеется, связь между идеологией и идентичностью существует. Если известны высшие цели политики, то источник ее идеологических чаяний помогает определить аудиторию, для которой ставятся эти цели. Если первых недостает, то вторые могут представлять собой проблему.

Так случилось с постабсбургской Австрией. Можно составить целую библиотеку литературы по *проблематике* австрийской идентичности. В период монархии все национальности, католическая церковь, армия, бюрократия и аристократия присягали на верность «Богу, Императору и Отечеству». Правление императора Франца-Иосифа I (1848—1916) было столь долгим, что некоторые из его подданных, по слухам, не знали, кто старше: император или Бог. У подданных империи были все основания верить, что они — граждане великой европейской державы, чьи достижения в науке, образовании, государственном управлении и других областях вполне сопоставимы с самыми развитыми странами цивилизованного мира. Авторитарная власть императора переносилась легко; граждане пользовались значительной личной свободой. Культурная жизнь процветала, и к концу XIX века Вена стала главным центром искусств и наук. Цивилизация Центральной Европы вселила в людей сознание идентичности, характеризующее общими для всех чертами и определенным образом жизни. Для многих политика учтиво скрывалась за кулисами.

Габсбургская формула идентичности в известном смысле предвосхитила современность, делая акцент на вере, личности и стране именно в таком порядке, и почти полностью подчинив себе сознание роли, которую играет государство. Однако, когда государство распалось, люди внезапно заметили его отсутствие. Когда исчезла политическая структура, связывавшая Вену, Будапешт и Прагу, стало ясно, что исчезло равновесие, складывавшееся в течение многих десятилетий и даже веков. Как будто внезапно смолкла музыка, и люди очнулись, обнаружив, что они вальсируют в незнакомых местах.

При разрыве политических, экономических и культурных связей между тремя столицами и с уходом объединяющего символа монархии обрели силу лишённые баланса националистические настроения. В пределах границ Австрии, определенных союзниками, население было в основном германоязычным, поэтому идеологический вакуум заполнило понятие «немецкая идентичность». Затруднением для того времени было то, существует

ли подлинная австрийская нация или немецкоязычные австрийцы являются частью более крупной немецкой нации.

Один из ответов на этот вопрос был дан тогдашним канцлером Куртом Шушнигом, объявившим, что Австрия — это второе немецкое государство. Учитывая подъем нацистских банд по соседству, он добавил в духе аристократии, что Австрия — это «лучшая Германия». Этот вид пангерманского мышления во многом способствовал поражению 1938 года. Благодаря более горьким урокам второй войны австрийцы убедились, что им лучше жить в своем собственном государстве и иметь возможность с некоторым убеждением сказать «малое — прекрасно».

Станным образом, однако, завершив этот подвиг поколения после Второй мировой войны, австрийцы вскоре вновь были поставлены в тупик вопросом политической и национальной идентичности благодаря вхождению Австрии в Евросоюз в 1995 году. Учитывая исторический опыт своей страны, австрийцы быстро задались вопросом о том, что осталось от их национальной идентичности, когда национальные прерогативы перебрались из стран—членов ЕС в Брюссель. Когда объединенная Германия стала самым крупным государством в Европейском Союзе, и когда в ходе экономического кризиса в последние годы она взяла на себя ответственность за спасение еврозоны, некоторые австрийцы заворчали о втором аншлюссе посредством членства в ЕС.

Проблема российской идентичности едва ли менее сложна. Подобно империи Габсбургов, Российская империя и до, и после образования СССР была мультикультурной. Габсбургская немецкоязычная элита могла несколько желчно воспринимать Австро-Венгерский мультикультурализм, но этот мультикультурализм был подлинным. Таким он был и в досоветской версии России, хотя российская власть была к нему еще менее снисходительна, чем Габсбурги. Однако советская версия «интернационализма» была уловкой русского господства, просто более лицемерная, чем прежде, вопреки тому, что в ряды элиты вошли те, кто не являлся этнически русским.

Когда официальная правда — газета «Правда», орган Коммунистической партии Советского Союза, оказалась всем, кроме правды, в конце 1991 года ее* было нечем заменить. Хотя никто больше не верил в *homo soveticus* официальной идеологии, падение СССР показало, что едва ли кто-то верил во что-либо вообще. Русский национализм всегда был мистической смесью православия и ощущения принадлежности к населению, ни полностью европейскому, ни полностью азиатскому; однако национализм и религия проклинались так долго, что ни одна из националистических формулировок не была приемлема для большинства населения. Результатом стало глубокое чувство замешательства, за которым последовало чувство общей потерянности.

* Эту идентичность. — Прим. перев.

Для россиян было естественным смотреть на Запад в поисках идеологического якоря, и в том же направлении они смотрели, ища идентичность. Западная модель экономики свободного рынка стала модной в Москве, и таким образом российская идентичность превратилась в *homo chicagoeensis*. В конце концов это было время «чикагских мальчиков», Джеффри Сакса и его компании, которые приехали в Москву с целью дать экономические советы, которые подошли российской экономике так же, как демократия подходила постгабсбургским и постсоветским политическим условиям.

Другая часть российских граждан в итоге обратилась к православной церкви за вдохновением и ценностями. Администрации Ельцина и Путина поддерживали возрождение православия и использовали его в своих целях для утверждения посткоммунистической российской идентичности. Ради преимущества, если не для других целей, простому народу внушали, что Российская Федерация остается «мировой державой» на паритетной основе с США, Китаем и другими глобальными игроками. Многие хотели этому верить, так и случилось. Эта вера в свою очередь создала мост к распространившейся ностальгии по «былым временам». Ностальгия же в настоящее время содействует самодовольству в смысле возврата элементов прежнего советского менталитета, так ярко проявившегося в последние годы эпохи Путина.

Куда это приведет россиян в рамках политической идентичности? Видится смутно. Едва ли кто-то желает возврата коммунистической эпохи, но немногие восприняли узколобый национализм, что показывает удивительную слабость постсоветского антисемитизма. Ранний энтузиазм относительно «обезьянничания» западного материализма не мог бы работать на большинство или сохраняться долговременно, даже если бы экономика смогла его обеспечить. Мутные воды постсоветской идентичности, таким образом, все еще темны и непрозрачны. Есть лишь очень немного коммунистов, фашистов, истинных либерал-демократов или сторонников любой распознаваемой политической идентичности. Вместо этого существуют подхалимы государства и все остальные. После падения монархии Габсбургов австрийцы спросили себя: мы по характеру немцы или австрийцы? После распада СССР русскоязычному населению в составе Российской Федерации все еще предстоит задаться этим вопросом. Быть может, в итоге перед ними его поставит русскоязычное население Украины.

Мультиэтничность и национализм. Идеология и политическая идентичность связаны между собой, и точно так же связаны идентичность и вопрос этнической принадлежности и национализма. Гибель габсбургского двуглавого орла положила конец многонациональной империи, которая была во многом предвестником идеи Евросоюза. Идея о том, что различные национальности могут быть связаны внутри империи в единое политическое и экономическое пространство, отчасти напоминает концепцию европейской интеграции.

Габсбургские правители не смогли установить режим, который создал бы справедливый баланс между всеми крупными нациями. В 1867 году меры законодательного характера создали конфедерацию между австрийской частью монархии и венграми. Этот принцип, казалось бы, вполне терпимо функционировал некоторое время, но Габсбургам не удалось разработать аналогичные компромиссы с остальными этническими группами внутри короны, особенно с чехами и моравами. Это, вероятно, повлияло на окончательный распад империи по итогам мировой войны. Все же, несмотря на слабость конституционного договора 1867 года, габсбургские правители никогда не пытались «германизировать» империю подобно тому, как французы ранее распространили франкофонность на всех жителей территории французского государства. Затем, для австрийцев 1918 год обозначил всеобщую смену парадигмы, лишив их статуса *primus inter pares* в многонациональном государстве: в отсутствие любой другой очевидной альтернативы они идентифицировались по языковому принципу.

Это было довольно странно, поскольку *немецкий* язык не делал австрийцев *австрийцами* в этническом отношении. Сама по себе идея австрийского этноса никогда не имела большого смысла; так было и в 1919 году. Одна из причин в том, что этническая принадлежность — это относительное явление. Если в пределах государственных границ едва ли найдется какой-либо народ, отличающийся от большинства в этническом отношении, тогда это большинство не может иметь этнического характера. Оно является тем, чем оно является, как это видно в случае Австрии, в которой жило лишь небольшое число словенцев и хорватов.

Дилемма Австрии состоит в следующем: австрийцы не могут быть политически корректными членами полиэтничного государства, но они не могут составить также и австрийское этническое большинство. Они могут быть только этническими немцами, если определять этничность по языковому признаку. И все же австрийцы усвоили горький урок о том, что такими им также лучше не быть.

В отличие от постгабсбургской Австрии, Российская Федерация все еще полиэтнична. Но, как и в случае с СССР, русское этническое самосознание и порыв к русификации остаются сильными. Российские лидеры открыто обратились к ценностям «русского национализма» (определенного как «патриотизм») в период войны и кризиса. Опираясь на этническое русское большинство, живущее на территории Российской Федерации, постсоветское правительство де-факто следовало политике «русские прежде всего». Эта политика существенно оттолкнула нерусскую часть населения Российской Федерации, особенно мусульман Северного Кавказа.

В конце концов мы находимся в странной ситуации: у австрийцев нет подходящей формулы для дилеммы «многонациональность — национализм», но в реальности она действует; у русских есть четкая и проверенная традицией формула, но она терпит поражение.

Собрать наследие, оставленное Габсбургской и Советской империями, разумеется, было нелегко как для австрийцев, так и для россиян. В обоих государствах силы сепаратизма преобладали в тот момент, когда основные надежды и интересы составных частей двух имперских государств не могли более ни подавляться, ни уравниваться в рамках политики унитаризма. Но что значили для остальных развалы этих империй?

Начнем с замечания о том, что со времен Петра Великого и до объединения Германии как Россия, так и Австрия, были двумя из пяти столпов классического европейского равновесия сил, наряду с Англией, Францией и Османской империей. Объединение Германии и возвышение Америки начали расшатывать это равновесие незадолго до Первой мировой войны, но главная цель этого равновесия, закрепленная на Венском конгрессе, оставалась востребованной: ни одна из пяти держав не могла доминировать в Европе, и что еще более важно, ни одна не пыталась это сделать. Результатом стал продлившийся более века мир между великими державами.

Когда Габсбургская империя потерпела поражение в Первой мировой войне, ее распад не был неизбежным. Но самонадеянный идеализм Вудро Вильсона шел об руку с непомерными амбициями Франции (и в меньшей степени — Англии). Различные малые нации и этнические группы, бывшие частью Австро-Венгрии, ныне оказались одиночками и беззащитными и вскоре стали пешками в игре между реваншистской Германией и революционной Россией. Короче говоря, Рапальский договор «сожрал» Локарнскую конференцию. Малая Антанта, изобретенная Францией в Версале, не могла заменить собой структурную роль в европейском равновесии, которую прежде играла империя Габсбургов, поэтому ее быстрый распад стал одной из причин Второй мировой войны и Холокоста*. Таким образом, в то время как распад империи Габсбургов был бескровным *на тот момент*, последствия этого были отнюдь не бескровными.

Распад Советской империи был также относительно бескровным. Но и он нарушил равновесие, хотя и биполярное, которое охватывало не только Европу, но и весь мир. Вопрос состоит в том: состоится ли отложенный кровавый ответ на крушение СССР, аналогичный тому, который был дан крушению империи Габсбургов семь десятилетий назад?

Ясно, что ушло все то, чего достиг Петр Великий и что расширил и укрепил Советский Союз. Прибалтийские государства вновь независимы, и большинство стран Центральной и Восточной Европы теперь вошли в состав Евросоюза и НАТО. Эти нации наконец-то нашли своего рода защиту наподобие той, которую имели в составе Австро-Венгерской империи, с той разницей, что теперь они официально равноправные партнеры внут-

* Модно также утверждать, что войны после распада Югославии также являлись следствием отсутствия Габсбургской «опоры» европейской безопасности. См. **A. Garfinkle**. Franz Joseph Clinton. — «The National Interest». 1999. Spring.

ри системы многосторонних альянсов и более — не подданные империи. Институты Североатлантического альянса, иными словами, представляют собой некий функциональный эквивалент Австро-Венгерской империи. В известном смысле, то, что было потеряно в 1919 году из-за случившегося с Австрией, вновь обрело себя в 1991-м из-за событий в России.

Полиэтнические империи отныне и надолго усвоили горький урок. Сейчас существует только одна — Китай; но эта страна носит идеологический грим, по крайней мере в настоящий момент. И все же полиэтничность вновь популярна в другой форме — в качестве успеха Евросоюза. Похоже, история полагает, что полиэтничные империи могут существовать весьма долго при одном из двух условий: если внутренний порядок поддерживается «сверху» при помощи сильной полицейской или военной власти или если ничто не угрожает имперскому порядку, поскольку он представляется как легитимным в определенных границах, так и превосходящим все доступные альтернативы. Последнее условие — то, при котором выживает Евросоюз, несмотря на свои многочисленные слабости.

Австро-Венгерская монархия скорее всего не пережила бы 1919 год, поскольку ей существенно не хватало согласия среди разных наций, управляемых из Вены. Ее подрывали меньшинства — этнические, идеологические или религиозные, и ее военные и полицейские силы не были готовы к задаче подавления многочисленных и одновременных восстаний. Но если бы не Первая мировая война и если бы не мгновенный распад империи, Габсбургская монархия могла бы продержаться еще несколько десятилетий, и ее вероятное вырождение не привело бы к другой мировой войне. Однако судить об этом мы не можем.

Подобные спекуляции, тем не менее, не лишены определенного смысла, поскольку последствия распада СССР проявились еще не до конца. Мы были свидетелями того, как выглядит полный распад полиэтничного государства: мы видели его в нескольких этапах кровавой гражданской войны в Югославии, которая еще полностью не завершилась. Будущее России не до конца определено или не предопределено. Россия может попытаться вновь обрести свою историческую сферу влияния; если это так, то война с Грузией — это только первая фаза долгой кампании. Или Российская Федерация, будучи многонациональной и лишенной идеологического цемента, удерживающего малые народы, может начать распадаться, медленно или быстро, от Северного Кавказа до Тихого океана, тем самым затронув будущее Центральной Азии, Китая, Японии и Кореи. О чем нужно задуматься в данный момент, так это об известных нам последствиях распада империи Габсбургов.

О народном представительстве

Идейный, категориальный и институциональный подходы к проблеме

В отличие от иных видов государственного устройства парламентаризм базируется на доминирующем положении законодательного органа, парламента, в системе разделения властей. Парламент наделен законодательными и контрольными компетенциями, однако в качестве его ведущей функции в настоящее время выступает инициатива народного представительства. Этой точки зрения придерживаются отечественные исследователи (О. Н. Булаков, И. В. Гранкин, Т. Н. Митрохина, А. В. Трушина, В. Е. Усанов), утверждающие, что представительная функция парламента обладает универсальной, «основополагающей и идентифицирующей»¹ природой.

Рассматривая проблему представительства, необходимо учесть, что соответствующая функция парламента претерпела качественные изменения под воздействием смены ценностных парадигм и эволюции политической системы. Народное представительство «зародилось в первобытном обществе, в античные времена носило преимущественно аристократический характер, в Средние века имело сословно-представительную природу и стало признанным инструментом реализации народного суверенитета в индустриальный период развития общества»². Обращение к истории развития представительной формы правления позволяет выделить несколько подходов к ее осмыслению: идейный, категориальный, институциональный.

В первом случае позитивное восприятие народного представительства далеко не всегда являлось правилом. В частности, английский мыслитель Т. Гоббс считал эту идею неприемлемой и опасной, поскольку «носитель лица народа или член собрания, являющегося таким носителем, в большинстве случаев отдает предпочтение своим интересам»³. Противоположный и наиболее распространенный подход к проблеме необходимости представительной

¹ См., например, А. В. Трушина. Представительный характер верхней палаты российского парламента. — «Власть». 2011. № 4. С. 80.

² Г. Д. Садовникова. Народное представительство в современной России: анахронизм или перспективное направление развития демократии? — «Государство и право». 2009. № 12. С. 86.

³ Т. Гоббс. Сочинения. Т. 2. М., 1991. С. 144–146.

формы правления предложен в трудах Ш. Монтескье. Его подход не отрицает идеальной конструкции, когда власть принадлежит народу, но указывает на то, что в крупных государствах представительство невозможно,

⁴ Ш. Л. Монтескье. Избранные произведения. М., 1955. С. 292–293.

а в малых — связано с большими неудобствами, поэтому «необходимо, чтобы народ делал посредством своих представителей все, чего он не может делать сам»⁴.

Второй подход к проблеме представительства связан с идеей передачи власти от народа избранному представителю. Он получил широкое распространение: от полнейшего отрицания института представительства в целом

⁵ См. «Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика». Под общ. ред. О. Н. Булакова. М., 2005. С. 32.

(позиция, восходящая к взглядам Ж.-Ж. Руссо) до полного признания (Монтескье, Милль, Чичерин, Ковалевский, Еллинек). Известны и промежуточные позиции, представленные, в частности, в работах Тихомирова и Солоневича⁵.

Так, убежденный монархист Л. А. Тихомиров сводит понятие «представительство» к «одной из форм передаточной власти», поясняя, что «власть свою могут передавать и монарх, и аристократия, и народ. Очень часто это неизбежно, как вообще все формы передаточной власти»⁶.

⁶ Л. А. Тихомиров. Монархическая государственность. — www.projectrussia.orthodoxy.ru/PR/mg.htm#PART1CH3-11

На необходимость передачи власти указывал видный русский либерал

⁷ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве. — www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem4/07.php

Б. Н. Чичерин: «...масса граждан, пользующихся политической свободой, имеющих право голоса, ограничивается выбором представителей, которым поручается ведение дел, охранение прав и интересов избирателей»⁷.

К тому же Б. Н. Чичерин указывает на двойственный характер представительства, связывая его, с одной стороны, с категорией свободы, а с другой — с функционированием политических институтов.

С именем французского просветителя Ж.-Ж. Руссо связана постановка проблемы соотношения в представительстве «воли» и «власти». Он первым задается вопросом: что же делегирует избиратель в органы представительного правления — волю или власть? Философ говорит о неотчуждаемости суверенитета и отмечает, что «депутаты народа не являются и не могут

⁸ Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С. 281.

являться его представителями; они лишь его уполномоченные; они ничего не могут постановлять окончательно»⁸. Получается, что суверенным правом на осуществление власти обладает лишь народ. Именно с его позволения депутаты получают доступ к власти для осуществления сугубо управленческих задач.

Подобной точки зрения придерживается и Л. А. Тихомиров. Он рассматривает народ в качестве центрального актора отношений в цепочке «воля конкретного избирателя — народная воля — верховная власть». «Чужую волю нельзя представлять, потому что она даже неизвестна заранее. Никто

⁹ Л. А. Тихомиров. Монархическая государственность.

не может и сам знать заранее, какова будет его воля. Тем более не может этого знать представитель»⁹, — отмечает

Л. А. Тихомиров. Он указывает на такой недостаток парламентарного правления, как ограниченность доступа народа к власти, сведение его к осуществлению сугубо избирательных прав.

Большую определенность по указанной проблеме внес сторонник юридического позитивизма Г. Еллинек, утверждавший, что представительный орган обладает единой волей и не зависит от социального состава. По его мнению, «воля отдельных избирательных союзов и вместе с тем всей совокупности избирателей направлена не только на избрание отдельных депутатов, но и на создание самой системы представительного правления, поскольку выборы представителей верховной власти являются единым волевым актом всего народа»¹⁰. Таким образом, ученый рассматривает систему представительства относительно ее субъектов, реализующих властные полномочия. Подобная позиция носит не только уточняющий характер, но и выражает суть функциональной составляющей механизма представительства.

¹⁰ Г. Еллинек. Право современного государства. Т. 1. Общее учение о государстве. СПб., 1903. С. 433.

Институты представительства получили широкое распространение во многом благодаря тому, что «большое преимущество избрания представителей в том, что они способны обсуждать дело. Народ для этого совсем не пригоден, что и составляет одну из слабейших сторон демократии»¹¹. В связи с этим небезыntenесными оказываются рассуждения Дж. С. Милля о характере представительного правления. В частности, он признавал представительное правление идеальным типом, отождествляя его с развитием определенного уровня культуры, «ценностями и мотивациями»¹², преобладающими в обществе. Ученый отмечал, что представительное правление «тем больше подходит для народа, чем выше его культурное развитие»¹³. А понятие «народное представительство» можно рассматривать в качестве высшей формы представительства.

¹¹ Ш. Л. Монтескье. Избранные произведения. С. 293.

¹² См. J. Hamburger. John Stuart Mill on Liberty and Control. New Jersey, 1999. P. 20.

¹³ J. S. Mill. Considerations on Representative Government. N. Y., 1958. P. 69.

Институты представительства получают широкие возможности для развития в Европе XVII века, что было обусловлено переходом от системы сословного представительства к институту всенародно избираемого органа, «который выражал не частные интересы сословий, корпораций, классов, партий, профсоюзов, а интересы всего общества, являлся прямым выражением народной воли»¹⁴. В дальнейшем понятие «народное представительство» начинает постепенно отождествляться с выборными собраниями, обладающими законодательной инициативой и общественной поддержкой. Происходит сращивание парламентарных и представительных институтов.

¹⁴ «Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика». С. 34.

Закономерен вопрос: почему именно законодательные, а не исполнительные органы власти становятся символом выражения народной воли? По справедливому замечанию И. В. Гранкина, «внедрение практики из-

брения должностных лиц, призванных осуществлять исполнительные функции, ослабляет народное представительство, ведет к раздроблению, размыванию народного суверенитета, сталкиванию законодательных и ис-

¹⁵ **И. В. Гранкин.** Парламент полнительных органов между собой по поводу приоритетов при отражении народной воли в своих актах»¹⁵.
Росси. М., 2001. С. 16.

Более того, законодательные органы обладают необходимым набором признаков, сближающих их с институтом народного представительства. Речь идет о коллегиальности, наличии механизма влияния на их деятельность со стороны общества и практике избрания на периодически проводимых всенародных выборах.

Небезынтересными представляются рассуждения немецкого социолога М. Вебера об институтах представительства применительно к парламентской демократии. В частности, он отмечает, что законодательным компетенциям парламента предшествует потенциал представительства, который «смягчает» отклонения от парламентарной формы правления. Без институтов народного представительства, по мнению М. Вебера, невозможен прогресс в экономической и политической сферах государства. К тому же парламент обеспечивает связь между обществом и политической системой, придавая последней «1) устойчивость, 2) подконтрольность, 3) правовой характер, 4) упорядоченную форму политической репутации политика,

¹⁶ **М. Вебер.** Политические работы (1895–1919). М., 2003. С. 230–233. добывающегося доверия масс в рамках парламентской работы, 5) мирную форму элиминации политика, когда он утрачивает доверие масс»¹⁶.

На современном этапе развития законодательных институтов отечественные исследователи Е. Д. Богатырев, О. Н. Булаков, Т. Н. Митрохина, О. С. Обухов, И. М. Степанов, М. С. Танцура, В. Е. Усанов рассматривают представительную функцию парламента в качестве основной. Они считают, что

¹⁷ «Парламентское право России». Под ред. И. М. Степанова, Т. Я. Хабриевой. М., 1999. С. 34. последняя заключается в «выражении воли народа как основы государственной власти и должна реализовываться путем проведения периодических свободных выборов»¹⁷.

Кроме того, предполагается, что основными инструментами и средствами политической реализации принципов представительности и выборности служат политические партии – главный институт выражения общественного мнения. Состав парламента представляет собой партийное многообразие,

¹⁸ «Парламентаризм в России: проблемы и перспективы. Сб. ст.» Под ред. М. В. Ходякова. СПб., 2006. С. 317. «способствующее развитию партийной системы, ее определенных частей и государственной власти. Одновременно происходит отсеивание партий, не связанных с социумом и отвергнутых им»¹⁸.

Механизм нормального функционирования парламента должен соответствовать следующей схеме: выборы, в которых принимают участие различные политические партии, обеспечивают «выявление интересов различных социальных групп, учет федеративных связей и отношений, а

также мирный, ненасильственный переход государственной власти от одних выборных представителей общества к другим на основе свободного волеизъявления избирателей»¹⁹.

¹⁹ Там же. С. 34.

В итоге парламент выступает в качестве единственного органа общенародного представительства в системе органов государственного управления, поскольку именно народу предоставлено право его формирования «по партийно-политическому или территориальному принципу посредством депутатского корпуса»²⁰. Выборность не только подкрепляет законодательную функцию парламента, придает ей «легальный характер»²¹, но и предопределяет сопричастность избирателей с ним. Представительство является определяющим свойством парламента, поскольку «по рождению этому политическому институту предписывалось быть органом власти, в рамках которого осуществляются выражение, согласование, защита интересов всех категорий граждан»²². Именно на его заседаниях обсуждаются различные позиции и специфические интересы, ведутся целенаправленные поиски компромиссов.

²⁰ Т. Н. Митрохина. Функциональность представительного органа власти. — «Власть». 2006. № 3. С. 26.

²¹ А. В. Трушина. Представительный характер верхней палаты российского парламента. С. 80.

²² Т. Н. Митрохина. Функциональность представительного органа власти. С. 26.

Не менее важными чертами представительной ветви власти наряду с выборностью, представительством интересов и четким (законодательно закрепленным) набором полномочий являются «системность» и «коллегиальность» парламента. Так, по мнению О. Н. Булакова, «в пользу системности представительной ветви власти можно назвать единый источник власти (народ), общие принципы формирования и деятельности, единую компетенцию с разделением территории воздействия»²³. Коллегиальность же выражается посредством состава и структуры парламента. По мнению Н. А. Богдановой, именно «коллегиальность отличает парламента от всенародно избранного президента или иного формируемого населением единоличного органа государственной власти»²⁴.

²³ «Современный парламента: теория, мировой опыт, российская практика». С. 24—28.

²⁴ Н. А. Богданова. К вопросу о понятии и моделях народного представительства в современном государстве. — «Проблемы народного представительства в Российской Федерации». М., 1998. С. 13.

Между тем российские исследователи Н. И. Бирюков и В. М. Сергеев предлагают дополнить принцип представительности, на котором базируется деятельность современного парламента, новыми смыслами. По их мнению, представительность должна включать в себя не только механизм делегирования полномочий и систему переговоров, но и такие составляющие, как «типичность» и «символ»²⁵.

²⁵ См. Н. И. Бирюков, В. М. Сергеев. Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004. С. 14—15.

Это означает, что, с одной стороны, парламента наделен качественными характеристиками определенной социальной группы, то есть является «представителем нации в миниатюре»²⁶.

²⁶ Там же. С. 15.

Он призван выражать реакцию общества на события, происходящие в по-

²⁷ В. Е. Усанов. Парламентаризм в России: конституционно-правовые основы становления и деятельности: автореф. дис. ... док. юр. наук. М., 2006. С. 22.

литической сфере, наладить «функцию политической гласности»²⁷ и поддерживать связь с народом через эффективную систему обмена информацией — свободные средства массовой информации.

С другой стороны, парламент осуществляет народное представительство на более высоком уровне — символическом, поскольку на сегодняшний день его деятельность ассоциируется с демократическим строем, в случае угрозы которому в первую очередь подвергается критике со стороны противников демократии и становится основным объектом защиты ее сторонников именно парламент.

²⁸ См. Г. Д. Садовникова. Народное представительство в современной России: анахронизм или перспективное направление развития демократии. С 86—89.

Впрочем, в современных условиях перед парламентом возникает ряд проблем, связанных с перспективами существования представительных институтов в XXI веке. В частности, Г. Д. Садовникова выделяет следующие актуальные вопросы²⁸:

- непрофессионализм депутатов, архаичность парламентских процедур, лоббизм, недостатки избирательного законодательства;
- представительство различных социальных слоев и групп, затрудняющее эффективность государственного механизма;
- кризис политических партий, не способных адекватно реагировать на новые современные вызовы и удовлетворять завышенные ожидания электората.

Представляется, что значительная часть указанных проблем не столь нова. С большей частью из них институты представительства сталкивались на протяжении последних четырех столетий и продолжают сталкиваться сегодня. Строго говоря, парламент и создавался для того, чтобы преодолевать именно эти проблемы: вопрос лишь в степени эффективности такой деятельности, особенно в части реализации интересов гражданского общества и налаживания обратных каналов связи.

В целом представительство (в идейном, категориальном, институциональном измерении) выступает как «выражение интересов народа в форме выполнения по его поручению и от его имени функций представительных органов по осуществлению публичной власти»²⁹.

²⁹ Там же. С. 86.

Представительную функцию парламента можно охарактеризовать с помощью определенной совокупности черт, важнейшими среди которых являются реальный механизм функционирования представительных учреждений, открытый характер их взаимодействия с гражданским обществом, а также высокий уровень представительства разнообразных социальных интересов.

Футурмедиа

Массовая коммуникация в постиндустриальном обществе

Наступающая постиндустриальная эпоха ставит перед человечеством целый ряд фундаментальных вопросов, касающихся способа его бытия в будущем. Как будет стратифицировано будущее общество? Кому будут принадлежать в нем власть и собственность? По каким принципам будут строиться семейно-брачные отношения? Какие идеологии будут господствовать? Как будут строиться отношения между государствами? И т. д. и т. п. Делать тут пророчества — несерьезно и неблагодарно, а попытаться выстроить систему научных прогнозов — как раз то, за что можно взяться исследователю в области социальных наук. Один из авторов предлагаемой статьи ранее попытался это сделать в отношении собственности¹, теперь речь пойдет о медиа. Точнее, о *футурмедиа* — о медиа будущего, о средствах массовой коммуникации грядущего постиндустриального общества.

¹ См. А. М. Орехов. Футурсобственность. — «Социально-гуманитарные знания». 2005. № 2.

Следовательно, в нашем понимании «футурмедиа» — это, прежде всего, *футурмедиа постиндустриального общества*, или, иначе говоря, *футур-постиндустриал-медиа*. Заметим также, что в этой статье мы воздержимся от аббревиатур СМИ (средства массовой информации) или СМК (средства массовой коммуникации)*, а будем использовать термины «медиа», «масс-медиа», или (в отношении будущего) «футурмедиа». Это отражает *методологическую устремленность* авторов статьи: термин «медиа» для них означает не только и не столько *массовую коммуникацию* или *массовую информацию*,

ОРЕХОВ Андрей Михайлович — доцент кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов, доктор философских наук.

ШАДЫМАНОВА Жаркын Жалиловна — старший преподаватель кафедры социологии Бишкекского гуманитарного университета (Кыргызстан), кандидат социологических наук.

* О различии между СМИ и СМК: «Исторически понятие СМИ сложилось как представление о виде социального института, доминирующей характеристикой которого является воздействие на общество через информационную функцию... Научное понятие СМК формируется позже, в связи с исследованием способов коммуникации и построением моделей массовой коммуникации. Главной характеристикой СМК является воздействие на общество через коммуникативную функцию, что предполагает изучение компонентов коммуникативного процесса, их взаимосвязи и взаимодействия коммуникативных средств различных уровней в конкретных ситуациях» (В. П. Конецкая. Социология коммуникаций, М., 1997. С. 236–237).

но и *индивидуальную коммуникацию* — коммуникацию, нацеленную на каждого отдельного индивида, а именно этот вид коммуникации, на наш взгляд, и будет преобладать в будущем постиндустриальном обществе.

Но сначала — пара общих замечаний в отношении постиндустриального общества. Чаще всего это общество рисуется с оптимистической точки зрения. Большинство ученых полагает, что человечеству по силам решить существующие глобальные проблемы, погасить социальные конфликты различного рода и войти в фазу нового, постиндустриального общества, которое будет базироваться в первую очередь на постматериалистических духовных ценностях, а большинство сугубо материальных проблем человечества будут в той или иной степени успешно решены.

Также предполагается, что основным ресурсом постиндустриального общества станут знание и информация — в первую очередь *научное знание и научная информация*. Их следует расценивать, во-первых, как *экономический ресурс*, а во-вторых, как *новый источник власти*. Эта власть, согласно Э. Тоффлеру, будет *высококачественной* — в отличие от других, низкока-

² См. Э. Тоффлер. *Метаморфозы власти*. М., 2002.

чественных типов власти, базирующихся на насилии и богатстве². Подобная трактовка власти сразу обращает

наше внимание на медиа — поскольку именно с ними и связывается в значительной степени проблема власти, основанной на монопольном владении знанием и информацией.

Другое дело — насколько знание, которым владеют медиа, вообще является научным? Есть гораздо больший резон полагать, что оно чаще является *идеологическим*, чем научным: но даже этот *многозначительный* тезис, с нашей точки зрения, никак не отменяет того, что в постиндустриальном обществе медиа будут в значительной степени монополистами определенных типов знания (например, *повседневного знания* об обществе), а значит — их влияние на формирование общественного мнения и общественного сознания в целом по-прежнему будет ключевым.

Правда, при этом следует помнить, что и медиа также являются объектом, на который воздействуют другие социальные субъекты. Положение медиа в обществе амбивалентно: с одной стороны, они служат инструментом, рычагом социальных трансформаций, катализатором явлений как прогрессивных, так и регрессивных, то есть опасных для общественной стабильности; а с другой — они сами являются объектами воздействий со стороны других социальных агентов. Вопрос о футурмедиа — это вопрос не только об их воздействии на общество, но и об обратной связи: как будущее общество будет влиять на футурмедиа, по какому пути оно будет направлять их развитие? В этом, на наш взгляд, ключ к решению проблемы футурмедиа.

Но для начала следует еще раз уточнить функции, которые выполняют медиа в обществе. Первая из них — *информационная*. Она состоит в получении и распространении сведений о наиболее важных для граждан и органов

власти событиях. Добываемая и передаваемая медиа информация — это не только беспристрастное, фотографическое освещение тех или иных фактов, но и их комментирование и оценка. Из этого следует вторая функция медиа — *политическая*. Она заключается в том, что медиа есть инструмент политического влияния и политического давления; они также выступают в качестве важнейшего средства политической пропаганды. Третья функция — *регулятивная*, связанная со способностью медиа в той или иной степени регулировать общественные отношения, — посредством воздействия на право, мораль, традицию, эстетические нормы и пристрастия. Четвертая — *охранительная*. Она заключается в массивном распространении господствующей идеологии; причем техника передачи материала сообщений становится *искусством создания* идеологии, а не просто коммуникацией. Здесь на медиа возлагается функция удержания социальных конфликтов в политически и законодательно приемлемых рамках. И наконец, последняя, пятая функция — это *креативно-ценностная*. Медиа обладают способностью конструировать ценности, которых впоследствии придерживаются различные социальные группы и индивиды.

Прогресс масс-медиа в современном обществе породил такое явление, как «медиакультура». По определению Н. Кирилловой, медиакультура — это совокупность информационно-коммуникативных средств, выработанных человечеством в процессе исторического развития; это также совокупность материальных и интеллектуальных ценностей в области медиа, исторически сложившаяся система их воспроизводства и функционирования в социуме³.

³ См. Н. Кириллова. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М., 2006. С. 39.

Теперь представим краткие прогнозы относительно перспектив развития отдельных видов медиа, а затем проведем общий анализ.

Телевидение

Телевидение — изобретение, относящееся примерно к середине XX века. Но вряд ли тогда кто-нибудь мог подумать, насколько серьезную роль оно может играть в обществе. Поначалу этому институту отводили чисто информационную и развлекательную функции (программы новостей, трансляции спортивных состязаний, показ фильмов и т. п.), но постепенно (по мере распространения приемных устройств) произошло примерно следующее: *телевидение стало основным медиаканалом, соединяющим между собой индивидов в обществе, а также само общество и его правящую элиту. Последняя быстро прочувствовала все возможности телевидения и превратила его в основной инструмент воздействия на массы и манипулирования ими.*

Постепенно также выяснилось, что именно телевидение (а не радио, газеты и т. п.) является эффективным средством формирования в обществе «человека массы», «человека типа common sense [здорового смысла]», «среднего индивида». Ни одно медиа не оказалось способным в такой степени

творить вкусы и предпочтения людей, как телевидение. Значительное число людей не просто *смотрят* телевизор, они *живут по социальным схемам*, пропагандируемым этим медиа, и этому не может помешать даже сверхнавязчивая телевизионная реклама:

«Телереклама, прерывающая фильмы, которые идут по ТВ, конечно, бесцеремонна, но она лишь трезво подчеркивает, что большая часть телевизионной продукции никогда не достигнет эстетического уровня и что эти фильмы, в сущности, явления того же порядка, что и сама реклама. Большинство фильмов, и притом не самых худших, созданы из того же романа повседневности: машины, телефон, психология, макияж, — все это просто-напросто иллюстрирует образ жизни. Так же как и реклама, она канонизи-

⁴ Ж. Бодрийяр. Америка. СПб., 2000. С. 179–180. рует образ жизни посредством изображения, превращая его в настоящую электронную микросхему»⁴.

Человек начала XXI века — это одновременно и владыка, и раб телевидения. Телевидением совершаются политические перевороты и внедряются схемы социальной активности; сообщения по телевидению провоцируют экономические кризисы и социальные потрясения; телевидение и манипулирует, и деформирует, и блокирует различные социальные процессы: возможности этого медиа воистину беспредельны. Но что же ждет его в будущем?

Укажем на три основные траектории, по которым, на наш взгляд, может развиваться телевидение будущего.

Первая траектория — *интерактивность*. Под этим термином обычно понимают «взаимную, обоюдную активность», то есть ту активность, которая исходит одновременно и от телеведущего, и от телезрителя. В обычном телевидении активен только телеведущий, а телезрителю отводится чисто пассивная роль: он никак не может прямо воздействовать на телеведущего или даже пассивно высказывать свое мнение. Правда, современные технологии позволяют ввести некую «псевдоинтерактивность» путем посылки телеведущему SMS-сообщений, но само приемное устройство (телевизор) просто дополняется здесь телефоном.

Однако подлинная перспектива развития телевидения заключается как раз в том, чтобы сам телевизор стал *интерактивным*, то есть превратился в своего рода «компьютер», позволяющий телезрителю находиться в постоянном контакте с телеведущим. Телеведущий в постиндустриальном телевидении должен постоянно слышать голос телезрителя, считаться с его мнением. Вероятно, это потребует от телеведущего совсем других функций, чем ныне имеющихся. Если современный телеведущий подобен классическому музыканту, играющему музыку по нотам, то будущий телеведущий, как джазовый музыкант, должен уметь импровизировать на ходу, ориентируясь на диалог с многочисленными телезрителями. Со временем телевизор, по-видимому, будет также оборудован и мини-телепередающим устройством, способным давать «картинку» от каждого отдельного телезри-

теля: последний также сможет появляться на экране телевизора и быть виртуальным участником телепередачи.

Кстати, в этом состоит одно из бесспорных преимуществ телевидения перед кинематографом как медиа: «Виртуальная реальность становится все более серьезным конкурентом для кинематографа именно из-за отсутствия у последнего столь востребованной сегодня интерактивности, отвечающей реалиям необычайного ускорения темпа жизни современного человека. Потребность соучастия в противовес простому созерцанию в настоящее время активно влияет на все виды искусства»⁵.

⁵ В. М. Халилов. Будущее кинематографии: американские прогнозы. — «США — Канада — ЭПИ». 2006. № 11. С. 88.

Вторая траектория — *избирательность*. Сейчас вся «избирательность» телевидения заключается только в возможности телезрителя переключаться между различными программами (каналами) этого медиа. Но вряд ли это можно считать «венцом» избирательности. В будущем, вероятно, телезритель получит еще больше альтернатив избирательности — например возможность посмотреть любимую телепередачу не тогда, когда она стоит в программе, а в удобное для него время. Скорее всего разовьется система *заказного телевидения*, то есть каждый телезритель будет сам составлять для себя программу телевидения на день или неделю, а телевидение значительной своей частью превратится в некий офис по выполнению таких заказов.

Третья траектория — *интимность*. Под этим мы подразумеваем постоянный процесс сближения телезрителя и телевидения, превращение последнего в виртуального «члена семьи» телезрителя. Здесь можно вспомнить идею «живых картин», сквозящую у многих фантастов (например, у Р. Брэбери), когда телевидение будет транслировать телезрителю голограммы (телеобразы) его родственников и друзей (в том числе и уже ушедших из этого мира), и эти «живые картины» способны самостоятельно общаться с телезрителем и сообщать его жизни некий «семейный и дружеский уют». Правда, сейчас большинство футурологов связывает творение такой виртуальной реальности большей частью с компьютером, чем с телевидением. Однако следует заметить, что стратегия «воссоздания интимности» — одна из ключевых для современного телевидения.

Кино- и видеопродукция

Хотя кинематограф скорее следует считать видом искусства, чем разновидностью медиа, тем не менее в некоторых случаях его медиативно-коммуникативная роль не может быть никоим образом недооценена. Современный кинематограф — одновременно и инструмент глобализации, и ее плод. Главная проблема современного кинематографа — это крен в сторону развлекательности, уход от социальной проблематики и волнующих человечество острых экологических, демографических, экономических и

политических проблем: «Глобализационные процессы, стирающие национальные, культурные, политические и идеологические различия, приводят к максимальному усреднению и выхолащиванию культурного продукта, что, прежде всего, отразилось на киноиндустрии, которая, как ни одно из искусств, зависит от потребителя и его вкусов. Невероятное развитие телекоммуникационных и компьютерных технологий постепенно превращают кинематограф в зрелищный и захватывающий аттракцион, неотвратимо утрачивающий (оставаясь сказочно прибыльной индустрией) последние признаки художественного творчества»⁶.

⁶ Там же. С. 85.

Несмотря на это, научный и технологический прогресс вполне уверенно позволяет кинематографу смотреть в завтрашний день. Да, аудитория кино значительно уменьшилась, но минимизация затронула и кинотеатры: теперь и они стали более уютными и домашними; кроме того, создатели кинолент получили возможность зарабатывать не только на прокате, но и на копировании и тиражировании своих фильмов. В своем развитии кинематограф продолжает сохранять две основные тенденции развития: с одной стороны, он остается массовым видом искусства, а с другой — элитарным. Правда, по мнению В. М. Халилова, вторая из этих тенденций со временем преобладает: «В недрах цифровой технологии уже зародился и успешно развивается новый вид индустрии. В недалеком будущем он приведет к созданию интрактивно-развлекательного продукта, психоэстетическая потребность в котором для человека постиндустриальной эпохи и глобализации очевидна. <...> Кино как искусство, вероятно, постепенно займет свое место в сфере элитарной культуры, наряду с классической музыкой и традиционной живописью, утратив массовость»⁷.

⁷ Там же. С. 91—92.

Что же касается перспектив кинематографа как вида медиа, то скорее всего его функция будет и дальше существовать в «ослабленном» виде; однако в периоды политических и социальных потрясений кинематограф (особенно документальный) может напомнить о себе как о весьма эффективном инструменте воздействия на массы. Это было всегда, и ситуация здесь вряд ли изменится и в отношении постиндустриального общества.

Радио

Радио — пожалуй, самый *всеохватный* и *демократичный* вид медиа; радиоприемные устройства более просты и компактны, они не требуют громоздких антенн-«тарелок» и доступны для пользования самому бедному жителю планеты практически в любой точке земного шара. Радиостанцию проще организовать и зарегистрировать, чем телестанцию; в случае, например, политического переворота оппозиционные радиостанции могут и дальше продолжать работать, даже если новой властью захвачены все те-

лестанции, — следовательно значимость радио как медиа ни в коем случае нельзя недооценивать.

Какие перспективы у радио в будущем?

По всей видимости, здесь будут и дальше господствовать *принципы плюрализма и приватности*: с одной стороны, радиостанций будет все больше и они будут все разнообразнее; а с другой — они становятся все больше и больше направленными на отдельного, частного радиослушателя. Другое дело, что возможности радиодиапазона ограничены, количество радиочастот не беспредельно, потому (если в техническом плане не произойдет радикального прорыва) на те ведущие позиции, которые радио занимало как средство медиа в первой половине XX века (до наступления эры телевидения), оно вряд ли когда-нибудь вернется...

Печатные медиа

Печатные медиа — газеты, журналы и т. п. — самый старый из всех известных видов медиа, имеющий долгую, в несколько столетий, историю. И вопреки ползучему наступлению телевидения и Интернета, этот вид медиа и не думает сдавать своих позиций. Главное преимущество печатных медиа перед другими — компактность, дешевизна, вседоступность (как в плане их создания, так и в аспекте распространения и потребления). И в политической борьбе листовка, буклет, дайджест — оружие более чем эффективное и незаменимое.

Газета и журнал — два основных типа печатных медиа. Многие футурологи предсказывают их постепенное исчезновение и замену на *электронные журналы и газеты*. Но последние следует понимать в двух смыслах. Во-первых, у каждого журнала и газеты будет своя электронная копия в Интернете. А во-вторых, с постепенным распространением мобильных компьютеров у каждого потенциального читателя появится свой компактный переносной компьютер (book-reader), с помощью которого он может закладывать к себе (за плату или бесплатно) определенный номер журнала или газеты и читать в любом месте и в любое время. Пока такие компьютеры не получили большой популярности из-за их дороговизны и невысокого качества изображения, но со временем ситуация наверняка изменится в лучшую сторону. Нужны ли тогда будут вообще бумага и печатные медиа? Скорее всего нет. Впрочем, есть и иное мнение: печатные СМИ еще долго будут сопровождать человечество на его историческом пути, хотя значение их среди других медиа будет постепенно падать.

Другая очевидная траектория развития печатных СМИ — это рост их разнообразия и так же, как у телевидения, *сдвиг в сторону интерактивности, избирательности и интимности*. Уже сейчас многие журналы предлагают читателям видеоприложения на DVD-дисках. Будущий журнал, вероятно, также будет *многоуровневым*: во-первых — сам текст с фотогра-

фиями, во-вторых — видео, в-третьих — что-то еще. А возможно, и в-четвертых, и в-пятых...

Обратим также внимание на *взрывоподобный рост* числа журналов в России — особенно по сравнению с их числом в советский период. И это при том, что тиражи их значительно упали*. Вероятно, эта тенденция сохранится и в будущем. Аудитория, к которой обращается тот или иной конкретный журнал, становится все более узкой — но это не мешает журналу быть самоокупаемым и выживать в жестких условиях рынка.

Газете идеологи постиндустриальной волны предрекают еще меньший срок, чем журналу. В отличие от последнего, газете сложно стать *многоуровневым изданием*, потому предполагается, что газета выйдет из употребления еще раньше, чем журнал. С другой стороны, нельзя недооценивать, к примеру, оперативные и рекламные возможности газеты как вида медиа — по последним показателям она, например, мало в чем уступит журналу. Потому мы предполагаем, что газета еще не скоро прекратит свое существование, хотя тенденция трансформации ее в электронный, компьютерный вид медиа наметилась уже сейчас.

Интернет и компьютерные медиа

Самый молодой и бурно развивающийся из всех медиа — это Интернет, его явление началось примерно с конца 1980-х годов (в России — несколько позже). По разнообразию и масштабу охвата Интернету нет равных среди медиа. Он содержит в себе гигантское количество источников — и, в принципе, каждый из них можно считать маленьким медиа. Интернет можно рассматривать как *огромное хранилище медиа-информации*, в котором каждый желающий может найти информацию по своему вкусу**.

Правда, демократичность и вседоступность Интернета влекут за собой и определенные проблемы. В частности, в Сети порой сложно найти необходимую информацию, многие информационные источники являются неполными и малоосмысленными и т. п. Затрудняет поиск также значительная повторяемость информационных источников, большой массив различного спама и т. п. Но это все проблемы, в принципе, *решаемые*, и потому перспективы у Интернета очень большие. Одно из преимуществ Сети — это *невозможность установить какую-либо монополию на информацию*. Единственным средством против чужеродной и вредоносной информации пока остаются *атаки хакеров* на сайты, ее распространяющие; но такие «атаки», если они хотят быть эффективными, требуют большого на-

* К сожалению, больше всех пострадали литературные журналы («Новый мир», «Знамя», «Дружба народов» и т. п.).

** В фантастических романах прежних лет часто можно было встретить слово «информаторий», подразумевающее под собой именно такое гигантское хранилище всепланетной информации. Интернет как раз можно считать таким информаторием, а прогнозы фантастов относительно его — уже вполне сбывшимися.

пряжения сил, использования немалых человеческих, информационных и финансовых ресурсов.

Что ждет Интернет в будущем?

Вероятно, прогноз можно охарактеризовать следующими словами: *экспансия, индивидуализация, кроссирование*. «Экспансия» означает здесь дальнейший экстенсивный и интенсивный рост, увеличение объемов охвата; «индивидуализация» — усиление интерактивного и интимного начала в Интернете, конструирование сайтов под определенные группы людей, отдельных индивидов, усиление обратной связи; а «кроссирование» — создание технических устройств (смартфонов), позволяющих объединить Интернет с другими медиа — телевидением, радио, кино, печатными СМИ, а также устройствами, обладающими иными полезными функциями. Скорее всего в будущем у каждого человека будет свой *личный универсальный смартфон*, с помощью которого можно будет делать массу полезных вещей: звонить, выходить в Интернет, читать книги, управлять машиной, открывать квартиру и т. д. и т. п. Ну и, конечно же, получать информацию о текущих событиях...

Подведем итоги. Какие же проблемы ждут медиа постиндустриальной эпохи, и какие перспективы откроются у них в будущем?

Первый вывод очевиден: *универсализация* будущих медиа, превращение их из *одноуровневых* средств в *многоуровневые* издания (уровень печати, уровень видео, электронный уровень и т. п.), а также в *многоканальные* издания, то есть осуществляющие воздействие сразу по множеству каналов (в первую очередь телевидение, радио, Интернет)*.

Второй вывод: футурмедиа медиа станут все более и более *интерактивными*. Они будут стараться приблизиться к аудитории; стать все более и более *избирательными*, увеличить свободу выбора у последней; наконец, трансформироваться в направлении *интимности* и *приватности*, усилить «теплоту» в общении с конкретными зрителями.

Третий вывод: футурмедиа будут продолжать свою экспансию, охватывая все уголки земного шара, а впоследствии — и освоенных человеком уголков космоса. Запасы медиа-информации будут расти, вместе с тем отдельные фрагменты этого запаса станут все более *индивидуализированными* и *специфическими*.

Вместе с тем медиа постиндустриальной эпохи ждет и немало проблем. Прежде всего, сама особенность медиа-информации заключается в том, что ей очень трудно достигнуть *глубины* и *полноты*, во многих случаях ей явно не хватает *осмысленности*. Эта же проблема останется и у фу-

* Кстати, для телевидения первый (печатный) уровень представляет, вероятно, не само видео, а простейшая программа передач.

турмедиа: «Масс-медиа и телевидение в особенности за годы неолиберального правления просто разучились мыслить содержательно. Идеи скучны, а насилие зрелищно. Телевидение требует action, а не дискуссий. Им нужна “картинка”, а не слово. Идеи сложны. Action — просто. Таковы законы жанра. <...> Все сводится к форме, имиджу, спектаклю, что предполагает господство стереотипов, торжество банальности и отсутствие смысла. Клиповое сознание телевизионных журналистов не требует ни анализа, ни попыток разобраться в причинах и следствиях события. Лишь задним числом, когда

⁸ «Транснациональные процессы: XXI век». М., 2004. С. 201. выясняется, что простой демонстрации “картинки” недостаточно, возникает возможность дискуссии»⁸.

Серьезной проблемой останется и *асимметричность воздействия* медиа в отношении проблемы добра и зла. Некоторые медиа, публично демонстрируя насилие или порнографию, могут их так или иначе проповедовать, то есть являясь источником и «стимулятором» поведения, они часто вызывают поведение, отклоняющееся от общепринятых норм. При этом формируется представление о том, что данное поведение имеет место быть популярным в современном обществе. Тем самым внедряется в общественное сознание установка на делинквентное поведение. В первую очередь этому податливы дети и подростки.

Погружая человека в бесконечный информационный поток, современные медиа, выполняя тот или иной социальный заказ, в значительной степени прививают повседневному сознанию стандарты и стереотипы массового поведения, в которых могут быть очень сильны элементы *манипуляции*. Эта же проблема останется и для футурмедиа. Ограждать себя от манипулятивного воздействия со стороны медиа рядовому индивиду чрезвычайно трудно, помочь этому могут только образование (как правило, *высшее* и более того), здравый скептицизм и высокий уровень автономии личности.

Вместе с тем следует вполне оптимистически смотреть в будущее. Да, власть *медиа-информации* отнюдь не безупречна, но это ничуть не хуже, чем власть силы или денег. А, может быть, даже и лучше. Достаточно вспомнить «Третью волну» Элвина Тоффлера, который ставил общество, основанное на знании и информации, гораздо выше обществ, основанных на насилии и финансовом капитале. Такого же мнения придерживались и другие классики постиндустриальной волны: Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, Й. Масуда и др. Так что и в отношении футурмедиа есть все основания предполагать, что они станут более *союзником* постиндустриального человечества при его движении в направлении мира, прогресса и гуманизма, а не станут тормозить это движение.

«Креативная» цивилизация

Почему не всякий «креатив» цивилизационен?

Быть все время инновационным невозможно.
Я хочу создавать классику.

Кoko Шанель

Среди множества претензий, которыми отмечены интенции современной цивилизации, есть и такая — быть креативной. Это несколько удивительно, поскольку креативный элемент ненавязчиво и органично присутствует в «теле» всякой цивилизации. Цивилизация как социум как раз тем и отличается от «традиционного» общества, что в первом «выгоды цивилизации» куплены ценой изменений и готовностью к изменениям, в то время как во втором это в принципе табуировано и не допускается природой. В чем тут дело?

Ну прежде всего скажем: это — симптом. Скорее всего симптом некоего расхожего, а значит — не во всем точного понимания функции креативности в обществе. Объяснимся по существу. Вроде бы факт неоспоримый: «креатив» — это императивный девиз «современного» общества, это пароль на территорию Его Величества Постмодерна, это *Zeitgeist*, который пронизывает любую активность человека — от технического творчества до экспериментаторства в искусстве. Более того, это впечатление усиливается и от того, что и так слишком бросается в глаза — «креативность/инновационность» давно уже воспринимается не как свободное «вдохновение» со всеми его непредсказуемостью и нерегулярностью, а скорее подается обществу как некая необходимость, в терминах «дарвиновской этики»: твори или погибай!

Можно поделиться и еще одним бесполезным наблюдением. Известно, что тот или иной феномен становится сильным социальным фактором, если он обретает значение некой моды и закрепляется «индуцированным» общественным мнением. С креативностью именно это и произошло. То, что было исключительной ценностью узкого круга, стало сферой «массового» сознания, «моды» и некритического общественного мнения. О «креативе» сегодня не говорит только ленивый. В наши дни все хотят быть «креативными» и исповедуют такое же отношение к жизни.

ЩЕЛКИН Александр Георгиевич — ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, профессор, главный редактор газеты «Русская Европа», доктор философских наук.

В этом смысле, возможно, последнюю точку в наблюдении случившегося с «творчеством» ставит сам язык: уже никто не говорит о «творчестве», предпочитают облегченно-популярный слэнг — «креатив». После подобной слэнговой фиксации, когда в ценностных ориентациях и установках происходят рискованные необратимости, возникает потребность хотя бы до некоторой степени в критической рефлексии по данному сюжету. Дело в том, что, по сути дела, мы ищем ответ на вопрос, почему сегодня «креативный энтузиазм» в своей стихийной и массовой безбрежности теряет контакты с традицией или, лучше скажем, с «классикой». Собственно об этом и речь...

ЧТОБЫ ПРОДВИНУТЬСЯ В РЕШЕНИИ этой задачи, надо с заслуженным уважением и осторожностью к теме (как-никак творчество!) предположить, что указанный «креативный энтузиазм» возникает не на голом месте; а значит, всему этому есть свои причины и объяснения. В самом общем виде предлагаемое здесь объяснение особой оригинальностью, «креативностью», не отличается. «Nihil novi sub sole» — «ничто не ново под солнцем». Такие своего рода увлечения в делах человеческих случаются не первый раз. Но все хорошо в своем роде, в меру, а главное — на своем месте. Иначе мы получаем нечто, подозрительно похожее на случай *злоупотребления* творчеством или даже его *неуместности*. По-видимому, тут следует высказаться более внятно, чтобы пригласить читателя в рефери по избранной теме и диагнозу по текущей креативной ситуации.

Диагноз очень простой. Креативность — ценность вполне конкретная. В одном случае она столь же уместна и необходима, сколько неуместна и двусмысленна — в другом. Уточним этот тезис *социологически*. Посмотрим на дело с позиций потребностей и императивов современного социума. И прежде всего зададимся вопросом: какие креативные вызовы стоят перед обществом времен Модернити?

Представление об обществе как *интегральной*, «парсоновской» системе, по-видимому, было бы сегодня большой эпистемологической роскошью. Речь чаще всего идет скорее об *асистемной* парадигме. Наиболее пронизательно к делу подошел, похоже, Д. Белл. В работе «Культурные противоречия капитализма» эта мысль была выражена следующим образом: «Почти во всей социальной науке общество рассматривается как некая единая “система”, организованная вокруг некоторого одного главного принципа... Я же полагаю, что гораздо лучше анализировать современное общество, рассматривая его как непростую совокупность трех различных областей: техно-экономический порядок, политика и культура. Эти три сферы управляются противоположными принципами: для экономики — эффективность, для политики — равенство, для культуры — самореализация»

(самоудовлетворение). В результате это несовпадение (дизъюнкция) создало напряжение и социальные конфликты за последние 150 лет»¹.

¹ D. Bell. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976. P. XI—XII.

Приглядимся к логике и функции креативности в современной «Креативной цивилизации», которая в теперешнем разрозненном, «дизъюнктивном» социуме предлагает *творчеству* как деятельности не простые ожидания и искушения. Возможно, это тот случай, когда предположение о том, что масштабы востребованности и самый характер инноваций на экономическом, социальном и культурном поприщах принципиально различны — со всеми, как говорится, отягчающими отсюда последствиями.

НИКТО НЕ СТАНЕТ СПОРИТЬ, что инновации в сфере *техно-экономической* носят практически императивный, долгоиграющий и, слава Богу, не всегда даже вредный характер. Какие бы техногенные катастрофы не преследовали нас, говорить о том, что нашу цивилизацию ждет руссоистская перспектива, конечно, не приходится. Закон «нужда — мать изобретений» не знает исключений. Курьезная книга итальянского ученого Р. Вакки «Наступающее средневековье»² обещала Судный день современной цивилизации к 2000 году. Сложная технологическая инфраструктура современности, по его мнению, должна была рухнуть под собственной тяжестью и в результате коллапса неуправляемой сложности накануне миллениума. Но именно к 2000 году автору пришлось написать нечто вроде покаянного постскриптума в Интернете. Факт остается фактом: постиндустриальный мир экологичнее, эффективнее и щедрее своего предшественника. Даже в собственно экономической, точнее надо бы сказать, — финансово-банковской, сфере потрясения последних лет только стимулируют экономику западного мира в направлении новых и зрелых коллективных решений. О чем все это говорит?

² См. K. Vacca. The Coming Dark Ages. N. Y., 1973.

Не в последнюю очередь о том, что в области техно-экономического развития современное общество идет под флагом не просто инновационной политики, а самой что ни на есть решительной ставки на нововведения и постоянные преобразования. Слова футуриста В. Маяковского «Я хочу будущее сегодня» могли бы стать адекватным эпиграфом к программе этой «инновационной философии». Стратегический девиз всех стран, вовлекаемых в «глобальный рынок», — быть конкурентоспособными в производстве самых востребованных товаров и услуг. Если кратко, то так или примерно так обстоит дело там, где куется постиндустриальное будущее каждой страны, — то есть в сфере техно-экономических институтов и организаций.

И тут мы подходим к самому ключевому пункту нашей «истории». Похоже, этот пафос перманентных инноваций и креатива оказался заразительным и для других этажей современного социума. Сегодняшняя цивилизация стала идентифицировать себя как тотально креативную. И это при том,

что в сфере многих социально-политических и собственно культурных форм и параметров теперешняя цивилизация как будто бы себя во многом уже нашла, узнала вкус и даже славу «классических» и «зрелых» форматов.

Это скорее всего означает, что в *политике* и *культуре* инновационная динамика носит в отличие от технического и экономического развития другой, *нелинейный* характер. Попробуем порассуждать в этом направлении.

НА ОЧЕРЕДИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ сфера. Кое-кто из великих считал, что есть вещи «несомненное принципов 1789 года». Если иметь в виду масштабность человеческого присутствия и деяния в мире, то спору нет: Венера Милосская несомненное многого из того, что сотворено человеком после нее. Но если оставаться на почве политического творчества, то «принципы 1789 года» представляют собой изобретение «на все времена».

Конечно, найдутся умные головы, которые скажут: «О чем вы говорите? О демократии? Той самой, одно прикосновение которой к девственному и непорочному *Gemeinschaft*'у превращает последний в хаос, разврат, несправедливость, негарантированность, “юдоль скорби и плача” и что там еще?.. Вспомните, — скажут, — Россию 1990-х. А американский опыт насаждения демократии в теперешнем Афганистане, сегодняшнем Ираке?» Однако для тех, кто знает историю и современность демократических институтов, в приведенных свидетельствах нет ничего обескураживающего.

На родине самой демократии — в Англии дело начиналось, как известно, в самой brutальной и «неэтичной» форме. Кромвель казнил короля Карла I, провозгласил республику. Но республика не надолго пережила лорда-протектора. «Демократические эксцессы» — хаос и беспорядки — не заставили себя ждать. Стюарты в лице Карла II вернулись в Англию, а тело героя «Славной английской революции» было извлечено из земли и подвергнуто казни через повешение. Собственно Великая французская революция только началась в 1789 году, а закончилась установлением более или менее прочным конституционным и республиканским порядком лишь к началу III Республики в 1871 году. А до этого уже в 1793—1794 годах страна пережила драму якобинского террора, а затем почти сто лет Франция лечилась собственными средствами все от тех же «эксцессов демократии», включая диктатуру Наполеона I и бонапартистский режим его племянника Наполеона III. Начало демократии в США — не менее показательный пример. Только к президентству Теодора Рузвельта (1901—1909) окончилась разнузданная бандитско-олигархическая эпоха начальной демократии, получившая историческое название «позолоченного века». Именно ее подверг своей сатирической критике Марк Твен, а в наше время о ней рассказал М. Скорсезе в своем ошеломляющем фильме «Банды Нью-Йорка».

Как видим, изобретенная, а отчасти воспринятая из античного народоправия, машина демократии требует времени для своей доводки до «зре-

лых», «матричных» форм. И похоже, для постиндустриальных стран время это не прошло даром. Надо сказать, что предчувствие того, что «демократия» — это изобретение «надолго», не покидало проницательные умы уже на старте этого политического креатива. Когда в Европе еще продолжал процветать монархический строй, А. де Токвиль в своей работе³ провозгласил начало «демократической эпохи», как бы сейчас сказали, в «глобальном масштабе». Убедительную статистику процесса, однако, мы получаем фактически только сейчас. Несмотря на «рецессию демократии» в последнее время (уменьшение *роста* — именно роста, а не просто уменьшение! — числа стран, относимых к категории «свободных»), демократический тренд достаточно показателен. По результатам исследования Freedom House⁴, в 2009 году 89 стран мира, на которые приходится почти половина населения мира, были признаны «свободными». 116 стран имеют демократическую выборную систему. Двадцать лет назад в эти категории попадало только 61 и 76 стран соответственно. Никогда прежде так много людей не жило в условиях демократии.

³ См. А. де Токвиль. Демократия в Америке. М., 1992.

⁴ См. «Freedom House: рейтинг свободы СМИ в странах мира 2009 года». — www.gtmarket.ru/news/state/2009/05/03/1987

Чтобы закончить тему с демократией как политическим изобретением, по-видимому, нужно подчеркнуть только следующее. Сегодня страны, вступающие в «клуб демократии», делают это не через «первичную», а через «вторичную социализацию». Все это означает, что вместе с демократическими институтами граждане буквально параллельно должны обретать и соответствующую политическую культуру, а власть — быть готовой к собственной смене. Это часто идет против «здравого смысла» и граждан, и власти — особенно если страна благоденствует на экспорте полезных ископаемых. Статистика знает все: 23 страны мира извлекают 60 процентов своей экспортной выручки из нефти и газа, и ни одна из них не является настоящей демократией.

Как бы там ни было в сфере политического жизнеустройства, фактически «креатив» состоит в *рецепции* «демократической классики». В свете тех препятствий к этой «демократической классике» — как мы видим не обязательно в форме «злой» или «упорной» воли режима — эта *рецепция* совсем не представляется таким уж нетворческим делом. Пытаться же изобретать собственный «демократический велосипед» означало бы не понимать *больших социологических закономерностей*, которые определяют характер «творчества» на разных уровнях современного социума. Еще раз: если в области политического устройства «классические» и зрелые формы найдены достаточно давно, то «инновационные» шаги в другом направлении от «классической» парадигмы могут принять и небезобидный характер. Свежий пример — изобретение «суверенной демократии» и прочих «институциональных симулякров». Действительно, небезобидность подобных «креативных продуктов» сродни небезопасности пребывания в мире постмодернистских «симулякров», которые делают политическую жизнь и социальное мышление неадекватными настоящим испытаниям — тем испытаниям, которые «всегда рядом».

НЕ МЕНЕЕ, ЕСЛИ НЕ БОЛЕЕ, коварна ситуация с «императивом креативности» в пространстве современной культуры. Перенос/замещение на область культуры «креативного энтузиазма», который характеризовал научное и инженерно-техническое творчество уже со второй половины XIX столетия, легко прослеживается на рубеже XX века в таких направлениях, как футуризм, авангардизм, абстракционизм и проч. Со временем и буквально на ходу эта, как сейчас говорят, заточенность на «новизну» и «новые» интерпретации старого, классического содержания становится «второй природой» искусства. Если Возрождение самоутверждалось через обращение к античным ценностям, а Просвещение — точнее, плеяда гражданских деятелей, этим Просвещением подготовленных, — опиралось на заемный язык древнеримской республики, то с конца XIX века самоидентификация культуры и искусства шла в терминах, которые начинались с прилагательного «новый», префикса «нео-» или более позднего «пост-».

«Логика» этого «новаторства» привела к тому, что подобная целеустремленность легко выродилась в принцип «новизны во что бы то ни стало». То, что, например, у С. Дягилева («Удиви меня!») было еще средством борьбы против устаревших условностей академизма и того реализма, который оказался в тупике натурализма и даже бытовизм; то, что у Дягилева было способом дать искусству импульс выразить стихию человеческой природы, не скованной все той же избыточной условностью людского порядка; все то, что у Дягилева обещало органично лечь в новый канон, — все это в дальнейшем с коммерческим успехом «инволюционировало» в имитацию творчества как «беспрецедентность во что бы то ни стало», что легче всего достигается даже уже не через дягилевское «удивление», а через *аффектацию* и *шок*. Этот аффект и шок не имеют никакого отношения к аристотелевскому «удивлению» как началу познания в самом широком смысле, равно как и к категории «катарсис». «Шок и трепет» в модернистском искусстве ничего, кроме себя, не представляют. Они суть феномены самооценности «неожиданного». И культурная модель творчества тут — произвол и беспрецедентность.

Впрочем, небольшое отступление от только что сказанного, по-видимому, не помешает. Дело в том, что категории «произвол», «случайность», «хаотичность» не относятся к пасынкам и нелюбимым детищам в словаре по теории творчества. В виду принципиальной непрограммируемости настоящих креативных процессов случайность в генеалогии новых и жиз-

⁵ См. Ф. Ницше. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М., 1990.

неспособных форм играет свою замечательную роль. «В тебе еще достаточно хаоса, чтобы родить пляшущую звезду»⁵. Так говорил не только Заратустра. Так говорит

самая Жизнь на неистребимом языке Свободы, если ей (жизни) становится тесно в героически достигнутой системе Порядка.

Говорят, что в науке и технике все легкие открытия уже сделаны. Сегодня каждый следующий шаг в непознанное, каждая новация требуют невероятных инфраструктурных усилий, включая и финансовые. Эта универсальная

закономерность иногда именуется «законом уменьшающего эффекта». Но даже и здесь есть место подвигу и романтической неожиданности. Больше того, говорят, что организация творчества — это организация условий для счастливой случайности, творческого хаоса и продуктивного произвола. Но все это хорошо там, где это хорошо кончается. Понятно, что речь идет о том, о чем толковалось выше. Речь идет о научно-техническом творчестве, о техно-экономической сфере, где «инновационный императив» имеет силу естественного отбора. Вернемся к культуре — у нее другая природа, другая судьба, другая миссия...

Ситуацию в этой сфере последние десятилетия «курировал» постмодернизм. Модернистский принцип творчества как новизны «любой ценой» и новизны как «самоцели» постмодернизм заменил на такой критерий, как «различение», «отличительность», *le difference*. В каком-то смысле ставка на «различие» (по принципу «то, что предметы отличает друг от друга, важнее того, что между ними общего») не была по-настоящему большим и адекватным ответом на кризис, в котором оказался модернизм. Поэтому, кстати сказать, «постмодернизм» оказался неудачным названием и не в силу беспомощного «пост-», а по указанной причине — к критике модернизма постмодернизм особого отношения не имеет. Самоутверждение «постструктуралистов» совершилось на другом поприще, на поприще решительного разрыва с эпохой европейской *классики* с ее системой универсальных и трансцендентальных категорий. Просвещение было объявлено родиной тотальных понятий, следование которым привело к практике тоталитаризма — тоталитаризма в мысли, в поступках, в социальных структурах⁶. Поэтому постмодернизм скорее следовало бы расшифровывать как философию и культуру «постицейной», «постдоктринальной», «постпроектной» эпохи.

Артикулирование «различия», «отличительного», «единичного», «локального» в постмодернизме вылилось в итоге в апофеоз темы «повседневности» как некоей конечной реальности. Если когда-то отец феноменологии Э. Гуссерль подобную реальность «каждодневной жизни» считал неким препятствием на пути «к самим вещам» — *Zurück zu den Sachen selbst*, той «естественной установкой», которая должна быть вынесена за скобки и преодолена с помощью знаменитой операции под названием «феноменологическая редукция»⁷, то сегодня пафос удовлетворения наличной, «повседневной» реальностью, пафос экзистенциального оппортунизма налицо. Вот и все творчество, вот и вся свобода — все проблемные места жизненного, социального пространства компенсируются подменой, симуляцией реального виртуальным. Почувствуйте, как говорится, разницу: «множество миров» у Дж. Бруно и «множество миров», построенных по моделям «анархической эпистемологии» П. Фейерабенда!

Одним словом, постмодернистский принцип для культуры оказался не столько «регулятивным» и «конструирующим» в кантовском духе, сколько

⁶ См. Т. Адорно, М. Хоркхаймер. Дialeктика Просвещения. М., СПб., 1997.

⁷ Э. Гуссерль. Картезианские размышления. СПб., 2001.

тем, что кибернетики еще в 1970-х годах называли «декомпозицией», а мы сегодня добавим: «декомпозицей», за которой не последовала композиция. Я знаю только одну интеллектуальную попытку сформулировать программу постмодернистской культуры не как политику релятивизации всех ценностей и понятий, а, напротив, как программу, несущую в себе силу универсальных категорий и таких же универсальных условностей, как все это было найдено в истории человеческой культуры, включая и Позднее (Высокое)

⁸ См. П. Козловски. Культура Средневековья. Эту попытку сделал немецкий философ постмодерна. М., 1997.

П. Козловски⁸. При этом немецкий автор вынужден был без обиняков критиковать своих французских коллег, от которых с 1970-х годов шла постмодернистская инициатива.

Замечательно еще и то, что П. Козловски, понимая всю опасность постмодернистского релятивизма, при котором не существует иерархии ценностей и вещей, говорит об особой важности отдельных страниц человеческой истории, когда в культуре были найдены образцы универсального, общечеловеческого потенциала, которые не должны преодолеваться «новым», потому что не все должно размениваться на «новое». «Deus conservat omnia» — «Бог сохраняет все»; но отдельными человеческими «креативами», сказали бы мы, Бог гордится особенно. Они «на все времена». В них запечатлена «зрелость», а значит — суть вещи. И отношение к этим достижениям, этим парадигмам, этим изобретениям, этим оптимумам, по словам Вольтера, должно быть только одно: «Пользуйтесь, но не злоупотребляйте!»

В наше время на тему того, что не надо бояться достигнутого «однажды и навсегда» самим развитием вещей и зафиксированного в формате «классики», мощно выступил наш соотечественник Мих. Лифшиц, который поучительно много предчувствовал из репертуара надвигавшегося еще в 1960—1970-е годы культурного кризиса, зреющего в недрах современного общества: «Формула “раз и навсегда” звучит слишком резко для нашего уха, но если читатель захочет подумать, то он найдет, что раз навсегда совершалось на свете множество вещей. Когда-то наш отдаленный предок стал на ноги и пошел. Куда он пошел и что ему предстоит измерить своими шагами — это другой вопрос. Однако закон развития вовсе не требует от него, чтобы он снова стал на четвереньки или начал ходить на голове. Нет ничего постоянного в мире, но

То, что жизнью взято раз,
Не в силах рок отнять у нас.

И если нам удастся навсегда сохранить вертикальное положение тела,

⁹ М. Лифшиц. Чего не надо бояться. — «Коммунист». 1977. № 2.

то диалектика в обиде не будет, и такое *постоянство достигнутого* (курсив мой. — А.Щ.) едва ли можно рассматривать как застой⁹. В случае же отклонения, в случае злоупотребления, в случае предпочтения «нового ради нового» наступает «возмездие», наступает казус «Ренессанса-Возвращения».

Если эпоха «умышленно-нового» (модернизм) или «виртуального-произвольного» (постмодернизм) представляет, по нашей классификации, некую

«креативную девиантность», граничащую с самоисчерпаемостью (это уже по характеристике Ю. Давыдова)¹⁰, то небезынтересен вопрос: а не стоим ли мы на дороге к «новому ренессансу», «новой классике»? Автор этих

¹⁰ См. Ю. Давыдов. Патологичность «состояния постмодерна». — «Социологические исследования». 2001. № 11

строк не считает подобный вопрос риторическим, искусственным, сугубо литературным. Более того, здесь уместно сказать несколько слов об этой «обратной перспективе». Но пока давайте убедимся — насколько позволяют авторские возможности и размеры статьи, — что в сегодняшней ситуации культуры постмодерна дело идет именно в этом направлении «легитимной девиантности», после чего с неизбежностью начинают работать механизмы расплаты, которые Ф. Ницше на языке своей зверской интуиции назвал «вечным возвращением»¹¹.

¹¹ См. Ф. Ницше. Так говорил Заратустра.

В чем же состоит эта «легитимная девиантность» культуры позднего капитализма, именуемая то «скорбной легкостью бытия», то «гламурной современностью», то «антропологической катастрофой», то «эрой нетрагической пустоты» и проч., и проч.? Имя этим роскошным девиантностям — легион.

Итак, к чему приводит кризис «инновационного энтузиазма», перенесенного отсюда, где он уместен и необходим (наука, техника, экономика и область «гражданских служб» в социальном государстве), в область, где, как в надежном депозитарии, хранятся (должны храниться) вечные ценности, такой же значимости парадигмы и найденные человечеством ответы на экзистенциальные, гамлетовские вопросы?

«Современная» культура выпустила из своих рук слишком многое, чтобы называться «культурой» от латинского слова «cultura», что всегда означало уход (за чем-либо), заботу (о чем-то). О какой бы культуре мы сегодня ни говорили — массовой или элитарной (арт-хаузной), и та, и другая за редким исключением пребывают в логике рынка. Хорошо продается только то, что востребовано, а востребовано то, что долго было табуировано культурой. Значит, такая культура должна пасть! Карфаген должен быть разрушен! В этом желании представлен не только циничный и расчетливый интерес «культурной» мафии от шоу-бизнеса. В этом бы не было никакой драмы. Рынок есть рынок.

Настоящая драма — на полюсе массового потребителя. «Пипл хавает» непотребное, «пипл хавает» то, чего раньше стеснялись. Сегодня *pudenta* — самая продаваемая, потому что покупаемая и потребляемая тема. Растущая коммерциализация массового искусства означает decline не только высокой, гражданственной, но и *народной* культуры, и это понижение уровня протекает в русле того тренда, который получил название «децивилизационной динамики»¹². Бесперебойное «культурное» потребление сексуальной (как вариант: околосексуальной) тематики — симптоматичный феномен этого decline'a, этой децивилизации.

¹² См., например: Н. Мотрошилова. Цивилизация и варварство в современную эпоху. М., 2007.

Коммерциализация коснулась в полной мере и арт-хауза, проблемного искусства, отмеченного претензиями на интеллектуализм и эстетизм. Здесь перспектива обладания «символическим капиталом» сегодня иску-

шает участников не меньше, чем обладание капиталом денежным. В связи с этим можно сказать, что появился сорт авторов—«гуру от культуры», «культурных антрепренеров», «культовых фигур» и т. д. Их «инновационизм» чаще всего сориентирован на работу с «параллельными мирами», кибер-

¹³ См. Ю. Давыдов. Патология фэнтези, психосоматическими аномалиями и самое небезопасное — «играми со смертью»¹³. По какой части идентифицировать этот «арт-хаузный» тип культурного сознания и resp.

¹⁴ См. J. De Graaf. Affluenza: The «творчества»? То, что «массовая культура» вписана в конвейер «общества потребления»¹⁴ (так называется один из новейших американских бестселлеров на эту тему), общества ранее табуированной, а сегодня «веселой» гау-тематики «ниже пояса», общества искусственных, гламурных потребностей¹⁵ — все это уже не составляет

¹⁵ См., например: Дж. Гэлбрайт. Экономика невинного обмана. Правда нашего времени. М., 2009.

открытия ни для кого. Все это устраивает всех участников — и «производителей», и «потребителей». Здесь круг, как говорится, замкнулся. По аналогии с гегелевским «концом истории», впору говорить и о конце эпохи «несчастливого сознания» и соответственно о начале эпохи «сознания счастливого», не знающего «экзистенциальной драмы» в обществе «идейного консьюмеризма». А что «арт-хауз», кичащийся своим элитарным «креативом» и презрением к «массовому обществу»?

Безусловно, его культовое экспериментаторство не имеет того социологического успеха, каким отмечено сегодня «массовое искусство». Но именно это обстоятельство как раз и эксплуатируется авторами и потребителями соответствующего «жанра». Принцип формирования многих «культовых/культурных» групп сегодня известен: они должны не столько выражать что-то, сколько отличаться (принцип «различения» в действии) — в данном случае от «массового искусства». Когда, например, в кинематографии закончилась эпоха последних «классиков» (Феллини, Бергман, Тарковский и др.), началось время авторов прихотливой «загадочности», хичкоковского «саспенса», претензионных безделушек, щекочущих нервы, а то и просто демонстрирующих «запретные» авторские вожделения (Д. Линч — «Малхолм драйв», Гас Ван Сент — «Психо», Т. Бартон — «Суинни Тодд, маньяк-парикмахер», Ф. Озон — «Время прощания», «Криминальные любовники», «Верись, не верись» и проч.).

Одним словом, «изобретательство», «творчество» и «инновационный энтузиазм» на этом уровне культурного профессионализма, в полном соответствии с «постмодернистской парадигмой», абсолютно не имеют никакого отношения к аристотелевскому «мимезису», равно как не имеет вся эта «высококультурная новизна» и отношения к постоянному «открытию» и «переоткрытию мира», к возвышенному восхищению этим миром, вовлеченности в человеческий прахис, пребыванию жизни в окрестностях «классики» как общечеловеческих форм цивилизованности и культурности. Отсюда и понятна постоянная история — там, где Contemporary Art принимается за переинтерпретацию классики, дело кончается чаще всего

конфузом. С одной стороны, очевидны роскошные произвольности и техническая неуместность постмодернистского дискурса, а с другой — классика просто «не лезет» в язык этого дискурса, ибо ее собственный язык самодостаточен и сам по себе актуален.

Современное искусствоведение и, не в последнюю очередь, гуманитарное образование в некотором замешательстве: неужели «современность» не оставляет после себя «классики»? Но решает этот вопрос линейно, прямолинейно в том смысле, что отвечает: должна оставлять, конечно, оставляет. И ищутся «классики», достойные сегодняшних хрестоматий. «Классическое», однако, откладывается в «золотой фонд» культуры не с помощью «кандидовского» оптимизма «все к лучшему в этом из лучших миров». В эволюции человеческой цивилизации бывают и «перерывы» («эпистемологические разрывы», как сказали бы сами постмодернисты), и даже, как уже упоминалось, инволюции и децивилизации. Что-то надо пережить, пресытившись кризисом, — «Нами управляют кризисы», как гласит одна из фундаментальных социологических теорий, — с чем-то надо бороться, как всякое здоровое общество борется с социальной «девиантностью» и «патологией» (для сравнения вспомним, к примеру, усилия американского общества по борьбе с расовой нетерпимостью в 1960—1970-х годах или кампанию по денацификации в ФРГ сразу после Второй мировой войны).

И в заключение — вопрос о том, как собственно постмодернистская культура — или, скажем шире, культура постмодерна — соотносится с тем состоянием современного социума, которое можно на собственный авторский риск назвать «торжеством повседневности», «торжеством экзистенциального попустительства», «торжеством оппортунизма и ситуационной этики»? Думать, что культура и культурное творчество есть прибежище досуга и развлекательства, *entertainment*'а и что этими невинными радостями дело и заканчивается, думать так — значит демонстрировать род социологического невежества. Дело в том, что духовное и даже околодуховное обретает предметность. Всякое потребление есть «производственное потребление», то есть в нашем случае сначала имеет место «производство субъекта», а затем производство социального, в котором (производстве) этот субъект участвует. «Как корабль назовете, так *она* и поплывет!» Вот собственно и все.

На всякий случай повторим как саморезюме постмодернистского «состояния» общества: творчество/искусство как произвол не только прекрасно коммерциализуется, то есть приносит доход на потворстве всякой «децивилизации» в человеке, оно участвует в онтологизации такой социальности, которая в «культуре» ищет и переживает не «момент истины», а *entertainment*, развлечение, приятную зависимость от узнаваемой повседневности.

Для тех, кто не хотел бы удовлетвориться таким резюме, исполненным на языке фатальной лексики («Круг замкнулся!»), можно порекомендовать

другую редакцию. В самом деле, есть ощущение, что мы на пороге не супероткрытого общества «культурной вседозволенности» (другой вариант: «культурной всевозможности»). Совсем наоборот. Мы скорее на пороге «нового закрытого общества» — эгоистического, ограниченного и самодовольного, «закрытого» реальным вызовам, идущим изнутри самого этого постмодернистского социума (сказал же Ю. Хабермас, что «модерн — это

¹⁶ См. А. Дж. Тойнби. Постигшие истории: Сборник. Сост. А. П. Огурцов. М., 1991.

незаконченный проект»*), а также вызовам, идущим с «периферии», со стороны «внешнего пролетариата», как сказал бы А. Тойнби¹⁶ (Похоже на правду: безопасный и «нормальный» сценарий «миросистемного порядка» и «глобализации» предполагает именно *системный*, не *фрагментарный* и при этом достаточно *синхронный* путь формирования современной мировой цивилизации).

Этой деструктивной креативности «нового закрытого общества» — закрывшегося в упоении «повседневностью», ушедшего в бесконечные «игры разума» и «игры тела», свободные от экзистенциальных напряжения и нравственных дилемм, — всему этому противостоит опыт культурной классики, находившей в каждую из своих эпох «бури и натиска» бескомпромиссный, целостный и неумышленный образ современной реальности, иными словами, находившей язык реализма.

К сказанному добавим только, что именно классика Нового времени

¹⁷ См. И. Кант. Критика чистого разума. М., 1994.

дала нам меру принципа «конвенциональности», лучше всего передаваемого кантовской формулой «*Als ob*»¹⁷ — того принципа «конвенциональности», границы которого в категориях «виртуальности» постмодернистское мышление перешло со всей размахистостью своего «креативного энтузиазма». Философия «нового конвенционализма», «конвенциональной онтологии», в которой не были бы утрачены объективизм и реализм у Гегеля, с одной стороны, и конструирующий активизм субъекта у Канта, с другой, думается, была бы более точным названием для выхода из постмодернистской ловушки, чем «дурная бесконечность» *post'ov* — в частности «постпостмодернизм». Последнее уже смахивает на самопародию, аналогичную казусу одной итальянской группы, назвавшейся «самые новые» — «*i nuovi-nuovi*». Впрочем, все это — тема для другого рассказа.

* См. речь по случаю вручения премии имени Т. Адорно, учрежденной городом Франкфурт-на-Майне, 1980 год (см. «*Wege aus der Moderne: Schlisseltex-te der Postmoderne-Diskussion*». Hrsg. von W. Welsch. Weinheim, 1988).

Социализм, частная собственность и демократия

Разобраться в том, что такое социализм, существенно для большего единства левых сил. Для этого важно понять, какие характеристики социализма как общественного строя могут считаться действительно сущностными, ибо нередко их набор формулируется достаточно произвольно, без серьезного исторического обоснования, без учета внутренней взаимосвязи различных черт и безусловного многообразия форм социализма. Так, например, версию социализма, существовавшую в СССР, некоторые авторы не склонны считать социализмом вообще на том основании, что эта версия была недостаточно демократична или гуманистична. Р. Медвед даже ставит знак вопроса в названии своей книги¹, склоняясь скорее к отрицательному, чем положительному ответу на этот вопрос. А. Бузгалин называет социализм в СССР «мутантным». Наконец, есть авторы, считающие строй, сложившийся в СССР, «государственным капитализмом»².

¹ См. Р. Медвед. Социализм в СССР? М., 2006.

² См. Т. Клифф. Государственный капитализм в России. М., 1991.

Германская социал-демократическая партия, стремясь дистанцироваться от социализма в СССР и странах Восточной Европы как недемократического, определяла социализм как задачу осуществления принципов свободы, справедливости, солидарности при допущении частной собственности. Так, в Годесбергской программе, принятой в 1959 году, это определение выстраивалось следующим образом: «Социал-демократическая партия Германии — партия свободы духа. Она является сообществом, в которое входят люди разных верований и убеждений. Их согласие покоится на общих нравственных основных ценностях и одинаковых политических целях. Социал-демократическая партия стремится к устройству жизни в духе этих основных ценностей. Социализм является постоянной задачей — добиваться свободы и справедливости, сохранять их и быть сохраненными в них»³.

³ Цит. по: Б. С. Орлов. Новая программа германской социал-демократии. Аналитический обзор. М., 2008. С. 26.

Программа признавала право на частную собственность и конкуренцию

ЭПШТЕЙН Давид Беркович — главный научный сотрудник Северо-Западного НИИ экономики сельского хозяйства Россельхозакадемии (г. Санкт-Петербург), профессор, доктор экономических наук.

с оговоркой, что это не препятствует созданию справедливого общественного строя. «Конкуренция — насколько возможно, планирование — насколько необходимо»⁴. Очевидно, что в этих определениях программа германской социал-демократии в немалой степени опиралась на опыт СССР, хотя и «отталкивалась» от него, подчеркивая роль политических свобод и нравственных ценностей. В целом, столь широкое определение позволяло партии, не раз становившейся правящей, объявлять социалистической или направленной на построение социализма практически любую деятельность.

В Берлинской программе, принятой в разгар перестройки в СССР, демократический социализм понимался как «воплощение идеалов свободы, справедливости и солидарности посредством демократизации общества, социальных и экономических реформ». Через 19 лет, в 2007 году, в Гамбургской программе СДПГ это понимание превратилось в «видение»: «Демократический социализм является для нас видением свободного, справедливого и солидарного общества, осуществление которого является для нас непрерывающейся задачей. Принципом нашей деятельности является социальная демократия»⁵.

В Гамбургской программе СДПГ присутствует и более детальное перечисление тех черт, которые она хотела бы видеть в будущем общественном строе: «Наша история... требует строя экономики, государства и общества, в котором гарантированы гражданские, политические, социальные, экономические основные права для всех людей, которые могут вести жизнь без эксплуатации, подавления и насилия, следовательно, в условиях социальной и человеческой безопасности»⁶.

Здесь важным, на наш взгляд, является указание на осуществление при социализме широкого спектра прав и интересов *всех* людей, на защиту их государством. Конечно, столь широкое определение могла позволить себе из прагматических соображений партия, борющаяся за власть в социально ориентированном государстве. Но оно недостаточно для выявления сущностных черт социализма. Ведь и программа ХДС (Христианского демократического союза) Германии утверждает, что эта партия исповедует «основные ценности — свободу, солидарность, справедливость, равно как и христианский образ человека»⁷.

Б. Кагарлицкий полагает, что «в СССР было странное сочетание архаики и прогресса, докапиталистических и посткапиталистических отношений, элементов социализма, госкапитализма и азиатского способа производства в одном обществе. Эти противоречия были порождены

происхождением советского строя, возникшего из пролетарской революции, но в условиях, когда сам пролетариат власть утратил, а его партия переродилась»⁸.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Там же. С. 26, 71.

⁶ Там же. С. 71.

⁷ Там же. С. 81.

⁸ Б. Ю. Кагарлицкий. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2005. С. 289.

В другом месте тот же исследователь отмечает, что «Советский Союз объявлял себя социалистическим на том основании, что в нем было ликвидировано частное предпринимательство. Это не помешало захвату реального контроля над производством бюрократией, а затем и прямому восстановлению капитализма, причем реставрации (это принципиально важно), навязанной обществу сверху, в значительной мере насильственно, силами того самого советского политического аппарата, который по утверждению своих создателей должен был защищать социализм. И разве не то же самое затем стало происходить в коммунистическом Китае?»⁹

⁹ Там же. С. 369.

Подобные позиции порождены тем, что априори, а часто субъективно, на основании высказываний классиков марксизма и/или их интерпретаций социализму приписываются некоторые черты (например, власть пролетариата, отсутствие бюрократии или полная «управляемость бюрократии пролетариатом» или народом, наличие представительной демократии западного образца и т. п.), которые рассматриваются в качестве определяющих. Но разве не очевидно, что характеристики социализма в трудах ученых, предсказавших и обосновавших его появление, неизбежно не могут быть полны, в них не могут быть учтены многие его противоречия, в том числе существенные, проявляющиеся при его создании?!

Разве не очевидно, что социализм, появляющийся в результате ожесточенной классовой борьбы и гражданской войны, развивающийся в период, предшествующий Второй мировой войне, не мог не быть поначалу крайне недемократичным, опирающимся на силу, на ограничения свобод и репрессии? Меняться в сторону более демократического общества он мог лишь по мере развития, по мере достижения существенного экономического прогресса и общественного согласия о путях дальнейшего развития. Таким образом, определения социализма должны непременно меняться по мере накопления опыта его исторического существования в разных странах. Но с другой стороны, по мере накопления опыта существования социализма и его осмысления должны выкристаллизовываться его наиболее существенные черты и появляться соответствующие определения.

Основным признаком социализма Маркс и Энгельс считали господство общественной собственности на средства производства, которая возникает вследствие экспроприации ее у частных собственников. В результате исчезает экономическая основа эксплуатации одного класса другим и социального неравенства. Общественная собственность используется в интересах всего общества — то есть всех слоев и классов, в интересах повышения благосостояния всех.

Необходимость обобществления вытекала по Марксу из обострения противоречий общественного производства и социальных противоре-

чий в рамках господства частной собственности на средства производства, от которых страдает большинство населения. При этом, параллельно процессу развития капитализма и концентрации капитала, организуется и революционизируется рабочий класс, которому и предстоит явиться решающей силой перехода. Этот переход происходит или непосредственно в результате восстания масс под руководством рабочего класса, или в ходе такого политического и морального доминирования рабочего класса и его союзников, которое позволяет осуществить экспроприацию после легитимного перехода власти в государстве к партиям левого толка.

Таковы вкратце те черты социализма, которые вытекали из логики анализа капиталистического производства Марксом и Энгельсом. Определение, данное в «Большой советской энциклопедии» (Изд. 3), вполне отвечает этой логике: «Социализм... — первая фаза коммунистической формации. Экономическую основу социализма составляет общественная собственность на средства производства, политическую основу — власть трудящихся масс при руководящей роли рабочего класса во главе с марксистско-ленинской партией; социализм — общественный строй, исключающий эксплуатацию человека человеком и планомерно развивающийся в интересах повышения благосостояния народа и всестороннего развития каждого члена общества» (Л. И. Абалкин).

Господство — а по существу монополия — общественной, государственной собственности на средства производства было характерно для Советского Союза и большинства стран Восточной Европы, Китая, Вьетнама, Северной Кореи. Однако именно это господство государственной собственности явилось причиной замедления темпов экономического роста и эффективности экономики в СССР в 1970—1980-х годах. Более того, благодаря этому господству государственной собственности общество, по сути, потеряло с начала 1970-х годов эффективный контроль над экономикой. Поэтому на вопросе о роли общественной собственности в становлении и эволюции социализма, прежде всего в СССР, необходимо остановиться более подробно.

Для дальнейшего анализа в качестве «рабочей гипотезы» мы предлагаем следующее определение социализма: *общественный строй, приходящий на смену капиталистическому строю, базирующийся на контроле общества за производством в интересах всех классов и слоев, на личной свободе всех его членов.* Это определение не фиксирует жестких требований ни к форме собственности, ни к уровню демократизма нового строя, что отражает исторические реалии.

У читателя, видимо, возникает вопрос: почему марксово требование «общественной собственности на средства производства» заменено на

«контроль общества за производством в интересах всех классов и слоев», чем вызвано такое обобщение? Ведь «контроль общества» допускает сохранение частной собственности на средства производства, а марксизм предсказывал завершение веков господства частной собственности.

Историческое развитие показало, что формула «общественная собственность на средства производства» была вполне адекватна для периода конца XIX века, но она должна быть преобразована в соответствии с результатами развития в XX веке. Начнем с выяснения того, какое содержание вкладывается в понятие «общественная собственность», в чем ее отличия от частной, если отвлечься от чисто юридической стороны вопроса. С точки зрения реальной организации экономики важно, какие права и обязанности должно иметь общество по отношению к предприятиям, чтобы весь комплекс отношений предприятий и общества позволял оценивать эти отношения как отношения действительно (а не формально) общественной собственности.

Очевидно, что понятие «общественная собственность на средства производства» подразумевает следующие характеристики:

- продукция, произведенная при помощи этих средств производства, создается и распределяется в интересах всего общества;

- работники каждого общественного предприятия получают оплату своего труда в соответствии с его количеством и качеством;

- прибыль (или прибавочный продукт), полученная с помощью этих средств производства, также распределяется в интересах всего общества. При этом в целях стимулирования часть прибыли должна пойти на накопление на том же предприятии, где она создана, а другая часть — перераспределение на нужды всего общества;

- ввиду огромных масштабов современного производства, выполнение первых трех условий возможно лишь в том случае, если для управления общественной собственностью будет создан специальный аппарат — то есть государственная служба, имеющая и региональные центры, если учесть необходимость регионального аспекта.

На первых этапах теоретического развития учения о социализме предполагалось, что государство непосредственно осуществляет эти функции путем планового централизованного управления всеми предприятиями. При детализации этого положения мы приходим к необходимости выдачи им централизованных заданий, в том числе по прибыли и по накоплению, по размерам и правилам определения оплаты труда и т. д. На практике такая форма общественной собственности соответствует развитию экономики СССР в период 1930—1980-х годов. Обратим внимание, что эта форма государственного планового централизованного управления не доминировала в период нэпа.

Но уже в 1950-х годах, то есть после завершения индустриализации, вывилось, что такая «непосредственно государственная форма реализации общественной собственности» слабо заинтересовывает работников и руководителей предприятий в самостоятельной инициативе в повышении эффективности производства. Она эффективна на ранних этапах индустриализации и лишь до той поры, пока происходит экстенсивная замена прежних средств производства новыми, технически более совершенными и экономически более выгодными за счет внешних (государственных) инвестиций. Она становится недостаточно эффективной, когда появляется потребность в самостоятельной деятельности каждого предприятия по повышению эффективности и качества, когда центр уже не в состоянии указать «сверху» и проконтролировать все направления экономической работы.

Прежнее централизованное управление всей экономикой в форме плановых заданий всем предприятиям как главный атрибут экономики социализма становится бюрократизированным, отстающим от реальных экономических процессов. Возникает потребность в иных формах регулирования экономики, которые обеспечили бы ее развитие в интересах всего общества без прямого управления, путем не только и не столько плановых заданий (которые для ряда отраслей и предприятий сохраняются), сколько регуляторов, существенно более эффективных в новых условиях. Очевидно, в связи с этим должно измениться и понимание того, что такое общественная собственность.

Вернемся, однако, к сформулированным выше четырем требованиям. Требование *первое* — продукция, произведенная при помощи этих средств производства, создается и распределяется в интересах всего общества — должно реализовываться уже не непосредственно через государственные задания предприятиям, а через систему рыночных взаимоотношений между предприятиями и систему финансовых и иных регуляторов, влияющих на конъюнктуру рынков. При этом оказывается, что на определенном этапе следование рыночным сигналам отвечает в краткосрочном периоде общественным интересам не менее полно, чем следование централизованным плановым заданиям. Для соблюдения интересов общества в долгосрочном периоде государство непосредственно управляет рядом инфраструктурных отраслей, определяющих динамику развития (транспорт, энергетика, космические и военные отрасли, в ряде случаев — добыча и переработка полезных ископаемых и т. д.), а также с помощью долгосрочного прогнозирования и бюджетного планирования определяет в существенной части долгосрочную конъюнктуру. Государство вырабатывает стратегические задачи развития экономики и осуществляет их.

Таким образом, общественные интересы оказываются защищенными не менее, а более сильно, чем при прямом централизованном управлении всем народным хозяйством.

Требование *второе* — работники каждого общественного предприятия получают оплату своего труда в соответствии с его количеством и качеством — сохраняется, но становится существенно менее жестким, так как государство уже не может непосредственно определять оплату труда. Даже государственные предприятия получают большую свободу в установлении оплаты труда, иначе они окажутся неконкурентоспособными как работодатели. Работники предприятий получают оплату труда, определяемую спросом и предложением на рынке труда, требованиями законодательства об оплате наемного труда, собственным и коллективным соглашениями с предприятием — работодателем, а также величиной налогов на оплату. Недостаточные с точки зрения общества доходы компенсируются системной социальной поддержкой. Серьезный недостаток этой системы по сравнению с централизованным управлением в том, что она существенно увеличивает разрыв в оплате труда между работниками различных профессий, предприятий и даже различных работников, занятых одинаковым трудом. Преимуществом такой системы являются ее в целом большие стимулирующие возможности, ее большее соответствие количеству и качеству труда.

Требование *третье* — прибыль, полученная с помощью этих средств производства, также распределяется в интересах всего общества — осуществляется путем налогообложения прибыли. Отрасли с особенно высокой рентабельностью облагаются повышенными налогами (например, добыча и продажа нефти и газа), а отрасли с пониженной рентабельностью облагаются по более низким ставкам (например, сельское хозяйство). При необходимости государство создает льготные условия для инвестиций в отдельных отраслях и регионах и само осуществляет часть инвестиций. Описанная система общественного перераспределения прибыли также оказывается более экономически эффективной, чем ее прямое централизованное распределение, в особенности с того времени, когда осуществлена индустриализация, когда все отрасли генерируют прибыль и нет необходимости в постоянном развитии одних отраслей за счет других. Но система перераспределения прибыли посредством налогов и льгот более эффективна по сравнению с прямым перераспределением лишь при условии, что государство использует ее в интересах большинства населения.

Наконец, требование *четвертое* — о необходимости специального государственного аппарата для управления экономикой — заменяется требованием развития служб регулирования экономики, отраслевого и межотраслевого прогнозирования и стратегического развития. Таким образом, понимание того, что вкладывается в понятие «общественная собст-

венность», на определенном этапе социалистического развития неизбежно меняется существенным образом, причем эти изменения вытекают именно из потребностей социалистического развития.

То есть существенная часть конкретных прав и обязанностей государства по отношению к обществу в части воздействия на экономику, на материальные и финансовые активы экономических агентов, выражаемая понятием «общественная собственность», на определенном этапе должна измениться кардинально в своем содержании. При наличии регулирующей роли государства в интересах всех противоречие между общественной и частной собственностью отходит на второй план, становится легко разрешимым. Эти изменения в рамках социализма могут происходить эволюционным путем, если государственное руководство их осознает и своевременно проводит, как, например, это произошло в Китае в 1970–1980-х годах.

В СССР также существовала потенциальная возможность, не отменяя общественной собственности как основополагающего института, перейти к рыночным принципам управления экономикой, увеличить степень свободы предприятий, переведя их на принципы аренды общественных средств производства, и одновременно дать возможность развиваться предпринимательству «снизу», на базе действительно частной собственности. Но именно частной, созданной своим трудом и предпринимательским талантом, а не украденной у народа в ходе неконтролируемой обществом приватизации. Не менее важно, чтобы и предприятия государственной собственности имели права и возможности реализации экономической инициативы.

Идя эволюционным путем, мы пришли бы к существенному повышению роли частной собственности, но без развала экономики, без потери половины производственного потенциала. При этом общественная собственность оставалась бы ведущей, так как ее объекты (к которым относятся и общественные фонды — такие, как государственный бюджет и другие) и правильное управление ими в интересах общества (то есть в интересах всех слоев и классов) задают костяк и направление развития всей экономики. И частная собственность работала бы в определенных рамках и в интересах всего общества. Одной из форм частной собственности становится в этом случае коллективная собственность.

Таким образом, социализм как общественный строй, направляющий развитие экономики в интересах всего общества, мог быть сохранен в СССР и получить новое развитие при существенном расширении роли частной собственности. Однако история сложилась иначе. В России почти ликвидировали общественную собственность как институт реализации интересов всего общества, хотя и сохранили в ряде отраслей государствен-

ную собственность, которая является источником наживы для многочисленных государственных чиновников.

В итоге, если правящая верхушка при социализме предает на переходном этапе интересы общества, а трудящиеся не способны отстаивать свои экономические и политические интересы (в том числе в силу недостаточного опыта и слабого развития демократии), то социализм в результате отказа от общественной собственности и от подчинения производства общественным интересам превращается в капитализм, где во главу угла ставятся интересы частных собственников и угождающих им государственных чиновников.

Для возврата России на путь социализма предстоит пройти немалый исторический путь, ибо ни частная, ни государственная собственность сами по себе не гарантируют учета интересов широких масс трудящихся в политике и экономике. Трудящиеся должны научиться отстаивать свои интересы в постоянной политической, а при необходимости, и экономической борьбе.

ВЕРНЕМСЯ, ОДНАКО, К ПОНЯТИЮ социализма. Если сначала его определяли как строй, базирующийся на общественной собственности на средства производства, то затем мы пришли к пониманию, что со временем преобладание общественной собственности в форме государственной становится излишним, обществу приходится вырабатывать иные формы контроля. *Контроль общества над развитием экономики* — именно эта характеристика социализма оказывается ключевой, а преобладание государственной собственности — лишь один из возможных инструментов.

Общественная собственность — это важный, но не единственный и не решающий элемент системы институтов, обеспечивающих сохранение и развитие социализма. Огромное значение имеет система демократических политических институтов и механизмов, посредством которых трудящиеся могут и должны осуществлять свои интересы, ибо они не осуществляются автоматически, без их активного участия. Сохранение социализма при наличии и полном развитии частной собственности становится более сложной задачей. А демократического механизма защиты интересов трудящихся первая фаза социализма в СССР так и не выработала.

Есть ли такие политические механизмы в развитых западных странах? Применительно ко многим из них следует ответить утвердительно. Более того, можно говорить о социальном государстве как форме, близкой к социализму. Но и там эти механизмы не позволяют трудящимся уповать на их автоматизм и положиться целиком на власть имущих и на своих поли-

тических лидеров. Если эти лидеры не будут чувствовать, с одной стороны, поддержки масс в борьбе и одновременно их давления, с другой, то неизбежны бюрократизация и обуржуазивание демократической системы. Правда, неизбежное при этом ухудшение положения трудящихся будет подталкивать массы к более решительной защите своих интересов, к смене лидеров.

НАИБОЛЕЕ ПРАВИЛЬНО — НЕ СВОДИТЬ понимание социализма как системы, при которой обеспечен контроль общества над экономикой, к некоторой раз и навсегда установленной системе инструментов, то есть институтов. Инструменты могут и должны меняться, развиваться; но это должна быть *такая система экономических и политических институтов, которая позволяет массам вести успешную мирную экономическую и политическую борьбу за реализацию своих интересов в условиях наличия различных классов и слоев, в условиях количественного преобладания частной собственности, при наличии классов и слоев крупных и мелких предпринимателей*. При этом, насколько успешной будет эта борьба в каждой из конкретных стран в конкретный период времени, зависит от самих трудящихся, от их политического развития и организации. Если же таких демократических инструментов нет, то не может быть и гарантий мирного развития общества.

Означает ли сказанное выше неправоту Маркса, уделявшего ключевое внимание проблеме уничтожения частной собственности? Нет! Во-первых, его предсказание вполне сбылось в СССР и странах Восточной Европы, а также в Китае и ряде других стран Азии. Первый ряд стран, осуществивших строительство социализма, вводили общественную собственность на средства производства, строили и развивали экономику на этой основе. Если использовать математический термин, то Маркс успешно предсказал первую фазу, первую часть траектории социалистического развития. Далее траектория меняется, но это не означает, что неверной была ее первая часть.

Во-вторых, появление второй части траектории, связанной с созданием и воплощением концепции социально ориентированной рыночной экономики, было прямым результатом, прямым следствием первой части, то есть появления СССР, реформ в интересах трудящихся и строительства социализма в нем и его последователях. Именно прямым результатом, а не просто следующей по времени фазой, которая якобы отрицает необходимость первой фазы. Нельзя поэтому, не делая грубой логической и исторической ошибки, отрицать первую фазу и ее необходимость, если вторая фаза является прямым следствием первой.

Возникает вопрос: была ли возможна победа социализма мирным путем? Стал бы он реальностью, не произошли Октябрьская революция 1917 года? На наш взгляд, с одной стороны, без Великой Октябрьской революции и СССР, без лозунга обобществления средств производства идея социализма не смогла бы привлечь на свою сторону необходимое количество избирателей. С другой стороны, идея существенного повышения налогов и регулирования экономики вызвала бы резкое противодействие со стороны господствующего класса. Ведь даже в 1921 году сторонник эволюционного либерального развития Л. фон Мизес писал: «Если государство шаг за шагом отнимает у собственника право распоряжаться, распространяя свое влияние на производство, если его возможности определять направление производства и характер производимой продукции все возрастают, тогда собственнику не остается ничего, кроме пустого имени “собственник”, а сама собственность переходит в руки государства»¹⁰.

¹⁰ Л. фон Мизес. Социализм. Экономический и социальный анализ. М., 1994. С. 42.

Мы видим, что в 1921 году идея государственного регулирования экономики не встречала понимания. То же продолжалось и в 1930-е годы. Вспомним, какие колоссальные усилия понадобились, например, в начале 1930-х Франклину Рузвельту, чтобы провести в США законы, позволявшие применить временные регулирующие меры даже в условиях тяжелейшего мирового экономического кризиса! Даже в середине 1950 года Л. фон Мизес пишет о «государстве благосостояния», о правительственном контроле как о том, что, на его взгляд, может разрушить систему частного предпринимательства: «...отеческая забота “государства благосостояния” низведет всех до положения крепостных работников, которые обязаны, не задавая вопросов, повиноваться приказам планирующих органов»¹¹.

¹¹ Там же.

Это не случайно. Те социальные решения, которые были подготовлены предшествующим развитием, которые были найдены и стали возможны во второй половине XX века, не имели еще под собой социальной почвы и не могли быть предложены в конце XIX — начале XX столетия. Для того времени они были бы ошибочными и неприемлемыми. Получается, что первая фаза социализма, основанная на господстве общественной собственности, была необходима, чтобы появились идеи, приемлемые для второй фазы. И в этом смысле Маркс был прав, настаивая на понимании социализма как системы производственных отношений, основанных на общественной собственности. Без этой *важнейшей* фазы социализм в принципе не мог победить.

Тем не менее социализм в СССР действительно не был демократическим в том смысле, которое придается слову сегодня. То есть в СССР не было системы государственных органов, основанной на реальном разделении

властей, представительстве и равноправной конкуренции политических сил, представляющих интересы различных классов и слоев при всеобщем, равном и прямом избирательном праве, свободе слова, печати, собраний, политической организации, ограниченной рамками законов, регулирующих эту конкуренцию. Тем не менее в СССР и других социалистических государствах XX века существовало много важных отдельных элементов демократии как системы народовластия, действующей от имени народа, для народа и на основе волеизъявления народа. В частности, следует выделить:

- всеобщие, равные, прямые выборы;
- отсутствие безработицы и быстро растущий жизненный уровень при невысокой дифференциации доходов;
- высокая социальная мобильность на основе всеобщего бесплатного образования;
- высокий и растущий уровень науки и культуры и т. д.

Что же касается конкурентной политической системы и соответствующей ей свободы слова и политической организации, то их, безусловно, не было. Но ведь и в Западной Европе, и в США они имели место только в период 1920—1950 годов — причем в весьма существенной степени под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и победы над фашизмом. До Первой мировой войны ни в одном из государств Европы, ни в США такой системы не сложилось. Имелись существенные ограничения прав представительных органов (в монархических государствах), ограничения избирательного права для многочисленных групп взрослого населения, ограничения возможностей политической организации, свободы слова. В СССР 1920—1950-х годов конкурентная политическая система не могла сформироваться в принципе, так как конкурентность политической системы объективно противоречила исторически складывающемуся развитию СССР уже потому, что любая партия, победившая в тяжелой гражданской войне, вынуждена достаточно долго применять жесткие меры для сохранения власти, во избежание повторного сползания общества к внутренним потрясениям.

Сначала соответствующие ограничения направлены в основном против остатков прежних эксплуататорских классов. Но затем, по мере смены поколений и вступления в жизнь людей, не имеющих опыта жизни при капитализме отсталой страны и сравнивающих свой уровень жизни с наиболее развитыми странами мира, доказывать необходимость продолжения курса развития социализма с жесткой государственной собственностью в условиях все большей свободы распространения информации и противостояния идеологий становится все труднее. В результате, недемократические ограничения не снимаются, их приходится распространять на все новые

сферы информационного обмена в мире (поездки за рубеж, радио, телевидение, Интернет и т. д.). При этом в обществе постоянно возрастает доля лиц со средним и высшим образованием, для которых требования конкурентной демократии становятся все более существенными. Эти требования реализуются в развитых странах, но вызывают сопротивление руководства в социалистических странах.

Возникает парадоксальная ситуация. Социалистическое государство, которое изначально для трудящихся всего мира представляется примером успеха и важным внешним стимулятором социальных реформ в капиталистических странах, через некоторое время вынуждено информационно все более отгораживаться от развитых стран. В последних же уровень жизни трудящихся начинает постепенно повышаться в результате проводимых социальных реформ. Таким образом, даже совершив огромный скачок в индустриализации страны, победив в Великой Отечественной войне, обеспечив повышение уровня жизни, имея колоссальные достижения, СССР, а также коммунистические партии большинства социалистических стран оказываются не в состоянии ввести у себя конкурентную представительную демократию без риска немедленной потери власти.

Все дело в том, что, не вводя поэтапно важные элементы конкурентной представительной демократии, социалистические государства постепенно бюрократизируются, их социальная политика утрачивает прежний динамизм. Проявляется всегданнее противоречие революции во имя интересов низов: возглавляющие революцию слои после прихода к власти сами становятся верхами. Постепенно они обеспечивают себе определенные привилегии: сначала — вполне умеренные и оправданные необходимостью обеспечения бесперебойной работы госаппарата, а затем — перерастающие все разумные размеры*. Требуется или новая революция, или... конкурентная представительная демократия.

Социализм первой фазы оказывается перед решающим выбором: идти на кардинальные политические и экономические реформы или пытаться продолжить развитие на прежнем пути, лишь исправляя особо заметные бюрократические искривления. Реформы же экономической и политической сфер должны быть очень тщательно спланированы и скоординированы между собой, так как речь идет о власти и сохранении социализма. В СССР же ошибки проведения экономических реформ М. Горбачев пытал-

* Некоторые авторы крайне поверхностно характеризуют политическую систему СССР как «партийно-бюрократическую диктатуру» (см, например: **В. Паульман**. О государственном социализме в СССР (критический обзор). — www.lit.lib.ru/p/paulxman_w_f/text_0500.shtml). Еще дальше от истины стоит термин «тоталитаризм». Подобные характеристики игнорируют тот факт, что уже с 1950-х годов политическая система СССР представляла собой власть для народа, осуществляемую правовыми методами под руководством КПСС при посредстве монополии на власть и идеологической монополии последней.

ся «исправить» столь же слабо продуманными политическими реформами, развернув активность населения против государственного и партийного аппарата разных уровней (районного, областного, республиканского), якобы не принимавшего перестройку. Но при этом, предоставив широкое поле деятельности тем, кто выступал против социализма и КПСС, он не позаботился и в минимальной степени о защите их в идеологической борьбе, о консолидации просоциалистических сил. Ельцин же, возглавив радикаль-

¹² См. об этом подробнее: **Н. А. Рыжков**. Главный свидетель. М., 2009. **ных противников социализма в КПСС, развернул открытую и успешную борьбу за развал союзного государства, его экономической системы¹².**

В итоге недовольство населения экономическими трудностями и политической неопределенностью привело к потере коммунистами власти, а затем — и к потере социализма. Россия и большинство союзных республик оказались отброшенными на десятки лет назад в экономическом и социальном отношении, а их население — ввергнуто в нищету. Если бы сначала был сделан упор на успешных экономических реформах, как это произошло в Китае, Вьетнаме, то существовал бы шанс сохранить власть коммунистических партий. Но за этим неизбежно должны были последовать и политические реформы, тщательно выверенные, поэтапные и неспешные. Этого не удалось добиться в СССР. Однако это не означает ликвидацию мирового социализма раз и навсегда. Уходит первая, исторически неизбежная фаза. Но социализм неизбежно утверждается там, где общество господствует над экономикой и обеспечивает ее развитие в интересах всех.

Религиозная этика и глобальная экология

Религия, являясь одной из форм общественного сознания, в той или иной степени всегда затрагивала проблемы взаимоотношения человека с окружающим миром. Однако трудно переоценить ее роль в интеграции этической, составляющей мировоззрения и моральные основы экологического поведения людей. Например, христианство провозглашает, что с приходом Христа появляется возможность человеческого участия в формировании истинно правильного образа мыслей и действий¹.

¹ См. Э. Афанасьев и др. Христианская этика и православные христиане деловой жизни России. — «Вопросы экономики». 1993. № 8. С. 110.

В существующих религиозных традициях сформировались совершенно различные, порой противоречивые, идеалы взаимоотношений человека с природой. В связи с этим особое значение приобретают мировоззренческие функции религии. На протяжении столетий религия формировала отношение человека к миру, природе и к жизни в целом. Начавшийся в последние десятилетия процесс массового возвращения к духовным ценностям национальных культур (к христианству у одних, к исламу и буддизму у других народов) неразрывно связан с поиском и формулированием законов, морально-этических принципов человеческого поведения. Именно экологические проблемы, по замечанию самих теологов, оказались для религии ценнейшим аргументом в пользу проповеди. Теологи делают упор на утрату «веры в Бога». Тем самым они подчеркивают возрастающее значение религии в деле «наставления человека» на путь истинный, следуя которому можно решить все острые социальные проблемы².

² См. Г. Круглова. Христианские экологические концепции. — «Свободная мысль». 2008. №1. С. 105.

На наш взгляд, концепция устойчивого развития должна превратиться в систему духовных и профессиональных установок человечества, определять мировоззрение каждого человека. Изменения личности, ее качества в соответствии с новым «ноосферным гуманизмом» требует не только из-

АЛИЛОВА Калимат Мухтаровна — профессор Дагестанского государственного института народного хозяйства, доктор философских наук.
АЛИЛОВ Абдурахман Нуратдинович — доцент Дагестанского государственного института народного хозяйства, кандидат исторических наук.

менение мира, но трансформация самого человека. По мнению А. Печчеи, «коль скоро все вокруг охвачено явным духом перемен, то и сам человек должен стать другим», либо «должен измениться как отдельная личность и

³ А. Печчеи. Человеческие качества. М., 1980. С. 214. как частица человеческого сообщества, либо ему суждено исчезнуть с лица земли»³.

Следует выделить три круга философских проблем, которые анализируются в связи с критической экологической ситуацией. Первый из них можно назвать онтологическим; он связан с осознанием фундаментальности диалектического противоречия между человеком и природой и рассмотрением философских принципов, на основе которых это противоречие могло бы преодолеваться, не отражаясь губительно на судьбе человеческого рода и биосферы. Второй круг проблем можно назвать гносеологическим, поскольку он затрагивает вопросы познания взаимодействия человека и природы в плане субъект-объектного отношения. Из этой проблематики имеется непосредственный выход к философско-методологическому анализу науки и путей ее известной переориентации на решение экологической проблемы.

Наконец, третий круг проблем, вызванных современной экологической ситуацией, выступает как этико-эстетический. Он касается определенной нравственности и эстетической переоценки отношения к природной среде каждого человека и всего общества в плане формирования экологической этики, экологического сознания, эстетики природы. Одним из ведущих противоречий морального развития считается несоответствие морали и нравственности, то есть относящихся исключительно к сфере сознания моральных норм и императивов, и реальной моральной практики, то есть мира человеческих поступков. Само моральное сознание двойственно: в сознании любого индивида до поры до времени могут мирно уживаться, например, знание официальных моральных запретов и оправдание этих запретов. И не потому, что он не теоретик, а моральный эмпирик. Общественный вклад от невыполнения того или иного теоретического обоснования морального запрета экологического характера может быть просто не виден, не ощущаем с обыденной, эмпирической колокольни практического индивида.

Разумеется, это противоречие присуще не только морали, но и другим духовным образованиям: науке, культуре и т. д. Но лишь в морали оно составляет основу механизма ее самодвижения, саморазвития, а так как религия интегрирует этическую составляющую мировоззрения в моральные основы взаимоотношения людей с окружающим миром, то необходим осмысленный поиск человеческих причин катастрофических событий, которые необходимо осознать. Уже многие исследователи склоняются к тому, что угроза человечеству носит глобальный характер и порождена ошибками в выборе ценностных ориентиров. Никакими научно-техническими

решениями или созданием комитетов и ведомств решить проблему сохранения природы нельзя. Это проблема духовно-нравственная.

По мнению А. Горелова, чтобы избежать опасностей скатывания к узкопотребительскому подходу к природе, лучше говорить об одухотворении человеком природы. Одухотворение природы представляет собой духовную сторону процесса ее «очеловечения», под которым следует понимать преобразование природы человеком, действующим и по своей внутренней, и по своей внешней природе. Подобно тому, как человек одухотворяет свое тело, свою внутреннюю среду, он призван одухотворить и внешнюю природу, превращаемую им в свое «неорганическое тело»⁴.

⁴ См. А. А. Горелов. *Философия и решение экологической проблемы*. — «Взаимодействие общества и природы». М., 1986. С. 165.

Духовное разложение человечества началось не сегодня. Просто сейчас мы подошли к черте, у которой эта проблема приняла первостепенное значение. Катастрофой это явление стало тогда, когда оно приобрело массовый характер и начало определять способы решения политических, экономических и прочих задач на всех уровнях — от глобальных до семейно-бытовых⁵.

⁵ См. Р. С. Калинин. *Духовно-нравственная катастрофа и ее экологические последствия*. — «Экология и религия». М., 1994. С. 377.

Нетрудно обнаружить связку природа—человек, человек—общество, общество—природа. Именно эта связка приводит к выводу о необходимости рассмотрения как единой системы взаимодействия человека, природы, общества. Сегодня человеческая цивилизация находится в состоянии беспрецедентного кризиса. Он может положить конец существованию человека и человечества. П. А. Флоренский писал, что «уже давно, вероятно с XVI века, мы перестали охватывать целые культуры как свою собственную жизнь, уже давно личность, за исключением очень немногих, не может подняться к высотам культуры, не терпя при этом величайшего ущерба»⁶.

⁶ П. А. Флоренский. *У водораздела мыслей*. Т. 2. М., 1990. С. 345.

Н. А. Бердяев в своей работе «Новое Средневековье» отмечал, что «кризис современной культуры начался уже давно. Он сознавался ее великими творцами. Войны, революции, внешние катастрофы только обнаруживали вовне внутренний кризис культуры»⁷. До недавнего времени кризис проявлялся в бездуховности, безразличии промышленно развитых стран к нищете в странах третьего мира, гибели миллионов детей в этих странах и т. д. Издательница влиятельного журнала «Die Zeit» Марион Денхоф писала: «Любое человеческое общество обречено на гибель, если оно не способно выработать минимальный этический консенсус. Власть можно вынести только в том случае, если она ограничена нравственными максимами. Если все люди будут преследовать сугубо личные эгоистические цели, тогда общество распадется, раскрошится, растворится»⁸.

⁷ Н. А. Бердяев. *Новое Средневековье*. М., 1990. С. 225.

⁸ *Цит. по: Б. Филипов*. Церковь в современном демократическом обществе. — «История». 1999. № 28. С. 8.

Таким образом, для сегодняшнего мира, в котором человек все более страдает от безразличия и отчуждения, символы духовности имеют непреходящее значение. Один из парадоксов XX столетия, считает В. Яковлев, состоит в том, что оно, являясь самым просвещенным веком человеческой истории, в то же время недостаточно образовано, чтобы «снять» созданные самим же человеком проблемы самоуничтожения. От возвышенного декартовского «мыслю — значит, существую», через откровенное шопенгауэровское «хочу — следовательно, существую» и отчаянное экзистенциалистское «бунтую — значит, существую» — таков путь европейского самознания за последние три с небольшим столетия.

Сейчас трудно представить, чтобы кто-нибудь серьезно был убежден в

⁹ См. В. Яковлев. Ценность и цена универсального образования. — «Свободная мысль». 1995. № 7. С. 27.

истинности лейбнищевского «все к лучшему в этом лучшем из миров» или поверил в возможность изменения поведения людей на основе кантовского категорического императива⁹. В сложном, чреватом глубочайшими

потрясениями мире не угасает стремление людей найти в религии не только духовную опору, но и защиту. Несмотря на могущество, обретенное родом человеческим, и сейчас, не менее чем тысячелетие назад, понятна обращенная к Всевышнему просьба: «Не заставляй меня вынести все, что я способен вынести». Сейчас, когда кризис стал явным и глобальным, он

¹⁰ См. К. Х. Делокаров. Русская религиозная философия и кризис современной цивилизации. Экология и религия. М., 1994. С. 120.

охватывает такие сферы, как окружающая среда, пища, климат, вода, которые составляют естественные основания бытия всех, показывая, как опасны бездуховность и безразличие, ведущие к кризису Человека¹⁰. Приоритет

экономических ценностей привел к тому, что деньги стали главной категорией человека, его устремлением, его мечтой. «Дух прибыли, — отмечает французский ученый Ф. Сен-Марк, — несовместим с политикой защиты

¹¹ Ф. Сен-Марк. Социализация природы. М., 1977. С. 27.

природы. Он привел к деградации природы — расхищению растительного и животного мира»¹¹.

Немаловажным представляется тот факт, что в структуру человеческой психики заложена категория надежды, без которой людям чрезвычайно тяжело, почти невозможно пройти свой жизненный путь. Религия дает эту надежду. В таком ключе, в частности, написаны труды видного представителя современной теологической мысли Ю. Мольтманна. Он рассматривает принцип надежды как онтологическую категорию, видя в нем один из важнейших факторов бытия и выдвигая свою теорию в качестве «эсхатологии надежды». В целом присущая религии «готовность к будущему» как замыслу Господа дает возможность быстро откликаться на обостренный интерес современного человечества к перспективам своего развития, столь неопределенным и разноплановым, и выступать активным участником исторического процесса, отличающегося беспрецедентным «ускорением ускорения».

Роль религии в развитии человеческого общества неоднозначна. На определенных этапах ее пути сдерживали прогресс. Однако сила всех религий — в призывах к духовному совершенству, в признании гармоничности созданной Творцом природы. Современное общество, пользуясь благами научно-технического прогресса, насилует природу и все глубже погружается в бездну бездуховности. Поэтому, несмотря на высокие достижения науки, современное общество вновь ищет в религии ответ на вечный вопрос: «Как жить дальше?»

Общественное мнение весьма заинтересованно реагирует на то, как далеки от совершенства многие аспекты взаимоотношений начал светских и религиозных. Знаменательно, что большинство опрошенных, характеризуя значение религии во взаимоотношениях между людьми, выделяет в первую очередь ее способность содействовать усилению именно нравственных начал (74,3 процента). Интересно, что это мнение разделяет и значительная часть атеистов (41 процент)¹².

¹² С.М. Мчедлов. Терпимость — свойство культуры, путь к гражданскому согласию. — «Свободная мысль». 1994. № 5. С. 68.

Значение религии в процессе ориентации массового сознания на определенные ценностные принципы исключительно велико. В современную эпоху она должна играть важную роль в формировании и внедрении экологической этики, ибо религия, провозглашающая единство человека и природного мира как порождения Творца, экологична по самой своей сути. По мнению специалистов, этика, базирующаяся на религиозно-культурных традициях, должна трансформироваться в экологическую. Она, как полагает Э. Ласло, «должна основываться не столько на индивидуальном добре и индивидуальных ценностях, сколько на требованиях адаптации человека к окружающей среде... Такая этика может быть создана на основе идеала почтения к естественным природным системам»¹³.

¹³ E. Lazlo. Introduction to System Philosophy. N. Y., 1973. P. 356.

В важности религии как фактора, обеспечивающего устойчивое развитие и решение экологических проблем, убеждают и слова известного французского историка и политического деятеля Алексиса де Токвиля (1805—1859), хотя и сказанные по другому поводу. На заре европейской демократии А. де Токвиль (ее глубокий критик и одновременно ученый, понимающий, что за демократией — историческая перспектива) пророчески написал: «Демократия, не знающая ни понятия аристократической чести, ни чувства наследственной стабильности у верхних семейств, легко может выродиться в погоню разобщенных индивидов за личной выгодой и, в конце концов, в деспотизм ловкой верхушки, под прикрытием “общей воли”, “воли народа”. Если республиканская демократия Северо-Американских Штатов до сих пор не превратилась в “демократический деспотизм”, этим Америка обязана религиозности своего населения»¹⁴.

¹⁴ Цит. по: Б. Филипов. Церковь в современном демократическом обществе. С. 8.

Конец XX века характеризуется зарождением экологической культуры, пафос которой заключается в том, что природа является исходным основанием существования и развития культуры. Глубочайшие корни современного экологического кризиса связаны с важнейшими, существенными свойствами культуры, ее исторического развития, с типологией культуры и особенностями религиозно-культурных традиций. Изучение возможностей и путей выхода из кризиса в этом аспекте предполагает изучение законов и закономерностей культурной эволюции со стороны всей системы философских дисциплин.

Некоторые религиозно-культурные традиции достаточно явно создавали на протяжении веков психологический настрой на экспансию в природу, ее покорение, подавление. Сейчас подобная установка медленно, но неуклонно сменяется природоохранной настроенностью людей и общественных систем.

С другой стороны, религиозно-культурная традиция несет в себе чувство родины и является мощным фактором сохранения природной среды исповедующего ее народа. Учитывая эти моменты в содержании религиозно-культурных традиций, следует всячески поддерживать и укреплять их. В связи с анализом причин возникновения и возможностей преодоления

¹⁵ См. В. Н. Афолина. Глобальная экология и проблемы культурной традиции. Взаимодействие общества и природы. М., 1986. С. 315.

современной глобальной экологической ситуации внимание ученых направлено и на адаптивно-охранительные стороны традиций, и на активное управление развитием культуры через отбор традиций¹⁵.

Необходимость выхода человечества из экологического кризиса выдвигает новую (по определению ЮНЕСКО) трактовку культуры как способа выживания человечества: «хочешь жить культурно — выживай в согласии с природой». Восстановить и сохранить духовное здоровье можно только через сохранение еще не утраченных религиозно-культурных традиций, восстановление тех, которые можно восстановить, и включение их во все сферы

¹⁶ См. В. В. Радионов. Культура и духовно-нравственное здоровье человека. Экология и религия. М., 1994. С. 374.

нашей жизни, в том числе и в решение проблем оздоровления экологической системы. Ибо только духовно здоровый человек способен сделать здоровой среду своего обитания и не разрушить ее, а значит — и самого себя¹⁶.

Служители культа имеют огромный опыт воспитания у верующих кодекса поведения в природе. Они и сейчас могут многое сделать для возрождения и распространения традиций и обычаев народной охраны природы. Отношение к природе — это категория нравственная. «...Нельзя строить и созидать на пустом месте, — говорил патриарх Московский и всея Руси Алексей II, — надо строить на основе исторического опыта нашего Отечества, нашего народа. Я думаю, общей нашей задачей является сохранение единства, возрождение нравственных основ, потому что

хищническое отношение к природе, к окружающей среде — это безнравственно»¹⁷.

У либерализма как идеологической основы индустриального общества, в центре которого стоит свободно удовлетворяющий себя эгоист, нет пласта идей, позволяющего развернуть их против потребительско-технологической экспансии. В мировых религиях они есть. В религиозных источниках — Библии, Коране и др. — сосредоточено много схожих идей, ориентирующих людей бережно относиться к природе. Они-то и могут быть положены в основу совместных действий различных организаций по формированию высококонкретного отношения к окружающей среде.

Движущей силой народа является уровень самосознания. Необходимо различать такие формы самосознания, как личностные, семейные, национальные, религиозные, планетарные и др. Абсолютизирование или игнорирование какого-либо одного вида ведет к печальным последствиям. Конфликты между национальными, расовыми и религиозными группировками, противоречия между глобальными задачами экологии и социальным прогрессом — все это проявление духовной аномальности¹⁸.

Духовная жизнь человека — это мера культуры. Культура, взрастившая технократическую цивилизацию, оказалась неадекватной природе. Отчуждение человека от природы, науки от культуры, культуры от природы привело к духовному оскуднению человека, формированию системы ценностей общества потребления, основанной на эгоизме и практицизме. Но индустриальная эпоха подошла к концу, породив глобальные кризисы. Выход из тупика современной цивилизации непосредственно зависит от качества сознания и установок, склонностей новых поколений, а они в основном определяются системой образования. Вместе с тем современные системы образования все еще ориентируются не на будущее, а на прошлое, подлежащее преодолению.

В настоящее время существует потребность по-новому определить образ мира и место человека в нем, с тем чтобы увязать мышление и видение человека, знание и этику. Философия образования должна позволить соотнести образование с другими формами жизни, культурой, трансцендентным и имманентным¹⁹. Через такую философию нужно попытаться вдохнуть в образование новую жизнь, внести в него экологические ценности, новые экологические принципы.

Одним из основных аспектов образовательной деятельности, связанной с активизацией в учащейся молодежи духовных начал, должна стать, на наш взгляд, направленность на уяснение ею того, что сознание человека

¹⁷ Алексей П (Редигер). Не противостоят, а объединять усилия. — «Русский вестник». 1992. № 49. С. 5.

¹⁸ См. Р. Л. Исхаков. Проблемы духовной аномальности и пути выхода из экологического кризиса. Экология и религия. М., 1994. С. 312.

¹⁹ См. Л. Н. Блинова, И. Л. Одногулова. Новое тысячелетие: духовные начала цивилизации и образования. Христианство и культура. К 2000-летию христианства. Астрахань, 2000. С. 166.

является частью большого целого, что интерес к себе постепенно должен превратиться в групповой интерес. Именно в этом состоит главная задача всякого истинного образовательного начинания, которое непосредственно связано с развитием любви и мудрости. Мудрость есть любовь в проявленной активности. Любовь к себе (самосознание) и любовь к окружающим (групповое сознание) переходят в любовь к Природе.

Мировое сообщество все более приходит к убеждению: капитал и ре-

²⁰ См. С. Н. Глазачев. Ценности экологической культуры — устойчивому развитию. — «Зеленый мир». 1998. № 9. С. 2.

сурсы — преходящие ценности. Абсолютной универсальной ценностью является жизнь динамически устойчивая. Разрушение национальных экосистем преступно и требует покаяния²⁰.

В современной системе ценностных координат в центр выдвигается че-

²¹ См. Б. Н. Бессонов. Цивилизация и экология. Экология и религия. М., 1994. С. 17.

ловек как самоцель прогресса. Человек свободный, творчески относящийся к жизни, труду, культуре. Человек разумный, ответственный²¹. Духовная эволюция человека

должна приспосабливаться к эволюции природы. Человечество должно, объединившись, несмотря на различия, прилагать усилия для спасения и развития природы, материальной и духовной жизни.

Техническая цивилизация, разъединяющая сегодня наш общий дом, возникла в рамках человеческой культуры. В культуре вырабатываются те ценности, которые ориентируют человечество на неограниченное развитие технических средств эксплуатации природных запасов. В культуре было заложено представление о неограниченности этих запасов и праве

²² См. Ю. Шрейдер. Утопия или устройство. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 12.

человека бесконтрольно ими распоряжаться. Культура формирует людей, способных проводить бездумные эксперименты в Чернобыле, уничтожать запасы пресной воды и т. д.²²

В процессе исторического развития человечества радикально изменились стиль жизни и образ мышления. Эти изменения улучшили качество жизни для одних и ухудшили его для других. Мировое сообщество нуждается в таком порядке, который позволил бы осуществить равный доступ к благам окружающей среды без превышения ее потенциальной емкости. Мы должны прийти к пониманию: текущий глобальный кризис окружающей среды есть результат системы ценностей, основанной на человеческой жадности и ошибочном представлении, что наука и техника могут решать все наши проблемы. И если мы не пересмотрим наши ценности и убеждения, эти условия приведут к дальнейшей деградации окружающей среды и разрушению природных систем, которые поддерживают жизнь.

Чтобы избежать глобальной экологической катастрофы, необходимо углубленное понимание жизни и формулирование новой системы экологической этики. Люди и природа взаимосвязаны и составляют часть единого

целого, то есть это Целостная Система Жизни. Все человеческие решения должны быть выполнены исходя из того, что существование всего живого, включая человека, может быть сохранено только тогда, когда сохраняется целостность и благосостояние всей системы жизни.

За тысячи лет многие туземные группы во всем мире придерживались этики жизни в гармонии с естественной средой. Необходимо переоценить значение их опыта, культурных и религиозных традиций и использовать накопленный опыт и знания для своих собственных целей. Диапазон и широта экологических проблем таковы, что они должны быть осознаны как имеющие и религиозные, и научные приоритеты. Усилия по охране окружающей среды должны быть святыми для верующих. Религиозные и духовные отцы обязаны взять на себя ответственность и в полной мере осознать эту задачу.

Антирелигиозные гонения остались позади. Однако еще не пришло осознание того, что без усиления роли религии как социального института нравственное возрождение будет медленным. Да и будет ли? Спокойствие станет возможным лишь тогда, когда оно войдет в души людей. Верить или не верить в Бога — человек свободен решить сам. Но признать вечность, неустрашимость нравственных норм он обязан²³.

²³ См. А. Овсянников. Россия на перепутье. — «Зеленый мир». 1997. № 19. С. 8.

Мировоззрение каждого отдельного человека индивидуально. На формирование мировоззрения влияют уровень образования, господствующая идеология, традиционная система ценностей и т. д. Интересен факт: мнение о том, что в формировании экологического сознания наука и религия должны иметь равные возможности, разделяет значительная часть опрошенных — 47 процентов. Согласно материалам социологического исследования Института прикладной экологии ДГУ, 16 процентов респондентов считают целесообразным включение экологических норм и идей мировых религий в качестве основополагающих в формирование экологического сознания. Таким образом, выявленные в ходе социологического исследования взгляды и социально-нравственные ориентации подтверждают необходимость перестройки сознания людей на пути к экологическому обществу, в том числе и за счет возможностей, которые несут в себе религиозные ценности.

Эти ценности тесно связаны с породившими их религиозными источниками. Они соотносимы с нравственным законом, который присущ только человеческой природе и не распространяется на животных, растения или на неорганические тела, — такой закон человек может нарушить по собственному выбору.

Какие дефекты в наших культурах и в нас самих мешают устройству планеты как общего дома? Прежде всего, речь идет о европейской культуре, в рамках которой, по мнению Ю. А. Шрейдера, зародилось хри-

стианство, в дальнейшем формировавшее эту культуру. Наша планета

²⁴ См. Ю. Шрейдер. Утопия или устройство. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. С. 12.

больна, и симптоматическое лечение здесь бесцельно. Нужно искать глубинные причины болезни, которые лежат в самой культуре, в сфере человеческих ценностей²⁴.

Религия фактом своего непрерывного исторического существования опровергает доводы о ложности и искусственности религиозных учений, религиозного опыта. Именно под воздействием религии в VI тысячелетии до н. э. сформировался «человек творческий», так как этот тип начинает выделять в природе свое жизненное пространство, отраженное в мифах, строить жилища и святилища, создавать поселки и города и т. д. Творчество — это результат разумной энергии, сконцентрированной в религиозных учениях. Религии, чья истинность подтверждена длительностью их исторического существования, нацелены на создание наиболее благоприятных условий для развития разумной жизни, и более того, многие культуры развивались и развиваются по заложенным в религиях программам, начина-

²⁵ См. В. И. Корнев. Экология и религия. — «Экология и религия». М., 1994. С. 30–31.

ющимся с законов формирования и развития действующих мыслей такого социального животного, как человек²⁵.

Цель религии — добиваться благоговейного отношения к жизни, создавать духовное и социальное пространство целостного человека. Например, восточные религии учат жить естественно, ибо человек — это часть окружающей среды. Категория, которую выработало человечество, — «Бог есть душа природы». Предназначение религии — славить творческое подобие Бога в человеке, чтобы не происходило замыкания на временном, прехо-

²⁶ См. М. Н. Ростовская. Наука, религия и экософия. — «Экология и религия». С. 35.

дящем, ибо, если случится это замыкание, произойдет кризис культуры, духовности и всей цивилизации, и все будет в дисгармонии, все развалится²⁶.

Многообразие и взаимодополнительность религий, культур и цивилизаций нашей планеты — основополагающие принципы нового порядка, всемирно-исторического развития. Порядка, поддерживаемого постоянной экспертной оценкой на «экологичность» глобальных и локальных модернизационных проектов, оценкой того, насколько полно в них реализо-

²⁷ См. Ю. Гранин. Власть и экологическое сознание. — «Свободная мысль». 1994. № 2–3. С. 48.

ваны синхронность и симметричность экономического, научно-технического, социального и культурного прогресса как в пределах отдельных стран и регионов, так и в общепланетарном масштабе²⁷.

Ухудшающееся состояние окружающей среды лишает смысла саму идею прогресса и делает апокалипсис реальной опасностью XXI века. На историю системы «природа—общество» полезно взглянуть с точки зрения упущенных человеческих возможностей избежать экологического кризиса.

Выдающийся американский эколог 1970-х годов Б. Коммонер в 1974 году писал: «Глобальная экосистема представляет собой единое целое, в рамках которого ничего не может быть потеряно или выиграно и которое не может являться объектом всеобщего улучшения; все, что было извлечено из нее человеческим трудом, должно быть возмещено. Платежа по этому векселю нельзя избежать; он может быть только отсрочен»²⁸.

²⁸ Б. Коммонер. Замыкающий круг: Природа, человек, технология. Л., 1974, С. 32.

На протяжении веков естествоиспытатели неоднократно выступали с предупреждениями о необходимости более разумного и экономного отношения к природе. Одним из крупнейших обобщений науки прошлого была концепция гармонии природы, отброшенная затем естествознанием XIX и XX столетий. Мировое сообщество все полнее осознает, что главной причиной глобального кризиса является взрастившая технократическую цивилизацию культура, оказавшаяся неадекватной природе. Человек живет по формуле «здесь и сейчас». Предстоит расширить взгляд человека на мир, сформировать целостное мировоззрение, принять новую систему ценностей, новую формулу бытия — «всегда и везде». Предстоит сберечь, возродить и развить ценности культуры, способные обеспечить экосоциальное взаимодействие с природой, — экологическую культуру мира²⁹.

²⁹ См. К. М. Алилова. Экологическая этика мировых религий. Саарбрюккен, 2011. С. 54.

Выдающийся представитель неотомизма А. Швейцер в своей философской концепции пришел к мысли о необходимости отказа от технократической культуры и переходу к более высоким формам развития. Обостренно переживая мировые катастрофы XX века, войны, он пришел к выводу, что технократизм и технократическая наука привели к засилью духовно и эмоционально обедненной мысли, к гибели идеалов культуры. В связи с этим А. Швейцер выдвинул принцип благоговения перед жизнью как основополагающей для новой общечеловеческой, общепланетарной культуры. Этот принцип экологии духа, сохранения и взаимоуважения в сфере культуры означал переход от технократической модели ее развития к новой, ориентированной на общечеловеческие ценности: «...человек, ставший мыслящим существом, чувствует, что он должен ко всякой воле к жизни относиться с тем же благоговением, что и к своей. Он узнает эту другую жизнь на опыте собственной жизни. Сохранять жизнь, способствовать жизни, выдвигать жизнь, которая способна развиваться до ее наивысшей ценности, — это он воспринимает как добро; разрушать жизнь, вредить жизни, подавлять жизнь, которая могла бы развиваться, — как зло...»³⁰ Взаимодействие общества и природы отображаются в культуре. Роль человечества во взаимоотношении с природой определяется воплощением в деятельности духовной культуры. Экологическая культура — социокультурный феномен, обладающий

³⁰ А. Швейцер. Упадок и возрождение культуры. М., 1993. С. 156.

³¹ См. С. Н. Глазачев, О. Н. Козлова. Экологическая культура. М., 1998. С. 205.

своей структурой, языками (наука, искусство, религия), специфическим пространством — временем³¹. Экологическая культура призвана обеспечить устойчивое развитие системы «общество—природа», реализуя духовно-нравственный потенциал человечества.

Рост экологического алармизма среди широкой общественности в сочетании с ценностными установками религиозно-этических норм и достижениями целого ряда направлений естественных и общественных наук привел к формированию концепции «экологической идеологии». По мнению А. Горелова, «ее новизна и специфика в том, что она преодолевает не только классовые, национальные и религиозные разногласия, но и свойственный всем существующим идеологиям антропоцентризм, ориентируясь не только на общечеловеческие, но и, так сказать, общежизненные ценности, единые для человека и природы. Экологическая идеология — это идеология жизни, солидарности человека и природы.., она несомненно

³² А. А. Горелов. Экологическая идеология и будущее России. — «Свободная мысль». 1995. №1. С. 48.

ближе к нравственной, чем потребительской разновидности, поскольку солидаризовавшемуся с природой человеку приходится отказаться от доминанты частных потребностей»³².

Мировое сообщество признало в документах РИО-92, что система ценностей западной цивилизации, потребительская психология ведут в экологический тупик. Роскошь и богатство высокоразвитых стран созданы в результате переэксплуатации природы, разрушения связей в экосистемах. Экологическая этика утверждает: жизнь — абсолютная ценность, ее сохранение должно стать мерилем развития современной цивилизации. Угроза жизни, понимание сохранения хрупкой устойчивости биосферы как абсолютной общечеловеческой ценности обладает огромным потенциалом.

Для обеспечения международного сотрудничества и выживания человечества настоятельной необходимостью становится минимум признава-

³³ См. К. С. Лосев. Теория биотической регуляции окружающей среды как научная основа декларации земли. — «Зеленый мир». 1998. № 2. С. 21.

емых всеми этических норм в отношении с природой. Эти нормы нужны не только для отдельных индивидумов. Они необходимы для политических деятелей, народов, религиозных общин и церквей, правительств, концернов, средств массовой информации³³.

Вопреки наполнявшим нашу литературу утверждениям о том, что «под влиянием научно-технического прогресса происходит кризис религиозного сознания» и «отмирание религии неизбежно, предопределено всем ходом общественного развития», для большей части населения современного мира она остается господствующим мировоззрением, причем наиболее религиозными странами считаются Индия, Польша и США. Наблюдаемый в России в последнее время резкий подъем религиозного сознания обу-

словлен не только крахом социалистической системы и коммунистической идеологии, реакцией на принудительный атеизм и бездуховность, но и сложной экологической обстановкой в стране.

Другая причина, по которой мы сегодня нуждаемся в просвещении религией, — то, что атеист духовно безоружен перед надвигающимся экологическим кризисом. Ему одинаково неведомо: как принимать страдание и как счастье, неведомо, чем заслужил он то, что имеет, и как ему вести себя в предлагаемых обстоятельствах. Если атеист мыслит себе мир вне высокого, цельного замысла, заставляя части единого организма действовать порознь, то в основе постигающего метода верующего лежит глубокое одухотворенное чувство, возводящее любую частную истину к изначальному проекту, где все такие истины снова должны сливаться, вновь образуя единство. На этом чувстве абсолюта, на уверенности, что мир — его эманация должна формироваться, на наш взгляд, экологическая этика.

Религия всегда играла важную роль в человеческой истории, возможно, за исключением периода, последовавшего за эпохой Просвещения. Вера в разум временно затмила религию. Аналогичным образом в ходе XX века религию затмевали гражданские идеологии — социализм, коммунизм, фашизм, национализм... В настоящее время в связи с тем, что ошибочный элемент мышления эпохи Просвещения стал более очевидным, религия вновь приобретает все возрастающую важность³⁴.

³⁴ См. Дж. Сорос. Реальность: истина, политика или религия? — «Экология и жизнь». 2010. № 1. С. 12.

Таким образом, необходимость создания благоприятных условий для жизни на Земле остро ставит вопрос о разработке цивилизованного и экономически корректного поведения людей, определяющего их права и обязанности в отношении природы. А основу экологического мировоззрения, важную роль в формировании которого могут сыграть ценностные установки различных религиозных конфессий, должно составить понимание безусловного права каждого человека на жизнь в наиболее благоприятной для него окружающей среде. Это право непосредственно вытекает из статьи 3 Всеобщей декларации прав человека, провозгласившей право на жизнь.

Следовательно, перспектива постепенного улучшения глобальной экологической ситуации во многом связана с возрождением духовных ценностей и религиозно-этических норм как важнейших компонентов экологического сознания. Поэтому именно духовно-нравственные ценности являются той «живой субстанцией, внутри которой человек раскрывает и развивает себя посредством природы, а природа раскрывает и развивает себя посредством человека»³⁵.

³⁵ Г.А. Давыдова. Единство человека и природы как философская проблема. Взаимодействие природы и общества. М., 1986. С. 23.

Таким образом, в ходе развития фундаментальных основ цивилизации происходит дальнейшая дифференциация общественного сознания. На современном этапе имеются все основания для выделения экологической формы общественного сознания, связанной с отношениями между людьми на основе их отношения к природе. Глобальная ситуация требует становления единой общечеловеческой гармонии, которая немыслима вне учета особенностей религиозно-культурных традиций разных народов и регионов. Религия и мораль должны стать не культурологическими символами, а регулятивом реальной жизнедеятельности, придавая общественному развитию экологический императив. Сознание человека, его подготовленность к пониманию сложившейся глобальной ситуации в сопоставлении с тем, что необходимо сделать для поддержания экологической стабильности, имеет важное значение с точки зрения как экологии, так и объективной диалектики вообще.

Изучение многосложной и интереснейшей области взаимодействия экологии и религии только начинается. Последующие исследования внесут, вероятно, уточнения и дополнения в решение этой проблемы.

«Немецкое золото» в русской революции

К истории изучения

Плеханов, убедившись в неопровержимости фактов, сообщенных Алексинским, выступил 9 июля в газете «Наше единство» с заявлением. Он считал, что «беспорядки на улицах столицы русского государства, очевидно, были составной частью плана, выработанного *внешним врагом* (курсив мой. — Ю.Е.) России в целях ее разгрома. Энергичное подавление этих беспорядков должно поэтому, со своей стороны, явиться составной частью русской национальной самозащиты»¹.

Несмотря на очевидность фактов и доводов, Алексинскому из-за противодействия прежде всего Петроградского Совета, а также беспомощной позиции самого Временного правительства не удалось опубликовать полностью документы, полученные им от Переверзева. Для доказательства точности сообщенных сведений ему пришлось провести дополнительную работу. Историк С. Ляндрес, работающий в США, приводит следующие данные своих архивных исследований²: 11 июля 1917 года появляется обличительная статья Г. Алексинского в первом номере специально созданного им еженедельника «Без лишних слов». Публикация содержала протокол допроса Ермоленко, который был проведен в Ставке 16 мая 1917 года, а также тексты 51 телеграммы. 37 из них были опубликованы в тот же день в вечернем выпуске газеты «Русская воля». Остальные 15 телеграмм (из 66 отобранных для обвинения большевиков) Алексинский опубликовал 19 июля во втором выпуске «Без лишних слов». Ляндрес отмечает, что ему удалось обнаружить это издание лишь в коллекции рукописей Г. Алексинского (Бахметьевский архив Колумбийского университета, США).

¹ Н. Валентинов. Наследники Ленина. М., 1991. С. 190.

² С. S. Lyandres. The Bolshevik's «German Gold» Revisited. An Inquiry into the 1917 Accusations. Pittsburgh, PA. 1995 (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies, № 1106). P. 34. (Перевод названия: «К пересмотру проблемы «немецкого золота» большевиков»).

ЕМЕЛЬЯНОВ Юрий Николаевич — ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

Окончание. Начало см. «Свободная мысль». 2011. № 10.

Согласно мнению представителей контрразведки, участвовавших в предварительном расследовании, телеграммы представляли собой шифрованную переписку и служили прямым доказательством «контактов между

³ См.: S. Lyandres. The Bolshevik's «German Gold» Revisited; С. Ляндрес. Немецкое финансовое участие в русской революции. — «Россия в 1914 году: Новые подходы и взгляды. Сб. научных статей». Вып. I. СПб., «Третья Россия», 1993. С. 60–64; он же. Новые документы о финансовых субсидиях большевиков в 1917 году. — «Отечественная история». 1993. № 2. С. 128–143.
⁴ См. «Germany and Revolution in Russia 1915–1918. Documents from archives of the Foreign Ministry». Edited by Z. A. V. Zeman.

большевиками» и немецкими агентами. Подобная интерпретация, принятая Временным правительством в качестве официального заявления, послужила началом юридического преследования партии большевиков и ее лидеров.

О роли этих телеграмм в раскрытии возможного получения большевиками немецких денег появились в последнее время и иные, неожиданные толкования. Так, Семен Ляндрес не отвергает самого факта немецкого финансирования русской революции³, который подтверждается данными из архивов министерства иностранных дел Германии⁴. Однако в то же время он считает, что сам текст телеграмм ни в коей мере не подтверждает причастности большевиков к получению этих денег. Этот довод основан им на анализе характера этих телеграмм, которые, по его наблюдению, представляют собой какую-то «странную смесь сведений политического характера и денежных операций», хотя при этом во всех телеграммах упоминаются руководители партии большевиков. По замечанию Ляндреса, «неразгаданность» характера самих телеграмм и сыграла решающую роль в решении Министерства юстиции «поспешно» обвинить большевистских лидеров в получении немецких денег через бизнес Парвуса, а телеграммы считать «прикрытием» этих операций.

Ляндрес при этом допускает вполне вероятную возможность снабжения Парвусом большевиков финансами через другие каналы, в частности через агентов разведки самого Парвуса. Известно, что в 1915 году Парвус получил от немецкой стороны первый миллион рублей для подготовки революции. С этой целью им была основана в Копенгагене специальная организация, работавшая одновременно на его Институт изучения социальных последствий войны и импортно-экспортный бизнес.

В результате, как полагает Ляндрес, для контрразведки главным было не содержание телеграмм, а просто упоминание лиц, подозреваемых ею в связях с немцами. Это и определило принцип отбора «по фамилиям» всех 66 телеграмм, использованных в публикациях Г. Алексинского для обвинения большевиков в июле 1917 года. Подобного подхода не отрицает и сам Никитин, говоря, что часть телеграмм была иносказательного характера и, конечно же, их содержание наводило на известные *размышления*. Прикрытие коммерческой перепиской — обычный прием. В связи с этим вся ценность телеграмм заключалась не в тексте, а в адресах. Для контрраз-

ведки важно было определить круг лиц, причастных к этим телеграммам, а отсюда — основной задачей контрразведки и было стремление доказать существование связей между большевистскими лидерами и их агентами в Стокгольме, которые подозревались в контактах с немцами. Но так как контрразведка еще не владела в достаточной степени всей информацией о политических эмигрантах, эти сведения были зачастую отрывочными и даже искаженными, что и сказалось на отборе телеграмм.

Из всех этих лиц наиболее точная информация имела у контрразведки относительно Фюрстенберга—Ганецкого. Во-первых, контрразведке было известно, что он работал в торговой фирме Парвуса и был замешан в контрабандном ввозе германских товаров в Скандинавию и Россию. Во-вторых, из телеграмм, полученных от французской разведки, стало известно, что он был, кроме того, представителем Ленина в Стокгольме и что Фюрстенберг и польский социал-демократ Ганецкий — одно и то же лицо. В Стокгольме Ганецкий был членом большевистского Заграничного бюро наряду с К. Радеком и деловым партнером Вацлава Воровского. По мнению Ляндреса, все 66 телеграмм так или иначе касаются лишь личности Фюрстенберга—Ганецкого; в большей части из них (47) он является получателем или отправителем. Более того, адресаты и получатели остальных телеграмм были либо теми, с кем Ганецкий переписывался, либо адресатами его адресатов. Некоторые из телеграмм представляли собой переписку между партнерами по бизнесу, другие — сообщения частного порядка. В итоге, по мнению С. Ляндреса, обвинение, предъявленное правительством большевикам, не имело под собой достаточных оснований — вывод более чем неожиданный⁵.

⁵ См. S. Iyandres. The Bolshevik's «German Gold» Revisited. An Inquiry into the 1917 Accusations. Pittsburgh, PA. 1995 (The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies, № 1106). P. 101—102.

Это заключение следует признать не вполне обоснованным, ибо исследователь проигнорировал ряд очевидных фактов, говорящих об обратном. Почему именно весна—лето 1917 года отмечены началом и небывалой активностью обмена телеграммами? Неужели было недостаточно случая с задержанием Лурье с письмом Ленина и связанной с этим фактом А. М. Коллонтай? А факт признания Суменсон на допросе о деньгах, которые прошли через ее руки, и о том, что она не имела никакого отношения к «коммерческой деятельности»? И т. д. и т. п.

Совершенно необоснованно Ляндрес не склонен особенно доверять свидетельствам самого Никитина, считая, что главную роль в этом расследовании играл вовсе не он, а Центральное контрразведывательное отделение Главного управления Генерального штаба, с которым у Никитина были якобы «натянутые отношения», а потому он мог «многого и не знать». Однако эти утверждения не подкрепляются соответствующими ссылками.

По мнению Ляндреса, единственная серьезная попытка интерпретировать и систематизировать 29 телеграмм, опубликованных Никитиным, была предпринята лишь С. П. Мельгуновым в его книге «Золотой немецкий ключ к большевистской революции» (1940 год). Но и тот не пришел к окончательному выводу, подтверждающим ли телеграммы факт передачи немецких денег большевикам. Мельгунов лишь присоединился к мнению о том, что они представляют собой зашифрованную переписку, которая могла служить прикрытием подозрительной деятельности.

СО ВСЕЙ УБЕЖДЕННОСТЬЮ ОБОСНОВЫВАЕТСЯ и другая точка зрения. Так, С. С. Попова, искавшая «немецкий след» во французских и русских архивах, приходит к однозначному выводу, что «не было к моменту ареста большевиков в июле 1917 года серьезных улик, подтверждающих получение большевиками немецкого золота, а если и были косвенные свидетель-

⁶ С. С. Попова. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и русским архивным источникам). М., 2010. С. 37.

ства прохождения через Новый банк немецких денег в пользу пропаганды заключения Россией сепаратного мира с Германией, то шли они не только большевикам, но и на пополнение бюджета и подкупа других российских политических партий, организаций, должностных

лиц»⁶. Придя к этому заключению, автор при этом забыла упомянуть, что ни одна из политических партий, получавших иностранные кредиты, не выдвигала лозунга «Поражение в войне своего национального правительства», кроме одной — большевистской. Прав Мельгунов, который призывал искать этот след именно в немецких архивах, о чем и свидетельствуют публикации Земана и Шарлау.

В связи с этим следует более внимательно отнестись к оценке книги Никитина современниками. Так, Альфред Нокс, автор предисловия к английскому изданию книги 1938 года и очевидец событий в Петрограде в 1917-м, отмечает, что книга «имеет весьма важное значение для истории», ибо представляет информацию из первых рук о событиях весны—лета 1917 года в Петрограде. Кроме того, она является и «общечеловеческим документом,

⁷ Цит. по: В. Nikitine. The Fatal Years. L., 1938. P. V—VI.

запечатлевшим все надежды и опасения ее автора-патриота», старавшегося остановить то разложение, которое началось в Петрограде⁷.

Павел Николаевич Милуков, сам участник событий того времени, считает, что работа, «проведенная совместно с разведывательными службами союзников, с помощью подлинных документов точно устанавливает тот факт, что большевики получали деньги из иностранных источников». «Свидетельство полковника Никитина рассеяло» его «последние сомнения на

этот счет... В своем повествовании автор тщательно ограничивается лишь утверждениями, подкрепленными свидетельствами третьих лиц, что значительно повышает ценность этой книги»⁸.

⁸ См. «Les Derniers Nouvelles». 1937. — *Cit. no: B. Nikitine. The Fatal Years.* P. XIII.

В. В. Руднев, один из редакторов «Современных записок», писал, что «руководимой Никитиным контрразведке пришлось сыграть крупную роль в раскрытии подозрительных сношений большевиков с центрами германского шпионажа за границей. Сообщаемые автором подробности этого дела оставляют впечатление полной достоверности и подкрепляют тезу о предательстве большевиков»⁹. Рецензент недоумевает, почему Никитин решил сохранить псевдоним «публицист К.», хотя у всех давно было на слуху имя «вполне известного германского разведчика, сотрудника газеты “Гражданин” Колышко. Его имя давно оглашено в печати, в частности в книге сослуживца Никитина по Петрограду, генерала Половцова “Дни затмения”».

⁹ «Современные записки» (Париж). 1937. № 65. С. 456.

Временному правительству не удалось довести следствие до конца. После Октябрьской революции все материалы следствия, проводимого по распоряжению министра юстиции П. Н. Переверзева, были изъяты победителями. Советская власть постаралась ликвидировать все возможные улики в адрес большевиков. Так, например, газета «Новая жизнь», издаваемая Максимом Горьким, была закрыта еще весной 1918 года за сообщение уже *post factum* о секретном заседании в Ставке 22 декабря 1917 года, происшедшем при участии видных большевистских деятелей и представителей немецкого командования.

В 1918-м был закрыт и орган народных социалистов (энесов) газета «Народное слово» лишь только за один намек на дополнительные пункты к Брест-Литовскому договору. Согласно этим дополнительным пунктам речь шла не только об освобождении немцами Мурманского побережья (то есть от англичан, которые находились там как союзники России начиная с 1914 года), но даже и о возможном вступлении немецких войск в Петроград. По личным наблюдениям того же С. П. Мельгунова, взаимоотношения новой власти с немцами устанавливались самые тесные. Следует заметить, что и сами большевики не отрицали участия немецких военнопленных в борьбе с белочехами, говоря, правда, о незначительном числе немецких военных формирований. Но дело в том, что эти формирования были не только на театре военных действий, но функционировали даже и в Москве. Подобная ситуация дала возможность П. Н. Милюкову говорить об «искусстве германского Генерального штаба, сумевшего организовать измену внутри неприятельской стороны

¹⁰ П. Н. Милоков. История второй русской революции. М., 2001. С. 54.

и заставить русских сражаться за Германию в Петрограде и Москве»¹⁰.

Кроме того, Никитин отмечал подозрительную вольность в поведении немецких военнопленных весной 1917 года, когда они активно использовали режим свободного передвижения, появлялись даже на митингах, а в провинции позволяли себе принимать участие в большевистских демонстрациях. Со ссылкой на своего «знакомого», который сумел войти в доверие «немецко-большевистской контрразведки», тот передал Мельгунову список из 583 фамилий, среди которых значились имена Струве, Кизеветтера, Федорова, Савинкова, Новгородцева и многих других, «подлежащих уничтожению при подходе оккупационных войск». Любо-

¹¹ «Голос минувшего на чужой стороне». Париж, 1926. Кн. I. (XIV). С. 166.

пытна резолюция относительно лишь одной личности: «Сведения будут даны после проверки, но, во всяком случае, Алексинского щадить не должно»¹¹.

Или другой пример. В 1924 году П. Е. Щеголев публикует большую статью анонимного автора «Петроградская контрразведка накануне революции. Из воспоминаний сотрудника»¹²,

¹² См. «Былое». 1924. № 26.

снабдив ее примечанием, что она написана по горячим следам одним из сотрудников контрразведки (бывшим ее «секретным» агентом) еще в апреле 1917 года, «по добровольному побуждению автора». Щеголев пообещал, что продолжение статьи будет напечатано в следующих номерах «Былого». Вполне понятно, что никаких «продолжений» не последовало, ибо сам журнал был закрыт в 1926-м. А ведь речь идет о журнале, который до этого пользовался широкой финансовой поддержкой советского правительства, и сам М. Н. Покровский, активно сотрудничавший в «Былом» до Октябрьской революции, оценивал его публикации достаточно высоко.

Советская власть прибегала в данном случае и к более радикальным мерам, когда просто-напросто «убирались» те люди, которые в той или иной мере были причастны к этой тайне. Так, упоминавшийся ранее прокурор Павел Александрович Александров (1866—1940), не эмигрировавший после Октябрьской революции, жил и работал в Москве. За свою роль в судебном разбирательстве в мае—июле 1917 года он дважды арестовывался органами ОГПУ—НКВД (в 1918 и 1925 годах), но был отпущен. В 1939-м следствие занялось его делом всерьез. 17 января он был взят под стражу и в 1940 году расстрелян

¹³ См. Н. Л. Анисимов. Обвиняется Ульянов-Ленин. — «Военно-исторический журнал». 1990. № 11. С. 3—9.

за необоснованное обвинение вождя пролетариата В. И. Ленина в сотрудничестве с германским Генеральным штабом¹³. Тот же конец настиг и С. А. Коренева,

которого не спасла даже эмиграция в Латвию. По вступлении советских следственных органов на территорию присоединенной республики в

1940-м, он был арестован и расстрелян в 1941 году, перед вступлением немецких войск в Ригу.

Такая же судьба была уготована и другому судебному деятелю — Павлу Николаевичу Малянтовичу (1869—1940), последнему министру юстиции Временного правительства. Активно сотрудничавший с советскими властями, он, тем не менее, в 1930-м был арестован и в 1931 году приговорен к 10-летнему заключению. Затем последовало освобождение, но в 1937-м состоялся новый арест, а в 1940 году — расстрел. В 1991-м Малянтович был реабилитирован.

Дошла очередь и до непосредственных агентов Ленина. 18 июля 1935 года Ганецкий (Фюрстенберг) был арестован как свидетель всех подробностей финансирования революции. После краткой, 15-минутной обвинительной речи, без всякого следствия, он был приговорен 26 марта 1937 года к расстрелу как «шпион и троцкист». Вместе с ним были арестованы жена, сын и дочь*.

Что касается Козловского, то он умер своей смертью от сердечного приступа на улице в Москве. А вот Карл Радек**, как самый осведомленный свидетель денежных транзакций, лучше всех информированный и о событиях революции в целом, 30 января 1937 года был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к заключению в ГУЛАГ, где и погиб в 1939-м.

В декабре 1924 года своей смертью умер Парвус. Два его сына стали советскими дипломатами. В 1939 году был арестован старший сын, Е. А. Гнедин, ближайший помощник наркома иностранных дел М. М. Литвинова, который 16 лет провел в лагерях и тюрьмах, впоследствии был реабилитирован. А другого его сына, Льва, по приказу Сталина пытались вызвать в Москву из Рима, где тот в 1939—1940 годах работал поверенным в делах в советском представительстве. Дальнейшие сведения о нем отсутствуют.

Но тайну хранили не только большевики. И правительство Веймарской республики, и Гитлер держали за семью замками документы, раскрывающие соответствующие перипетии внешней политики кайзеровской Германии. Знающие люди — такие, как, например, германский государственный контролер Рихард Кюльман (главный творец Брест-Литовского мирного

* Фюрстенберг-Ганецкая Гиза (Пизела Адольфовна) (1889—1937) — научная сотрудница ИМЭЛ при ЦК ВКП(б); сын — Станислав (Чеслав), слушатель 4-го курса Военно-воздушной академии РККА, член ВЛКСМ. Расстрелян вместе с родителями. Дочь — Янина (Ханка, Хана) сослана в лагерь и вернулась в Москву лишь после 1953 года.

** Радек Карл (Собельсон Карл Бернгардович) (1885—1939) — советский политический деятель, деятель международного социал-демократического и коммунистического движения; в 1919—1924 годах — член ЦК РКП(б); в 1920—1924 годах — член (в 1920-м секретарь) Исполкома Коминтерна. Сотрудник газет «Правда» и «Известия».

договора 3 марта 1918 года), генерал Эрих Людендорф и другие, предпочитали обходить этот деликатный вопрос.

СУЩЕСТВЕННЫЙ ВКЛАД В ИССЛЕДОВАНИЕ проблемы «немецкого золота» большевиков был внесен известным русским историком Сергеем Петровичем Мельгуновым (1879—1956), сумевшим свести воедино различные

¹⁴ См. Ю. Н. Емельянов. С. П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1989. С. 202—214.

¹⁵ См. С. П. Мельгунов. Золотой немецкий ключ к большевистской революции. Париж, 1940 (росс. изд. см.: С. П. Мельгунов. Как большевики захватили власть. М., 2005. С. 511—632).

данные (в том числе и из книги Б. В. Никитина), подвергнув их при этом тщательному сопоставительному анализу¹⁴. В результате он получил довольно мозаичную, но вполне убедительную картину. Да, немцы субсидировали русскую революцию, и, более того, без их поддержки она вряд ли могла и состояться. Недаром свою работу он назвал «Золотой немецкий ключ к большевистской революции»¹⁵.

Разбирая имеющийся в его распоряжении документальный материал, Мельгунов заявляет, что постарается подойти к нему «критически» и «по возможности объективно вскрыть то, что может быть заподозрено в сво-

¹⁶ С. П. Мельгунов. Золотой немецкий ключ к большевистской революции. С. 11.

ей политической недоброкачества», а также, что у него совершенно нет «претензии на раскрытие тайны до конца»¹⁶. В этом смысле Мельгунов в своем подходе

к раскрытию этой тайны намного предпочтительнее некоторых современных историков, заявлявших, что их выводы основательны и являются истиной в последней инстанции. Что же мог знать Мельгунов о «немецком золоте»? А знал он многое и о многом догадывался, что и подтвердилось позднейшими публикациями. В его распоряжении находился колоссальный документальный материал, который он начал собирать еще с весны 1917 года.

Косвенным свидетельством, подтверждающим факт финансирования Германией революции и большевиков, является судьба самого Мельгунова, который за обладание этой тайной расплатился дорогой ценой. Не последнюю роль во всей этой истории сыграло его знакомство и сотрудничество с историком М. Н. Покровским, сокурсником по Московскому университету.

Так, в сентябре 1917 года, после возвращения Покровского из парижской эмиграции в Москву, он был приглашен на квартиру Мельгунова на заседание редакции журнала «Голос минувшего». Известно, что Покровский в дореволюционные годы был одним из активных авторов журнала; в разные годы он поместил на его страницах десять статей и развернутых рецензий. Данное обстоятельство давало право редакции журнала считать

Покровского членом авторского коллектива, не числа при этом его «в рядах... близких друзей» ввиду принадлежности «к большевистской фракции».

Встрече предшествовали известные июльские события, сопровождавшиеся разоблачениями Г. И. Алексинского и В. С. Панкратова. В таких условиях вполне естественным был вопрос Мельгунова к Покровскому как члену большевистской партии о его отношении к ленинской политике и о немецких деньгах, о которых в те дни говорила вся страна. Покровский, не колеблясь, ответил утвердительно: «Деньги дали немецкие социал-демократы на общие революционные цели». Свое признание он сопроводил осуждением всей ленинской тактики и заявил, что «не выходит из партии только потому, что намерен бороться внутри с ее опасным направлением». Учитывая всю серьезность сообщенных сведений, участники заседания решили их запротоколировать. Мельгунов позже заявлял, что протокол должен находиться в его домашнем архиве, оставленном в Москве в 1922 году*. То же подтверждает и его жена Прасковья Евгеньевна Степанова-Мельгунова¹⁷.

¹⁷ См. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 781. Л. 15–15 об.

Все эти данные были приведены Мельгуновым в 1924 году в рецензии «Большевистский историк о революции»¹⁸ на книгу Покровского «Очерки истории революционного движения в России в XIX и XX вв.» (М., 1924). В рецензии дана четкая характеристика не только самого труда, но и его автора. В связи с последним Мельгунов замечает: «...вскоре мы увидели на практике всю искренность признания недостаточно еще ориентировавшегося в момент посещения нашей редакции историка-марксиста». Реакция Покровского, этого «большевистского сановника и историка», по определению Е. Д. Кусковой¹⁹, была вполне определенной. Он был явно уверен в том, что все компрометирующие его материалы уже ликвидированы. В результате в своем сборнике статей «Октябрьская революция» М. Н. Покровский уже спокойно пишет о «германском золоте» как о «провокации охранки с целью очернения большевиков»²⁰.

¹⁸ См. «На чужой стороне». Кн. VIII. Берлин; Прага, 1924. С. 307–311.

¹⁹ Е. Д. Кускова. Во имя чего? — «Последние новости» (Париж). 23.04.1932.

²⁰ См. М. Н. Покровский. Октябрьская революция. Сб. статей, 1917–1927. М., 1929. С. 124–125.

Мысли и наблюдения Мельгунова, связанные с проблемой получения большевиками денег от германского Генерального штаба при содействии германских социал-демократов, вскоре получили свое подтверждение, исходящее от самих большевиков. На данное обстоятельство внимание историка обратила опять же Е. Д. Кускова, выступившая с рецензией на

* Известно, что после выезда С. П. Мельгунова из Москвы его архив был передан в распоряжение Коммунистической академии, а затем расформирован на три фонда. Вполне естественно, что ни в одном из этих фондов данный протокол нами не обнаружен.

²¹ См. А. М. Коллонтай. Отрывки из дневника. 1914 г. М., 1925

опубликованный в СССР дневник А. М. Коллонтай²¹. Рецензент приводила свидетельства этой «излишне болтливой дамы», срывающие покров таинственности с истории перемещения российских социалистов из Германии в Россию. Этот план существовал и обдуманно реализовывался не только Э. Людендорфом, но и немецкими социал-демократами, в данном случае — Гере и Фуксом, которые стремились использовать российских социал-демократов, в частности большевиков, своих «классовых союзников», в кампании по развертыванию антивоенной пропаганды в России с целью подрыва страны изнутри.

Сама Коллонтай в то время задавалась вопросом: не находятся ли эти лица в связи с немецким Генеральным штабом и не действовали ли они по его указанию? Видимо, сомнения Коллонтай стали основанием для изъятия впоследствии ее дневника из библиотечного обращения. Для Коллонтай эти сомнения были минутным проявлением совести. Но то, что она не просто выехала из Германии в Россию с помощью немецких партийных товарищей, но и выполняла, мягко говоря, «определенные обязательства», подтверждают факты ее дальнейшей деятельности уже по возвращении в Россию. Мы ранее говорили о наблюдении Петроградской контрразведки за Коллонтай, о задержании идущего с ее дачи «некоего Лурье» с письмом к Парвусу, в котором содержалось требование «прислать побольше материала».

Кускова для доказательства своей догадки о причастности большевиков к получению немецких денег ссылается на высказывание Виктора Адлера,

²² См.: Е. Д. Кускова. Человеческий документ. — «Последние новости» (Париж). 11.02.1925; она же. Документы для истории. — Там же. 20.02.1925; она же. Клеветнические выпады. — Там же. 03.03.1925.

ра, лидера австрийских социал-демократов, хлопотавшего перед австрийскими властями об освобождении Ленина, арестованного сразу же после начала Первой мировой войны. Свою просьбу Адлер якобы дополнил заверением, что Ленин сможет «оказать большие услуги при настоящих условиях»²². В «прозорливости» Адлера,

бесспорно, немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что Гизела, жена Ганецкого, была урожденной Адлер, то есть родственницей Виктора Адлера.

В своей книге «Золотой немецкий ключ к большевистской революции» Мельгунов ставит окончательную точку в данной истории. Большевики деньги брали. А о том, что факт имел место, — говорит и судьба самой книги: она увидела свет в мае 1940-го, но уже в июне того же года, перед вступлением немцев в Париж, ее тираж был почти полностью уничтожен издателем фирмы «La Maison du livre étranger». Небольшая часть тиража, чудом спасенная автором, распродалась им уже после окончания

²³ См. «Свободный голос» (Париж). 1946. Июль. С. 31.

Второй мировой войны в освобожденном Париже²³.

Для Мельгунова неважно, какими юридическими терминами можно определить подрывную работу Ленина и его соратников во время Первой мировой войны и революций 1917 года и под какие статьи уголовного кодекса в правовом государстве можно подвести «получение на таких условиях денег от враждебной державы социальными экстремистами». Он также отсекает в данном случае и все вопросы революционной этики, так как «с моральными оценками нельзя подойти к полной беспринципности ленинской тактики»²⁴.

²⁴ С. П. Мельгунов. Золотой немецкий ключ к большевистской революции. С. 7.

Получали ли большевики деньги от германской социал-демократии или немецкого генштаба — для Мельгунова это уже и не столь важно. Немецкие социал-демократы, как правильно отмечает исследователь, думали во время войны отнюдь не об Интернационале, а о победе над врагом, и принятие денег даже на туманные «общие революционные цели» было, конечно же, достаточным основанием для привлечения к ответственности «за измену, караемую по законам военного времени». Это было предательство почти что «в планетарном масштабе». И в этих условиях вся жизнь, «зачатая» под знаком величайшего предательства, «растлевалась во всю ширь великой страны»²⁵.

²⁵ Н. Врлковский. На путях страдания. — «Дни» (Берлин). 21.12.1924.

Позже Мельгунов вновь вернется к этому сюжету. Говоря о причинах неудачи Февральской революции, одну из них он видит в той роли, которую сыграли «крайне безответственные фантасты, сумевшие при помощи немецкого золота опереться на демагогию, и аморальные в выборе методов для достижения своих целей: в этом отношении большевики действительно “бесы” Достоевского»²⁶.

²⁶ С. П. Мельгунов. Ответ на вопросы о русской революции. (Два письма племяннику от 1948 г.). — «На темы русские. Сб. статей и материалов в честь проф. Н. С. Тимашева». Нью-Йорк, 1965. С. 307.

ВЫВОДЫ И НАБЛЮДЕНИЯ Никитина и Мельгунова получили убедительное подтверждение после Второй мировой войны, когда на Западе появились публикации соответствующих материалов из германских архивов (некоторые из них спустя много лет, уже после «перестройки», были опубликованы и в России). В конце войны в руки американских оккупационных властей в Германии попали архивы германского министерства иностранных дел, находившиеся в пяти замках, расположенных в горах Гарца. Материалы этих архивов отражали внешнюю политику Германии с 1867 по 1920 годы. Среди них находились тысячи отчетов, писем и телеграмм, касающихся отношений между большевиками и правительством Вильгельма II. Некоторые из этих документов были опубликованы в 1956 году в лондонском журнале «International Affairs», затем в 1957-м в немецкой социал-

²⁷ См. В. Хальвег. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. Германские документы. М., 1990.

демократической газете «Forwärts» и гамбургской демократической газете «Die Welt». В том же году в Голландии вышел под редакцией и с предисловием Вернера Хальвега сборник²⁷, содержащий ряд документов, касающихся организации и устройства поездки Ленина в запломбированном вагоне в Россию через Германию. Эти документы с очевидностью свидетельствуют об участии имперской Германии в свершении «пролетарской революции в России».

Существенный вклад в разработку данной проблемы внес З. Земан, составитель и автор предисловия и комментариев к сборнику документов из обнаруженных германских архивов под заглавием «Германия и революция

²⁸ См. «Germany and Revolution in Russia, 1915–1918». L., 1958.

²⁹ См. W. Scharlau, Z. A. B. Zeman. *Freibeuter der Revolution. Parvus-Helphand: eine politische Biographie*. Köln, 1964.

³⁰ См. А. Моохед. *History of Russian Revolution*. L., 1958. Краткий обзор этих материалов см.: «Ленин и немецкие деньги». — «Часовой» (Брюссель). 1987. № 663. Январь. С. 12–17.

в России, 1915–1918. Документы из архива германского министерства иностранных дел» (на англ. яз.)²⁸. В сборник были включены документы о планах использования русских революционеров с главной целью германской политики: заключения сепаратного мира с Россией и прекращения войны на два фронта. З. Земан не оставляет этой темы, и через несколько лет в соавторстве с В. Шарлау он издает монографию, посвященную Парвусу²⁹. На ту же тему в Лондоне была издана книга английского исследователя А. Моохиды³⁰.

Авторы этих работ, основанных на многочисленных источниках и обширной литературе, пришли к однозначному выводу о причастности Израйля Гельфанда (Парвуса) к тщательно законспирированной связи немецкого правительства с российской социал-демократической партией, и в частности с ее большевистским крылом, возглавлявшимся Лениным. Таким образом, предположение о том, что правительство Германской империи принимало непосредственное участие в поддержке и распространении революционного движения в России во время Первой мировой войны, получило теперь документальное подтверждение — так же, как и догадка Мельгунова, что «в кармане Парвуса, связанного и с социалистическим миром, и

³¹ С. П. Мельгунов. Критика чешского ученого. — «Голос минувшего на чужой стороне». Кн. 4 (XVII). Париж, 1926. С. 311.

с представителями немецкого Генерального штаба, надо искать тот “золотой немецкий ключ”, которым открывается тайна необычайно быстрого успеха ленинской пропаганды»³¹.

Столь же категорична в своих суждениях и австрийская исследовательница Элизабет Хереш, которая приводит в своей книге новые доказательства причастности большевиков к получению «немецких денег». Близкой точки зрения придерживаются немецкие исследователи Герхард Шиссер и Йохан Трауптман, приводящие новые данные из гер-

манских архивов³². Последовательны в своих выводах о причастности Ленина и его ближайшего окружения к получению немецких денег и авторы последних отечественных работ — Н. В. Стариков и И. А. Дамаскин³³. О категоричности позиции Старикова с убедительностью свидетельствуют даже названия глав его монографии: «Почему германское командование не знало, что у него есть шпион по фамилии Ленин», «Почему “пломбированный” вагон с Лениным так медленно спешил», «Как Александр Керенский с Владимиром Лениным в поддавки играли», «Почему Ленин так торопился взять власть» и т. д. и т. п.

Можно не соглашаться с категоричностью выводов всех этих авторов, ибо на этот счет есть и другие мнения. Но нельзя и не заметить того, что эти выводы, основанные на изучении новых документов, близки к точке зрения, высказанной в свое время С. П. Мельгуновым. Выводы и наблюдения последнего получили свое подтверждение и в монографии Д. Волкогонова, полагавшего, что «в результате анализа огромного количества самых различных советских и зарубежных материалов» он пришел к выводу: «немецкий фактор» — «не мистификация, а историческая тайна, с которой уже давно шаг за шагом стягивается непроницаемый полог». Автор не ставил точку в этом вопросе, так как «тайна сия велика есть», и очень многие документы после Октября были уничтожены, тем более что «Ленин умел хранить тайны»³⁴.

Наряду с этим следует заметить, что состоятельность трактовки Волкогоновым темы немецких денег зачастую снижается из-за его не критичного подхода к анализу источников, что и приводит к очевидному казусу. Так, он считал подлинными некоторые подделки из пресловутых «документов Эдгара Сиссона», известных под названием «Германо-большевистский заговор»³⁵. О том, что это подделка, поведал все тот же Мельгунов еще в 1926 году³⁶, делая при этом оговорку, что «это не значит, что в основе их не лежит истина»³⁷. Изыскания последних лет подтвердили, что «документы Сиссона» о германо-большевистском заговоре являются подделкой, что они вышли отнюдь не из недр германского Генерального штаба, а сочинил их Антон Мартынович Оссендовский (настоящее имя — Фердинанд Антоний) (1878—1945), известный польский писатель, журналист и «талантливый авантюрист»³⁸.

³² См.: Э. Херш. Купленная революция. Тайное дело Парвуса. М., 2004; Г. Шиссер, И. Траутман. Русская рулетка. Немецкие деньги для русской революции. М., 2004.

³³ См.: Н. В. Стариков. 1917. Разгадка русской революции. М., 2008; И. А. Дамаскин. Вожди и разведка от Ленина до Путина. М., 2012.

³⁴ См.: Д. Волкогонов. Ленин. Политический портрет. М., 1994. Т. 1. С. 200; В. Л. Мальков. О документах Сиссона (находки в архивах США). — «Первая мировая война. Дискуссионные вопросы истории». М., 1994. С. 280—289.

³⁵ Д. Волкогонов. Ленин. Политический портрет. Т. 1. С. 220.

³⁶ «Голос минувшего на чужой стороне». Париж, 1926. Кн. 4 (XVII). С. 311.

³⁷ См. В. Л. Мальков. О документах Сиссона. С. 280—289.

³⁸ См. В. И. Старцев. Немецкие деньги и русская революция. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2006. С. 5.

В свете выше сказанного, вывод в любом случае один: лучше, правильнее иметь дело с первоисточником, нежели изучать и анализировать творения многочисленных интерпретаторов, которые за 90 с лишним лет так и не смогли смириться с одной простой мыслью: Октябрьская революция — в какой бы мере ни способствовали ее свершению германские кредиты — явление, явно не укладывающееся в рамки банальной шпионской авантюры.

Геополитика «третьей волны»

Предметная область, базовые категории и парадигмы концепции

Мировое сообщество вступило в эпоху перманентного кризиса — системного кризиса цивилизации постмодерна. Социально-политические тенденции, обозначившиеся в ходе революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке и «цветных» революций на постсоветском пространстве, а также попытки подрыва основ государственности в Российской Федерации в результате действий оппозиции после выборов в Государственную Думу, выдвинули актуальную задачу разработки нового инструментария для исследования процессов трансформации современного мира. В этих условиях геополитика призвана заниматься исследованием процессов, происходящих в социально-политических системах, и разработкой механизмов парирования угроз международной и внутригосударственной безопасности в условиях информационно-сетевого противоборства, применения технологий «управляемого хаоса» и «мягкой силы» на фоне обострения территориальной, демографической, конфессиональной, экологической, продовольственной и водной проблем.

По меткому замечанию Н. С. Розова, на фоне нарастающего вала катастрофических социальных процессов, обретших формы революций на постсоветском пространстве, Ближнем Востоке и в Северной Африке, становится очевидным, что политические науки «не развиваются поступательно, а скорее ходят кругами, либо вовсе топчутся на месте»¹. Далее автор справедливо подчеркивает, что «распознается это “топгание на месте” при сравнении с очевидным прогрессом в других сферах научного знания: в естественных, математических и технических науках, путем сравнения учебников и справочников. В математических и естественных дисциплинах излагаются накопленные знания, требующие усвоения и пригодные для практической деятельности. В социальных науках, в частности — политологии, приво-

¹ Н. С. Розов. Историческая макросоциология. Методология и методы. Новосибирск, 2009. С. 47.

² См. там же. С. 49.

³ R. Collins. Socially Unrecognized Cumulating. — «American Sociologist». 1999.

дятся точки зрения и концепции, либо противостоящие одна другой, либо вовсе игнорирующие друг друга»².

Кроме того, Н. С. Розов исходит из наблюдений Р. Коллинза, который отмечал, что накопленные знания в социальных науках не являются общедоступными³.

При этом знания, накопленные в области социологии, автор подразделяет на «а) “специализированное накопление” в рамках отдельных исследовательских сообществ, непризнаваемое за их пределами, вовне, б) “утраченное накопление”, ставшее таковым вследствие игнорирования научным сообществом прошлых результатов в силу смены общей исследовательской парадигмы, интересов и выхода из моды прошлых направлений науки, в) “непризнанное, пересекающее границы специальностей интегрированное накопление”, под которым понимаются результаты, полученные в различных областях и имеющих при этом сущностное сходство, кото-

⁴ Н. С. Розов. Историческая макросоциология. С. 51.

рое, однако, не воспринимается и не признается как таковое»⁴. Соответственно, главной задачей современной

политологии оказывается не следование принципам рационального познания с целью получения объективной информации о политических процессах, а коллекционирование разнообразных противостоящих друг другу мнений. В этом смысле современная политическая теория не дает ответа на актуальные вопросы международных отношений и, как следствие, не успевает за динамикой геополитической обстановки в мире. На этом фоне как никогда остро ощущается потребность в критическом переосмыслении базовых подходов современной геополитики.

Кризис современной геополитики и концепции геополитики «Третьей волны»

Решение поставленной проблемы возможно лишь путем применения методологии постнеклассического подхода, предложенного В. С. Степ-

⁵ См.: В. С. Степин. Научное познание и ценности техногенной цивилизации. — «Вопросы философии». 1989. № 10; он же. Становление норм и идеалов постнеклассической науки. — «Проблемы методологии постнеклассической науки». М., 1992. С. 15.

ным применительно к философии, социологии, политологии и естественным наукам. Этот подход «расширяет поле рефлексии над деятельностью, в рамках которой изучаются объекты. Она учитывает соотношенность характеристик получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и ее ценностно-целевыми структурами»⁵.

Плодотворность применения постнеклассического подхода в области политологии определяется осознанием непригодности аппарата линейного анализа и прогнозирования для исследования сложных социально-политических систем, функционирующих в среде, где действуют многочисленные разнонаправленные силы и противоречивые факторы. В частности,

известный российский политолог С. Караганов обоснованно замечает, что «беспрецедентные по скорости и масштабам в истории человечества изменения в социальных, политических областях существования народов, развертывание очередного тура борьбы за ресурсы и переформатирование политической карты регионов Ближнего Востока и Северной Африки на фоне распада старой системы институтов международного управления и продолжающаяся глобализация экономики и информационной среды породили нарастание “интеллектуального вакуума”, что выразилось в неспособности понять и проанализировать мир в рамках старых теорий»⁶.

⁶ С. Караганов. Мир: углубление хаоса. — «Российская газета». 07.09.2011.

Ныне как никогда ранее социально-политические и экономические системы необходимо рассматривать как саморегулирующиеся и саморазвивающиеся структуры, сетевые по своей природе, нелинейные и открытые для воздействия со стороны внешней среды и подверженные внутреннему воздействию стихии социальной энтропии. Именно этот подход определит будущее генеральное направление развития политологии⁷. Перед современной геополитикой остро стоит проблема уяснения сути общественных процессов во всем их многообразии. Решение этой задачи возможно только при опоре на идеи синергетики, нелинейности и открытости сложных социально-политических систем. Революции в арабском мире наглядно показали, в какой мере социология благодаря информационно-сетевым и политическим технологиям вторглась в сферу геополитики. При этом на первый план по эффективности воздействия вышли технологии применения «мягкой силы», скрытого подрыва государственности в условиях применения технологий «управляемого хаоса»⁸.

⁷ См. В. В. Карякин. Классическая, неклассическая и постнеклассическая геополитика: критерии сходства и различия. — «Вестник аналитики». 2001. № 4.

⁸ См. С. Манн. Теория хаоса и стратегическое мышление. — www.spkurdyumov.narod.ru/mann.htm

Применение постнеклассической методологии в сочетании с синергетическим подходом для анализа динамики геополитических пространств и их эволюции в ходе противоборства старых и новых форм в существующих политических системах в перспективе «даст новые коммуникативные стратегии познающему субъекту, определяя то существенное обстоятельство, что целостность в постнеклассической парадигме представляется как открытое, системное и динамическое единство в многообразии выражающих его сторон»⁹. Противоречивое переплетение национальных интересов ведущих акторов мировой и региональной политики с мировыми процессами глобализации и действиями несистемных игроков в регионах и отдельных странах заставляет заново переосмыслить фундаментальные основы динамики мирового политического порядка и выработать новые концептуальные подходы к его исследованию.

⁹ «Постнеклассика: философия, наука, культура». Отв. ред. Л. П. Киященко и В. С. Степин. СПб., 2007. С. 9—10.

Суть предлагаемой концепции в полной мере выражается словами, которые Э. Тоффлер вынес в название своей знаменитой работы «Третья волна»¹⁰. Дело в том, что предлагаемая

¹⁰ См. Э. Тоффлер. Третья волна. М., 2010.

автором геополитическая концепция, по аналогии с идеями Э. Тоффлера, вписывается в теорию, выделяющую три основные стадии (или «волны») развития человечества: аграрную, индустриальную и постиндустриальную. Применение этой концепции позволит найти ответы на целый ряд актуальных вопросов международной политики, в числе которых:

- пути сохранения государственного суверенитета в условиях информационно-сетевых противоборства, применения «мягкой силы», «непрямых действий» и политических технологий подрыва государственности;
- формы и методы завоевания лидерства и доминирования великих держав в современной геополитической среде, а также условий создания ими военно-политических и экономических союзов;
- основные тренды и движущие силы современной эволюции международных отношений и мирового порядка;
- пути и средства обеспечения национальной и международной безопасности в условиях соперничества различных центров силы.

При этом границы предметного поля геополитики «Третьей волны» будут неизбежно варьироваться в зависимости от совокупности существующих и возникающих угроз и вызовов, с учетом вектора развития геополитической обстановки в конкретной стране и конкретном же регионе.

Исследовательский инструментарий геополитики «Третьей волны»

Исследовательский *инструментарий*, предлагаемый методологией «Третьей волны», включает

- системно-динамический подход, позволяющий исследовать международные отношения комплексно, во всей их сложности и многообразии; выявлять и анализировать развитие социально-политических тенденций, явлений и систем во времени на всех этапах их развития — от зарождения до угасания и упадка*;
- моделирование эволюции политических систем в условиях «управляемого хаоса» и динамики социальной энтропии;
- моделирование на основе применения генетических алгоритмов для реализации принципа управления типа «forward control», означающего

* Подробнее об этом см.: В. В. Карякин. Современная геополитическая динамика Ближнего и Среднего Востока. М., 2010; Он же. Геополитическая динамика как инструмент исследования трендов и сценариев мирового развития. — «Стратегическая стабильность». 2010. № 4; Он же. Методология современной геополитической динамики. — «Государственная служба». 2011. № 1; Он же. Методологические основы современной геополитической динамики. — «Региональные исследования». 2011. № 3.

предсказание отклика системы на основании сигналов в цепи обратной связи, инициируемых по возникновению тренда, то есть еще до того, как в системе начнут нарастать необратимые тенденции. Такая обратная связь выступает и как «preemptive» (упреждающая); она построена на принципе коррекции отклонений в работе системы на начальных стадиях возникновения новых трендов развития.

Компаративные межстрановые исследования, относящиеся к проверенному временем научному арсеналу, который не потерял своей значимости и в постнеклассической геополитике. Путем сопоставления совокупности значимых для анализа факторов можно детально проанализировать основные показатели геополитических потенциалов акторов и субъектов международной политики, отражающие текущую геополитическую обстановку.

В предметной области геополитической концепции «Третьей волны» можно выделить два взаимосвязанных раздела:

1. *Фундаментальный*, в рамках которого исследуются геополитические пространства с точки зрения динамики и трендов развития экономической, военно-политической, демографической, конфессиональной, государственной и региональной обстановки.

2. *Прикладной*, применительно к которому проводится анализ региональной геополитической обстановки и разрабатываются вероятные сценарии ее развития для различных горизонтов прогнозирования на основе синергетического видения геополитических процессов.

Что же касается характеристик объекта и предмета исследования, то в концепции геополитики «Третьей волны» они, по мнению автора, должны сохраниться в том же виде, как и в рамках классической и неклассической концепций. Поэтому будет оправданным воспользоваться формулировками, приведенными Н. А. и В. Н. Нартовыми, которые определили в качестве *объекта исследования* «планетарное пространство, геополитические процессы и явления в мировом сообществе, как в системе», а в качестве *предмета исследования* — «все вовлеченные в этот процесс стороны, их свойства и отношения, которые в данных исторических условиях подлежат исследованию. Иными словами, предметом геополитики оказываются взаимоотношения между субъектами международных отношений при решении ими мировых и региональных проблем»¹¹.

¹¹ Н. А. Нартов, В. Н. Нартов. Геополитика. М., 2007. С. 18.

Естественно, предмет исследования вновь предлагаемой концепции не может, да и не должен охватывать все многообразие факторов, определяемых объектом исследования. В его «зону ответственности» необходимо включить только изучение процессов взаимодействия, взаимозависимости и противоборства значимых факторов динамики геополитической обстановки.

новки, определяющих траекторию эволюции исследуемой социально-политической системы.

Рассматривая *функции* геополитики «Третьей волны», необходимо учитывать определенную сложность их выделения, что является общей проблемой всех социальных и гуманитарных наук. Тем не менее можно со всей определенностью выделить функции *гносеологическую* (общетеоретическую), *прогностическую* (связанную с анализом и прогнозированием военно-политической, экономической, демографической и этноконфессиональной обстановки) и *управленческую* (разработка рекомендаций для политического руководства страны по управлению социально-политическими процессами в условиях многофакторного взаимодействия акторов международной политики).

Главной задачей реализации *гносеологической* функции предлагаемой концепции является выявление и изучение причинно-следственных связей между различными факторами и тенденциями развития геополитической обстановки для определенного горизонта прогноза. Целью таких исследований является формулировка общих закономерностей и выявление устойчивых тенденций в развитии международной обстановки на заданную перспективу, источников и движущих сил сотрудничества, стремления к гегемонии и лидерству отдельных государств, а также причин возникновения разного рода противоречий и конфликтов.

В свою очередь, *прогностическая* функция концепции «Третьей волны» направлена на изучение тенденций и характера социально-политического развития стран и регионов на основе количественных методов исследований, дающих достаточно объективные знания о международной региональной и внутренней обстановке в отдельных странах, лежащие в основе выявления и понимания глобальных и региональных политических тенденций и процессов. В совокупности результаты такого анализа позволяют достаточно адекватно отразить тенденции развития основных геополитических процессов, призванных стать базой для оценки геополитической обстановки и принятия политических решений. В этом плане большую важность имеет организация постоянного мониторинга геополитической ситуации.

Что же касается сферы реализации *управленческой* функции концепции, то она обусловлена сказанным выше; ценность ее проявляется в том, что полученные результаты способны стать прочной основой для принятия политических решений и формирования политического курса руководства страны.

В целом же в качестве главных задач геополитики «Третьей волны» выдвигаются исследование основных направлений эволюции социально-политических процессов с целью выявления трендов и динамики их раз-

вития. В том же, что касается характеристик *предметного поля* концепции «Третьей волны», то к ним можно отнести следующие:

- природа, формы и методы современного экспансионизма;
- информационные и политические технологии разрушения государственности и реформирования сознания, национальной, культурной и конфессиональной идентичности народов;
- сущность геополитических потенциалов и их влияние на статус государств в мировой системе международных отношений;
- факторы, обуславливающие формирование, расширение и упадок государств, военно-политических блоков и союзов;
- факторы, определяющие отношения сотрудничества и соперничества между региональными и мировыми центрами силы и геополитического влияния.

Таким образом, *общее определение* сути концепции геополитики «Третьей волны» можно сформулировать следующим образом. Она выступает как *область научного знания, постнеклассическая по форме и синергетическая по содержанию, в рамках которой исследуется социально-политическая сфера общественных отношений в вопросах обретения, организации и использования геополитических ресурсов для установления лидерства, военно-политического и экономического доминирования с использованием силовых и информационно-сетевых технологий в условиях глобализации экономической и культурной жизни человеческого общества.*

Категориальная система концепции геополитики «Третьей волны»

Специфика категориальной системы концепции геополитики «Третьей волны» состоит, прежде всего, в междисциплинарном характере самой этой концепции. В свете синергетического видения социально-политических процессов набор основополагающих категорий имеет подвижный характер. Его основу составляют такие категории классической геополитики, как геофизические факторы политических пространств и их влияние на эволюцию экономической, политической и социальной систем общества, соотношение факторов господства и подчинения в отношениях между государствами, борьба за сферы влияния, наличие лимитрофных зон и маргинальных областей глобального политического пространства. Кроме того, в эту систему следует включить такие понятия неклассической геополитики, как национальная идеология, выраженная в национальной идее государства, национальная идентичность, цивилизационные признаки и культурно-конфессиональный потенциал нации для придания всему вышеперечисленному набору понятий нового смысла при использовании

эволюционного подхода для понимания путей развития политических социумов.

Геополитика «Третьей волны», в основе которой лежат идеи синергетики, социальной энтропии и технологии «управляемого хаоса», интегрирует доказавшие свою эффективность категории таким образом, чтобы они дополняли друг друга, но уже в рамках эволюционного подхода к анализу и прогнозированию динамики социально-политических систем, который исходит из того, что развитие общества представляет собой результирующий вектор, в котором находит свое отражение результирующее множество разнонаправленных сил и тенденций. Категориальный аппарат постнеклассической геополитики призван служить инструментарием для описания геополитических структур мира, которые сложились в условиях глобализации и информационно-сетевой революции конца XX — начала XXI века, в меняющихся во времени соотношениях баланса сил и динамического равновесия, взаимозависимости, сотрудничества, соперничества, противоборства, поглощения, интеграции и дезинтеграции политических структур.

Система парадигм геополитики «Третьей волны»

Понятие «парадигма» (от *греч.* παράδειγμα — «пример», «модель», «образец») — одно из важнейших базовых понятий в философии и социологии¹². Ее принято определять как

совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, воспринимаемую представителями данной научной дисциплины в качестве образца и являющуюся основой научного направления.

Развитие любой науки предстает как процесс смены парадигм — концептуальных схем, призванных в течение определенного периода развития конкретной области научного знания служить базой для постановки и решения актуальных научных проблем. Для политических наук И. А. Василенко определяет научную парадигму как «совокупность норм, правил и

¹² **И. А. Василенко.** Геополитика современного мира. М., 2006. С. 36.

¹⁴ **Э. Петерс.** Хаос и порядок на рынках капитала. Новый аналитический взгляд на циклы, цены и изменчивость рынка. М., 2000. С. 15.

ценностей, которые создают установку мышления познавать явления в определенном ракурсе или в соответствующем методологическом ключе»¹³. Более широкую трактовку парадигмы дает Э. Петерс. По его мнению, «парадигма — это умозрительная модель, позволяющая рассматривать явления в глобальном масштабе»¹⁴. По-

следнее утверждение важно с точки зрения системности подхода к изучению явлений социально-политической жизни общества. Однако не следует забывать о необходимости декомпозиции и последующей классификации процессов и явлений, отвергая при этом незначительные и второстепенные. Очевидно, что золотая середина при определении совокупности пара-

дигм находится в рассмотрении только критически важных аспектов сущностного знания, необходимых для дальнейшего развития данной научной области с целью отображения динамики процессов, адекватно отражающих реальности современного мира.

В геополитике понятие парадигмы формулируется следующим образом: парадигма призвана обеспечить ценностный и мировоззренческий фундамент для исследования пространственно-временных отношений между государствами в современном мире с учетом всех критически важных факторов, которые определяют динамику и направленность социально-политических процессов. Задачей данной научной категории является обобщение явлений и тенденций наблюдаемой реальности и выделение из нее главных факторов для последующего концептуального осмысления этой реальности, но без искажения ее сущности.

Как отмечает И. А. Василенко, в геополитике последовательно господствовали такие парадигмы, как национально-государственная, идеологическая, цивилизационная и информационная¹⁵. По ее мнению, настало время динамического подхода к рассматриваемым явлениям в геополитике.

¹⁵ См. И. А. Василенко. Геополитика современного мира. С. 36–37.

Р. Т. Мухаев в своих работах выделяет несколько парадигм геополитики, которые отражают различные интерпретации геополитического пространства: институциональную парадигму, геополитическую парадигму борьбы государств за мировое господство и лидерство в международной политике, геоэкономическую парадигму на основе школы мир-системного анализа, геоидеологическую парадигму, основанную на связи геополитики и идеологии, геоцивилизационную парадигму, признающую важность культурного кода, образа мыслей и поведения людей, принадлежащих к одной цивилизации, и, наконец, геоинформационную парадигму, отражающую переход современного общества в постиндустриальный или информационный этап развития¹⁶. Автор считает, что настало время выдвижения постнеклассическо-синергетической парадигмы, которую дополняли бы четыре вышеупомянутые парадигмы.

¹⁶ См. Р. Т. Мухаев. Геополитика. М., 2007. С. 26–43.

По мнению Р. Т. Мухаева, «смена парадигм — это смена отношений к объекту исследования, предполагающая изменение методов анализа, установки и целей исследования, угла зрения на предмет, а часто и вообще смена самого предмета исследования». Тем не менее полной гармонии в геополитике не наблюдается: «несмотря на огромный массив литературы по геополитике, до сих пор в ней существует один пробел: нет более-менее четкой классификации ее парадигм. Отсюда возникают разногласия по поводу того, что есть истинная геополитика, а что лжегеополитика, какие концепции адекватны современности, а какие устарели»¹⁷. Тем самым он обнажил внутренний кризис

¹⁷ Там же. С. 28.

идей геополитики, проявлением которого являются заявления о том, что геополитика умерла, и с ее помощью уже невозможно объяснить и прогнозировать развитие международных отношений¹⁸.

¹⁸ См. С. Б. Переслегин. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М., 2006.

Пытаясь решить проблему, некоторые исследователи подменяют геополитику глобалистикой, что, как это будет показано ниже, является вполне обоснованным. Очевидно, что для реабилитации термина «геополитика» требуется классифицировать парадигмы и сформировать на их основе новую систему. Примером тому является работа Е. А. Сеньшина¹⁹, в которой периоды развития геополитической

¹⁹ См. Е. А. Сеньшин. Эволюция геополитических парадигм в трансформирующемся мире. — «Известия Уральского государственного университета». 2007. № 48.

мысли представляются как смена парадигм, отражающих реальности каждого этапа политической истории. Соответственно, исследователь выделяет:

— парадигму почвы или территории, лежащую в основе классической геополитики, утверждающей, что политика государств детерминирована их географическим положением. В данном случае в качестве основного геополитического актора выступает государство;

— ревизионистскую геополитику, которая основывалась на парадигме идеи о том, что политика государств определялась принадлежностью к тому или иному лагерю в глобальном противостоянии двух общественно-политических систем (при сохранении влияния географических факторов). В данном случае основными акторами являлись военно-политические блоки и союзы государств;

— модернистскую концепцию геополитики, в основу которой была положена базовая парадигма геоэкономики. Здесь основными акторами являются транснациональные корпорации и неправительственные политические структуры.

Представленная конструкция корректно отражает суть эпохи постмодерна, в рамках которой проявились тенденции к глобализации экономики, что в свою очередь привело к формированию единого геоэкономического пространства, идущему на смену геополитике силового противостояния эпохи «холодной войны»²⁰. Однако, внешне логически не противоречивая, парадигма геоэкономики Е. А. Сеньшина уже вскоре оказалась неадекватной реалиям начала XXI века. Системный кризис мировой экономической системы, начавшийся в 2008 году и углубляющийся в настоящее время, породил негативное отношение к идеям либерализма и к свободному рынку, в частности. Настороженное отношение к западным ценностям усугубила работа З. Бжезинского «Великая шахматная доска»²¹, в которой автор деклари-

²⁰ См. С. И. Валянский, Д. В. Калужный. Понять Россию умом. М., 2001. — www.iwolga.narod.ru/docs/pon_ros.htm

²¹ См. З. Бжезинский. Великая шахматная доска. М., 1998.

ровал неизбежность американского лидерства на протяжении ближайших десятилетий.

Ответом на эти идеи стало формирование в российском экспертном сообществе устойчивого мнения о существовании заговора «атлантистов» и «мондеалистов», направленного на подчинение Евразии Западу²². Таким образом, усилиями ведущего американского геополитика было положено начало возрождению почти ушедших в историю геополитических парадигм «почвы» и «идеи». Современные национал-патриоты подчеркивают, что глобализация, продвигающая во всемирном масштабе свободный рынок, свободное перемещение людей и капиталов, не решает насущные социальные проблемы, а только усугубляет их, как показали недавние события «арабской весны». Глобализация несет усиление эксплуатации, расслоение общества по имущественному признаку и, как следствие, бедность и несправедливость в распределении материальных и социальных благ на фоне информационной прозрачности общества и повышения интеллектуальной мобильности его членов благодаря общению в социальных сетях.

Глобализация делает ненужными на рынке труда миллионы людей в бедных и зависимых странах, особенно в тех, которые обделены природными ресурсами и были раздроблены в ходе реализации планов по реформатированию политической карты мира²³. В условиях глобализации экономики и создания планетарного информационно-коммуникационного пространства национальное суверенное государство оказалось чуть ли не последним прибежищем тех, кто хочет сохранить свою культурно-конфессиональную идентичность и остаться хозяином своих территорий и природных ресурсов. В этом противодействии глобализму сплав парадигм «почвы» и «идеологии» превратился в идеологию, которая призвана противостоять так называемой модернизированной геополитике глобалистов.

Принимая этот вызов, автор настоящей работы считает, что предложенная Е. А. Сеньшиным классификация может служить отправной точкой при дальнейшей реконструкции системы геополитических парадигм. Соответственно, в основе методологии геополитики «Третьей волны» должна лежать система парадигм, соответствующих инструментарию предлагаемой концепции. Очевидно, что базовая парадигма геополитики «Третьей волны» должна опираться на парадигмы классической и неклассической геополитики, отражающие традиционный подход, изучающие как «географические аспекты политических феноменов», так и «отношения между континентальными и морскими ареалами с целью проведения соответствующей внешней политики государствами»²⁴. В энциклопедической литературе да-

²² См.: А. Г. Дугин. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1999. С. 171; Г. А. Зюганов. География победы: Основы российской геополитики. М., 1997.

²³ См. Г.-П. Мартин, Х. Шуман. Западная глобализация: атака на процветание и демократию. М., 2001.

²⁴ «Geopolitics». — «Encyclopedia Americana». Vol. 12. N. Y., 1987. P. 508, 526.

леко не сразу нашли отражение те изменения, которые несет с собой наступающая эпоха постмодерна, впоследствии получившая название «информационное общество». И все же, уже в начале 1990-х годов в публикациях американского ученого К. Грэя²⁵ стали просматриваться очертания нового

²⁵ См.: C. Gray. Geopolitics of the Nuclear Era: Heartland, Rimland and the Technological revolution. N. Y., 1977. P. 5; «Geopolitics of Superpower». N. Y., 1990. P. 4.

постнеоклассического подхода. Исследователь уже тогда обращал внимание читателей на тот факт, что «геополитика занимается исследованием взаимосвязей политической мощи государств и географических факторов, влияния пространственных отношений на возвышение и упадок силовых центров, а также технологических, политико-организационных и демографических процессов на геополитическую мощь государств».

Тем самым было косвенно обозначено расширение поля исследования

²⁶ См. «Geopolitics», — «The New Encyclopedia Britannica». Vol. 5. Chicago, 1988. P. 193.

геополитики за счет включения в него таких геополитических пространств, как социальное, информационное, логистическое и конфессиональное²⁶. Однако политические

реальности последних лет внесли дополнительные коррективы в это понимание геополитики. Серия «цветных» революций на постсоветском пространстве, а также феномен «арабской весны» заставили расширить методологическую базу современной геополитики за счет включения таких областей, как постнеклассика В. С. Степина, синергетика Г. Хакена и концепция «управляемого хаоса» С. Манна.

В свою очередь это привело к выдвиганию новой системы парадигм в геополитике «Третьей волны». Система включает:

- парадигму силовой экспансии классической геополитики;
- неклассические экспансионистские парадигмы «мягкой силы» и «непрямых действий»;
- парадигмы постнеклассической геополитики (информационно-сетевые технологии создания и последующего управления социально-политическим хаосом и социальной энтропией, а также технологии когнитивного манипулирования сознанием масс и реформатирования национальной и культурно-конфессиональной идентичности народов в борьбе субъектов международной политики за установление доминирования/влияния) во всех современных видах геополитического пространства с целью овладения природными, людскими и территориальными ресурсами государств для последующего их использования).

В данном случае приставка «гео» не означает «земля» и не относится к «географии». Используя ее, автор подразумевает охват всех имеющихся в настоящее время видов пространств, в которых имеет место соперничество субъектов международной политики: социально-политического, экономического, информационно-коммуникационного, культурно-конфессионального, военно-стратегического и когнитивного. Борьба за ус-

тановление контроля и удержание своего влияния в вышеперечисленных пространствах составляет суть современной геополитики. Очевидно, что приставка «гео» в данной системе является анахронизмом, но найти замену ей пока затруднительно.

Таблица

Два подхода к систематизации геополитических парадигм

Версия Е. А. Сеньшина*		Версия В. В. Карякина	
Этапы развития геополитики	Парадигмы	Парадигмы	«Волны» геополитики
Классический	Почвы (географический детерминизм)	Силовое экспансионизма. Длительная цикличность геополитических процессов возвышения — расцвета — упадка государств и империй.	Первая волна — «классическая геополитика»
Ревизионистский	Идеологии (противостояния двух сверхдержав в годы «холодной войны»)	Силовое противостояния и идеологического экспансионизма. Ускоренная цикличность геополитических процессов в условиях применения стратегий «мягкой силы» и «непрямых действий», не исключая применения военной силы.	Вторая волна — «неклассическая геополитика»
Модернистский	Геоэкономики (глобализация мира под эгидой транснациональных корпораций и трансграничных неправительственных политических организаций)	Экспансионизм во всех сферах геополитического пространства. Применение информационно-сетевых технологий управления хаосом и энтропией в социально-политических системах государств, а также технологий когнитивного манипулирования сознанием масс и переформатизацией национальной и культурно-конфессиональной идентичности народов.	Третья волна — постнеклассическая геополитика

* По материалам работы: Е. А. Сеньшин. Эволюция геополитических парадигм в трансформирующемся мире. — «Известия Уральского государственного университета». 2007. № 48. С. 49—62.

В современном мире вектор геополитических устремлений государств смещается из чисто силового, военно-географического аспекта в экономическую, финансовую, информационную сферы, а в последнее время — и в конфессионально-культурную область противоборства субъектов международной политики. Это говорит о том, что социология стала доминирующим фактором в геополитике, о чем свидетельствует феномен «арабской весны» и его последствия — экспансия радикального ислама на политическом пространстве Ближнего и Среднего Востока. Это происходит на фоне

смещения борьбы акторов и ведущих субъектов международной политики за лидерство и влияние из чисто военной области, связанной с обладанием географическим пространством как физической средой существования человека, в экономическую, финансовую, информационную, конфессиональную и культурную сферы. Сюда же необходимо включить борьбу за доминирование в когнитивном пространстве, которое представляет собой сферу сознания человека и арену борьбы за национальную и культурную идентичность народа.

В настоящее время военные стратегии уступают место стратегиям и тактикам «непрямых действий», «мягкой силе», скрытых от глаз непосвященных за пеленой идеологических мифов и политических технологий. Вследствие огромных потенциальных разрушений от применения современного оружия война стала непозволительной роскошью. Поэтому во главу угла международной политики теперь ставится сбережение ценных ресурсов на захваченных территориях: природных, экономических и людских, которые можно было бы впоследствии использовать победителю. Глобализация показала, что в современном социуме особую ценность представляют информационное, экономическое и финансовое пространства, доминирование в которых дает возможность получить доступ к ресурсам всего мира невоенным путем, без применения силы.

Как и в прежние времена, инструментами решения геополитических задач в современном мире являются такие новые формы экспансии, как экспортная экономика, инновационные технологии, неконтролируемая иммиграция, культура и религия. Те государства, которые сумели сформировать механизмы экономической и научно-технологической экспансии, вошли в число лидеров современной цивилизации. Сейчас можно считать, что современные виды экспансионизма вступили в глобальную фазу их распространения.

О русском национальном характере

Весной 2011 года в «Свободной мысли» вышла наша статья, в которой, в частности, говорилось о кризисе политики мультикультурализма, охватившем Западную Европу¹. Уже летом того же года кризис проявил себя во

¹ См. А. Д. Палкин. Межкультурная коммуникация как столкновение культур. — «Свободная мысль». 2011. № 3.

многих европейских странах в виде масштабных столкновений и громких преступлений, спровоцированных межэтнической конфронтацией. В той же статье мы отметили такую особенность современного русского менталитета, как индивидуализм, пришедший на смену некогда преобладавшему коллективизму: в большинстве своем русские заботятся о личных интересах, а не об общественных, что наносит очевидный ущерб всему обществу и отдельно взятым его членам. Как бы в подтверждение этому замечанию в то время, когда в Западной Европе бушевали межнациональные страсти, по России прокатилась серия бессмысленных и абсурдных по своей сути массовых убийств.

В настоящей статье мы воздержимся от прогнозов, а просто перечислим наиболее заметные черты национального характера, свойственные современному русскому, и постараемся оценить эти черты с учетом реалий глобализирующегося мира. Тем самым мы подойдем к проблеме столкновения культур, рассматривая русскую культуру изнутри и сравнивая ее с другими культурами мира. При этом постараемся избегать стереотипов, предложив наше видение современного состояния русской культуры, то есть состояния на начало XXI века, имея в виду, что состояние это неминуемо претерпевает постепенные изменения.

Подчеркнем, что под представителями русской культуры мы понимаем всех, кто входит в ареал русской культуры, то есть говорит по-русски и в той или иной степени разделяет ценности, бытующие в русской культуре. Таким образом, наше внимание сосредоточивается на культурной идентичности, а не на этнической: носителем русской культуры может

ПАЛКИН Алексей Дмитриевич — доцент кафедры перевода и переводоведения Московского педагогического государственного университета, кандидат филологических наук.

быть любой человек, входящий в русское культурное пространство, вне зависимости от его этнической принадлежности. Означенный подход основан на идее И. В. Кондакова о русском суперэтносе, согласно которой

² См. И. В. Кондаков. Культура России: краткий очерк истории и теории. М., 2007. С. 66. русская культура инкорпорирует в себя представителей всех этносов, постоянно проживающих на российской территории². Проще говоря, не только собственно русские, но также калмыки и буряты, татары и башкиры, длительное время проживающие на российской территории армяне и грузины и прочие, и прочие рассматриваются нами как представители русской культуры, так как входят в русский суперэтнос.

Наш очерк не претендует на всесторонность. Будут затронуты наиболее значимые черты русского национального характера. При этом важно подчеркнуть, что наши суждения основываются на серии экспериментальных исследований языкового сознания русских, осуществленных в 2006—2007 годах. Читатели, которых интересуют подробные

³ См. А. Д. Палкин. Россия и Япония: динамика нравов. М., 2010. статистические выкладки, могут обратиться к нашей монографии³, где различные образы сознания русских

досконально анализируются с точки зрения психолингвистики. Здесь же мы ограничимся рассуждениями общего характера, стремясь не перегружать статью экспериментальными данными.

Итак, перейдем к нашим умозаключениям по поводу русского национального характера. Ниже мы перечислим черты, которые характерны или были характерны для представителей русской культуры, то есть не все из упоминаемых нами черт превалируют у современных русских, на что непременно будет специально указано.

Индивидуализм

Как свидетельствуют наши предыдущие исследования, некогда доминировавший в русской культуре коллективизм уступил свои позиции индивидуализму, то есть такой системе межличностных отношений, в которой представители определенного общества (в данном случае русского) ставят собственные интересы выше интересов общественных, что обеспечивает личностный рост в ущерб развитию других представителей данного социума.

В то же время в современных условиях безусловным преимуществом обладают коллективистские культуры, способные более успешно конкурировать с другими культурами в глобализированном мире, где информация со стремительной скоростью распространяется по планете, а транспортные возможности позволяют в течение суток переместиться с одного континента на другой. Индивидуализм является одним из основных факторов, тормозящих развитие русского общества, и во многом определяет содер-

жание других черт национального характера русских. Действительно, именно индивидуализмом объясняется низкая готовность представителей русского суперэтноса помогать друг другу и высокая — друг с другом конкурировать. Представителям коллективистских культур в этом отношении гораздо проще, так как от своих соотечественников они с заметно большей вероятностью могут ожидать понимания и поддержки. Получается, что в условиях глобального мира русским приходится конкурировать и с представителями других культур, и друг с другом, тогда как, например, китайцы и японцы конкурируют преимущественно с представителями других культур. Сказанное не означает, что в коллективистских культурах внутренняя конкуренция отсутствует; она присутствует, но в заметно меньшей степени.

Дружелюбие

С давних пор русские славились своим дружелюбием. На современном этапе эта черта сохранилась, но в несколько своеобразном виде: по большей части она проявляется по отношению к знакомым и в гораздо меньшей степени — по отношению к незнакомым и, как это ни парадоксально, близким людям. Это порождает повышенную конфликтность, с одной стороны, и неустойчивость семейных отношений, с другой. Русские склонны находить врагов в ближнем окружении, поскольку образ врага в глобальном пространстве ушел в прошлое, а общая идеология и общие нравственные принципы выработаны не были. Отсюда — повышенная агрессивность и высокий процент неполных семей, сопряженный с высоким процентом разводов.

Парадоксальный поиск друзей в дальнем окружении и недругов в ближнем окружении интересным образом отражается на настроениях русских националистов: основные претензии они высказывают к приезжим из Кавказского региона и стран СНГ, тогда как к африканцам и выходцам из Юго-Восточной Азии относятся достаточно снисходительно. Итак, дружелюбие у современных русских крайне избирательно и иногда своеобразным образом трансформируется в неприязнь. В коллективистских культурах дружелюбие, как правило, распространяется на представителей «своего круга» в большей степени, чем на тех, кто в этот круг не входит, что опять же обеспечивает данным культурам конкурентные преимущества перед русской культурой.

Лень

Другой отличительной чертой русских является природная лень. Некоторые исследователи небезосновательно увязывают эту особенность с климатическими особенностями страны⁴. Короткое лето и суровая зима вынуждали рус-

⁴ См. В. В. Владимиров. Смысл русской жизни. М., 2006. С. 368–369.

ского крестьянина напрягать все силы в летний период, для того чтобы создать необходимые запасы на длительную зиму, во время которой уже можно было несколько расслабиться. Такое чередование напряжения и расслабления переросло в привычку, передающуюся из поколения в поколение. Хотя современная Россия уже не является аграрной страной, русские по-прежнему хорошо справляются с авральной работой, но при отсутствии таковой нередко предаются праздности. Поговорка «Я долго запрягаю, но быстро еду» до сих пор не утратила своей актуальности.

Разумеется, рассмотренное свойство национального характера не позволяет русским успешно конкурировать с представителями тех культур, в которых распространено трудолюбие, — опять же в силу исторических и климатических причин. Такие культуры сконцентрированы в основном в Азиатском регионе. Китайцы, японцы и корейцы славятся высокой производительностью труда и самоотдачей на работе. Конечно, сказанное не означает, будто среди русских нет трудоголиков. Они есть, но их не так уж много по сравнению с «трудолюбивыми» культурами.

Покорность

Точно так же, как стремление к «заслуженному» отдыху, сохранилась и склонность подчиняться воле начальства, которая проявляется на всех уровнях общественной жизни. Если бы не доминирование индивидуализма в современной русской культуре, то указанный фактор можно было бы рассматривать как крайне положительный: строгая трудовая дисциплина и эффективная организация труда, быстрота принятия и исполнения решений являются очевидными преимуществами в наш век скоростей. Однако реальными эти преимущества становятся тогда, когда начальство личным интересам предпочитает общественные.

Между тем забота в первую очередь о собственных интересах при наличии тех или иных властных полномочий способствует коррупции. Более того, исторически русский народ и русская культура находятся в зависимости от воли одного человека — того, кто стоит во главе государства. Например, в X веке решение князя Владимира Святославича о принятии православия предопределило возвышение православной церкви, при этом, как мы знаем из летописей, князь долгое время колебался, размышляя о том, какую религию предпочесть; решение Петра I «прорубить окно в Европу» было неукоснительно выполнено, несмотря на недовольство некоторых слоев общества. При этом важно понимать, что действующий лидер общества также является не более чем продуктом культурного процесса, характерного для данного общества в данную эпоху.

Интересно, что некогда восточнославянские народы, со временем слившиеся в русскую нацию, признавали эту свою слабую черту — неспособ-

ность выбрать человека, который правил бы страной наилучшим образом, и, как нам известно из летописей, приглашали варягов на правление (по преданию, послы, отправившиеся к варягам, сказали им: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет»). После того как варяги навели некоторый порядок в общественных отношениях и ассимилировались с коренным населением по причине низких возможностей миграции, о приглашении правителя со стороны речи уже не шло. В настоящее время идея о приглашении «кризисного менеджера» из другой страны кажется утопической. Лидером российского общества население видит только своего соотечественника в силу развившейся в период былого расцвета (XVIII—XIX веков) национальной гордости.

Гордость

Гордость является отличительной чертой современных русских. Отсюда высокий уровень патриотизма у заметного большинства населения. В наибольшей степени патриотизм у русских проявляется во время побед российских спортсменов на крупных соревнованиях. Другие поводы для гордости за свою страну возникают редко, поэтому спортивные победы воспринимаются с особым энтузиазмом. Любопытно, что большой спорт в современной России оказывается заметно более приоритетным, чем массовая физкультура. Также следует отметить, что у значительного количества русских на фоне экономической стагнации и политического застоя в стране гордость перерождается в стойкую неприязнь к государству, что провоцирует эмиграцию образованного населения в другие страны.

По всей видимости, своего апогея гордость за свою страну достигла в советский период, когда всеобщий энтузиазм подогревался массовой пропагандой. Есть все основания полагать, что национальная гордость возрастала у русских постепенно. Достаточно вспомнить о том, что императрица Екатерина II была немкой по рождению, однако это не помешало ей править страной долгие годы, причем правление это было чрезвычайно успешным. В современной же России любое иностранное влияние воспринимается достаточно болезненно, особенно правящими кругами.

Терпение и жертвенность

Следует также обратить внимание на терпение и жертвенность, присущие русскому национальному характеру. Эти два качества идут рука об руку и сформировались по схожим причинам. Во-первых, суровые климатические условия приучили русского крестьянина к тому, что время от времени плоды его труда могут быть безвозвратно потеряны. Засуха или пожар могли нанести непоправимый ущерб урожаю, а это означало жизнь впрого-

лодь до следующего лета. Так веками развивалось терпение. Христианская идея о смирении только укрепила эту черту, а также способствовала развитию готовности пожертвовать чем-либо ради семьи или каких-то успехов в будущем.

Во-вторых, исторически сложилось, что российское общество отличалось строгой иерархией властных отношений. Человек нередко зависел от воли стоящего выше него в иерархии. Мудрость этого последнего обеспечивала зависящим от него людям процветание, а самодурство обрекало на лишения. Русский человек свыкся с таким укладом жизни, а он требовал еще большего терпения, так как от самодурства никто не может быть застрахован. В то же время христианская идея о богоизбранности царя способствовала развитию преданности монарху и готовности пожертвовать своими интересами или даже собой ради исполнения его воли. У современных русских эти черты сохранились в полной мере, несмотря на изменение социально-политической обстановки. Именно это позволяет правителям России проводить даже непопулярные реформы. Готовность к терпению и согласие пожертвовать чем-то ради возможного прогресса в будущем приводят к тому, что русские в большинстве своем мирятся с теми несправедливостями, которые происходят с ними и вокруг них.

Патриархат

Нельзя оставить без внимания и такую черту, как патриархальный уклад жизни современных русских. Патриархат характерен для России, пожалуй, на протяжении всей ее истории. В аграрный период развития страны, когда подавляющее большинство населения состояло из крестьян, семье была жизненно необходима мужская сила, и мужчина по праву именовался кормильцем и считался главой семьи во всех отношениях. В правящих кругах также главенствовали мужчины, что, однако, не закрывало женщинам дорогу на царский трон. Простые же женщины имели право сказать свое веское слово на семейном совете. Таким образом, русский патриархат почти никогда не был абсолютным.

Таковым он и остался на начало XXI века, причем мы можем констатировать его дальнейшее ослабление. Хотя главенство мужчин в общественной жизни в значительной степени сохраняется (действительно, руководящие посты занимают в основном мужчины — именно в силу их гендерной принадлежности), современный патриархат уже далеко не тот, что был несколько веков назад (вспомним «Домострой»). Политика уравнивания мужчин и женщин в правах, проводившаяся в Советском Союзе, привела к тому, что многие мужчины стали добровольно отказываться от мужской модели поведения. В современных русских семьях инициатива принятия решений нередко принадлежит женщинам. Они же часто оказываются более ини-

циативными в осуществлении социальных программ на низших (то есть наиболее массовых) уровнях.

Характерным знаменем времени является Комитет солдатских матерей, деятельность которого подразумевает защиту «защитников Родины» (юношей призывного возраста) силами женщин, противостоящих государственной номенклатуре⁵. Таким образом, хотя патриархат по-прежнему сохраняет свое значимое место в русской культуре, мы наблюдаем постепенное усиление роли женщины в общественных и межличностных отношениях, причем не столько потому, что женщинам очень хочется взять на себя лидерство, сколько потому, что мужчины сами неохотно берут это лидерство на себя.

⁵ См. также: Т. В. Андреева. Психология современной семьи. СПб., 2005. С. 82.

Семейные ценности

Гендерные отношения наиболее актуальны при рассмотрении института семьи, роль которого в процессе эволюции культуры трудно переоценить. Ассоциативные исследования, проведенные в России в начале 1990-х годов, свидетельствуют, что на тот период в русской культуре сохранялся архетип большой семьи. Хотя в условиях урбанизации жить большими семьями стало проблематично, у русских еще сохранялось представление о том, что в идеале семья должна быть большой.

Ассоциативные исследования, проведенные в начале XXI века, зафиксировали утрату данного архетипа. Лишним подтверждением является высокий процент разводов и неполных семей в современной России. Все это негативным образом сказывается на демографии. При этом важно иметь в виду, что в условиях интенсивной миграции количественное уменьшение числа носителей культуры ставит под угрозу существование самой культуры. Современные русские не склонны создавать большие семьи в связи с неблагоприятными экономическими условиями, отсутствием устойчивых нравственных ценностей и бытовыми сложностями.

Культуры, в которых традиции многодетности и создания больших семей сохраняются, являются по преимуществу аграрными. Мигранты, представляющие эти культуры, нередко сохраняют привычную модель поведения, даже попав в городские условия, что в перспективе может привести к вытеснению одних культур другими. История знает немало таких случаев. В современной ситуации глобального мира с точки зрения демографии в наиболее выигрышной ситуации находятся как раз аграрные культуры. До середины XX века таковой была и русская культура, но после Второй мировой войны ситуация кардинальным образом изменилась в результате многочисленных реформ, проведенных советской диктатурой, которая стремилась к индустриализации любой ценой. Хотя по сравнению с нача-

лом 1990-х годов семейные ценности в русской культуре на начало XXI века демонстрируют очевидный рост, сохраняющийся тренд на урбанизацию не может способствовать полноценному развитию данных ценностей.

Ценность человеческой жизни

Еще одним существенным фактором является отношение представителей той или иной культуры к ценности человеческой жизни. Осознание этой ценности как высокой подразумевает высокий уровень безопасности в рамках соответствующей культуры, что естественным образом повышает психологический комфорт и уверенность в будущем. В русской культуре традиционно ценность человеческой жизни воспринималась как невысокая; в советское время она была крайне низка, но и в более раннее время дворяне считали естественным расстреливать друг друга на дуэлях (гибель А. Пушкина и М. Лермонтова — яркое тому подтверждение), а крестьяне развлекались кулачными боями, которые неминуемо заканчивались если не жертвами, то покалеченными.

В современной России ежедневно в дорожно-транспортных происшествиях гибнут немногим менее 100 человек (по смертности на дорогах Россия занимает первое место в Европе и второе место в мире), при этом

⁶ См. О. Н. Смолин. Интеллектуальная катастрофа в России. — «Свободная мысль». 2011. № 5, 6.

общество относится к такой статистике достаточно безучастно. За более подробной информацией по той же теме отошлем читателей к статье О. Смолина⁶. Вывод очевиден: пренебрежение человеческой жизнью было и остается крайне негативной чертой русской культуры. Гораздо успешнее в этом плане чувствуют себя культуры, где практикуется взаимная поддержка и пропагандируются семейные ценности. Следует отметить, что если сравнивать с началом 1990-х годов, то к началу XXI века ценность человеческой жизни в русской культуре несколько повысилась, но не на столько, чтобы можно было говорить о качественном изменении отношения русских к данному вопросу.

Приведенный нами перечень характерных черт русской культуры наглядно показывает, что и ранее русская культура — по всей видимости, во многом в силу географических и климатических условий жизни русского этноса — имела ряд черт, которые тормозили ее развитие и не способствовали успешной конкурентной борьбе в ситуациях столкновения с другими культурами. Эти отрицательные черты были мало заметны в предыдущие эпохи по той причине, что до XX века миграция населения планеты была крайне ограничена, и слово «глобализация» еще не приобрело своей актуальности. Ныне последняя со всей очевидностью вскры-

вает те недостатки, которые русская культура накопила на протяжении своего развития. Ситуация осложняется тем, что за XX—XXI века русская культура в значительной степени утратила ряд черт, которые обеспечивали ей конкурентоспособность и способствовали процветанию Российской империи в XVIII—XIX веках. Причиной тому — в первую очередь бездарная и крайне недальновидная политика, осуществлявшаяся в стране в период советского правления. Уничтожение крестьянства — оплота традиционных русских ценностей — в безудержном стремлении к индустриализации и урбанизации имело своим результатом утрату Россией ведущих позиций на мировой арене и поставило под угрозу само существование русской культуры.

Последнее время много говорят о необходимости выработки для России «национальной идеи», которая сплотила бы страну и позволила ей начать решать проблемы, накопившиеся за последние десятилетия. Мы полагаем, что в действительности национальная идея у русских уже существует.

Современную национальную идею можно сформулировать следующим образом: «Делай деньги любой ценой». Эта идея пронизывает все слои общества от самых «верхов» до нищенствующих «низов». Эта идея губительна для России и русской культуры, поскольку изначально чужда ей. В связи с этим остро необходим переход к *более перспективной национальной идее*, которая может звучать так: «Вернемся к тем исконным ценностям, которые в дореволюционный период обеспечивали стране процветание».

Возврат к указанным ценностям возможен в случае изменения нравственных установок и возрождения деревни. Это решило бы сразу несколько серьезных проблем, и в первую очередь демографическую. Возрождение деревни, однако, требует вливания огромного количества денежных средств в сельское хозяйство и в улучшение условий жизни на селе. Для этого необходима соответствующая политическая воля, так как традиционно в России все изменения идут «сверху». В обозримом будущем от российской правящей элиты не приходится ожидать подобных «подвигов». Страна неумолимо движется к застою и дальнейшему распаду.

Между тем, по нашему убеждению, сформулированную нами *более перспективную национальную идею* можно применить позднее — после смены политической элиты. Полагаю, у России и русской культуры есть еще несколько десятилетий для того, чтобы «восстать из руин». Через одно-два столетия уже точно будет поздно. Таким образом, будущее русской культуры зависит от того, сформируется ли в XXI веке такая политическая элита, которой хватит смелости и мудрости, чтобы приступить к выводу России из того глубокого нравственного кризиса, в котором она находится.

Среди различных теорий развития цивилизаций наиболее популярными и известными являются теории Л. Гумилева и А. Тойнби. Предельно упрощая, согласно первой цивилизации проходят этапы рождения, расцвета, упадка, а потом имеют возможность возродиться и перейти в стабильное состояние гомеостаза, существуя в гармонии с окружающей средой. Опять же предельно упрощая, согласно второй всякая цивилизация, пройдя этапы рождения, расцвета и упадка, исчезает, уступая место другой цивилизации. В XXI веке русская цивилизация пребывает в стадии упадка. Через несколько столетий станет ясно, какая из двух теорий цивилизационного развития окажется верной применительно к русской культуре.

Кибервойна — тотальная угроза обществу

Термин «кибервойна» возник в 2007 году — после того как электронным атакам подверглись серверы американского министерства обороны — и стал быстро распространяться по всему миру. Тема пробивает себе дорогу и в российской науке, однако к настоящему времени ведущиеся в ее рамках исследования фрагментарны, относительно малочисленны и не обладают должным размахом. Тем более что российское государство давно стал объектом интенсивных и широкомасштабных компьютерных атак.

Теоретически и концептуально на данный момент в сфере изучения кибервойны доминируют США. В стране, где впервые появился термин «кибервойна», уже приступили к осуществлению целого комплекса мероприятий, связанных с обороной и нападением применительно к этому нетрадиционному виду боевых действий. Активны США и в области борьбы с киберпреступностью, кибертерроризмом, а также в обеспечении кибербезопасности.

Начнем с анализа документа ЦРУ от 26 апреля 2009 года, где доказывался факт нарастания киберугроз. В качестве ответных мер организация готовит специальную программу на ближайшие пять лет, что, по словам тогдашнего директора ЦРУ Леона Панетты, «позволит организации быть на один шаг впереди в этой игре»¹. Непосредственно на уровне Белого дома был рассмотрен важный информационный документ «Обзор политики в киберпространстве»², подготовленный членами специальной комиссии и утвержденный президентом США. Члены комиссии проанализовали положение дел в сфере защиты информации и проблем охраны киберпространства страны. Была предложена целая серия организационных мероприятий, в частности новая структура взаимодействий

ЕЛЯКОВ Анатолий Дмитриевич — заведующий кафедрой философии Самарского государственного экономического университета, профессор, доктор философских наук.

Данная статья продолжает проблематику материала, ранее опубликованного автором (см. «Свободная мысль». 2011. № 7—8).

¹ www.defenceiq.com/azticle.ctm?extemallD=2460

² www.whitehouse.gov/assets/eloocuments/Cyberspace_Policy_Review_final.pdf

федеральных ведомств, обеспечивающих безопасность информационных систем, с руководством штатов, органами местного самоуправления и частными фирмами, обеспечивающими защиту электронных баз данных.

Документ знаменует собой начало глобальной государственной кампании по защите национальной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, чрезмерную уязвимость которой, с учетом значения

³ См. «Computerworld Россия». 03.06.2008. С. 4.

этой инфраструктуры для национальной безопасности, признает правительство США³. В нем утверждается, что «архитектура национальной цифровой инфраструктуры, в значительной степени основанной на Internet, не является ни безопасной, ни эластичной». И что без ее серьезного улучшения Соединенным Штатам будет трудно защищаться от «растущих угроз киберпреступлений, а также вторже-

⁴ «Computerworld Россия». 14.07.2009. С. 26.

ний и операций, поддерживаемых на государственном уровне»⁴.

В одном из своих выступлений президент США Б. Обама заявил, что ки-

⁵ См. «The Washington Post». 28.08.2010.

бернетическая безопасность является приоритетом для Белого дома. Согласно сообщению газеты «Вашингтон пост»⁵, совокупность спецмероприятий в контексте кибервойны, разработанная Пентагоном и утвержденная президентом США, в полном объеме должна была начать реализовываться с 1 октября 2010 года. Предполагается задействовать весь мощнейший информационно-компьютерный потенциал США, состоящий из 15 тысяч сетей и 7 миллионов

⁶ См. www.defence.gov/news/newsarticle.aspx?id=6060

компьютеров, находящихся во многих странах мира и обслуживаемых более чем 90 тысячами специалистов⁶.

Кроме того, в штате Техас на авиабазе «Лаклэнд» примерно в сентябре 2010 года строители приступили к сооружению специализированного разведцентра, рассчитанного на 400 человек — специалистов по электронике. Сюда из Сан-Антонио была перемещена 68-я эскадрилья сетевых операций (68th Network Operations Flight) и 710-е звено информационных операций (710th Information Operations Flight). Это место выбрано не случайно, по меньшей мере по техническим и коммуникационным причинам, и прежде всего — в силу непосредственной близости к смежным объектам кибервойск — 67-му сетевому крылу космического командования ВВС, разведуправлению ВВС, Техасскому криптологическому центру Агентства национальной безопасности, объединенному командованию информационных операций, а также группе криптологической поддержки ВВС. Он будет обеспечивать потребность космического командования ВВС США и управление резерва ВВС страны.

Министерство национальной безопасности Америки начало осуществлять программу по набору сотрудников, которые займутся обеспечением

безопасности высоких технологических систем. В течение ближайших трех лет в ведомство будут приняты на работу тысячи экспертов по кибербезопасности, разработчиков программного обеспечения, ИТ-аналитиков и инженеров, имеющих опыт расследования взломов и хакерских атак. По существу, в США создаются кибервойска, то есть специальные подразделения, которые будут обеспечивать безопасность компьютерных государственных систем, бороться с хакерами, организованной киберпреступностью и компьютерным терроризмом, боевыми электронными атаками. Аналогичные по характеру меры проводятся также в Израиле, Великобритании, Франции, Китае и др.

В стратегии национальной безопасности США, принятой в 2010 году, в отличие от предыдущей редакции (2005 год), впервые появился пункт о кибербезопасности. Представляя новую стратегию, директор национальной разведки страны Денис Блэр прямо заявил, что власти США «должны агрессивно действовать в киберпространстве — как защищая собственные секреты, так и воруя тайны других». Причем подчеркнул, что «Китай чрезвычайно агрессивен в киберпространстве. Так же действуют и Россия и другие».

Судя по данным периодической печати, в США доктрина кибервойны интенсивно разрабатывается, более того — приближается к завершению. В той или иной степени на ее характер проливают свет ряд основополагающих принципов грядущей стратегии, представленных Уильямом Линном III в статье «Киберстратегия Пентагона»⁷, где особо подчеркивается, что кибероборона должна выйти за рамки военных кибердействий и распространяться на коммерческие сети согласно задачам обеспечения национальной безопасности. Автор одного из комментариев к этой статье отмечает, что изыскиваемые возможности позволят Соединенным Штатам «искажать, опровергать, приводить в негодность и уничтожать» информацию и компьютеры по всей планете. Так или иначе сообщение подтверждает глава нового киберкомандования (ARFOR CYBER) генерал Кейт Александер: «Мы должны иметь наступательные возможности, чтобы в режиме реального времени отключить тех, кто пытается напасть на нас». Несколько раньше он сравнивал интернет-атаки с оружием массового поражения и, судя по последним выступлениям, намерен давать им соответствующий отпор.

В настоящее время кибератаки превратились едва ли не в постоянную практику. В аналитическом отчете, подготовленном фирмой «McAfee» на основе документов и материалов исследовательских структур НАТО, ФБР и британского агентства по организованной преступности⁸, утверждается, что более 120 стран

⁷ См. «Foreign Affairs». 2010. № 09—10.

⁸ См. www.mcafee.com/us/research/cziminologie_report/defavet.htm

используют Интернет в качестве инструмента для нападений на правительственные компьютерные системы других государств, финансовые рынки и стратегически важные объекты инфраструктуры. Эксперты фирмы отмечают, что им неизвестно ни одной страны, спецслужбы которой не занимались бы интернет-операциями против других государств. Разведслужбы систематически исследуют зарубежные сети с целью выявления слабостей и возможностей проникновения, причем технологии взлома развиваются стремительно и с каждым годом становятся все сложнее и изощреннее. По словам Дж. Грина, вице-президента исследовательского центра «McAfee Avert Labs», «киберпреступления становятся глобальной проблемой, они развелись уже настолько, что угрожают не просто отдельным лицам или компаниям, но и национальной безопасности».

Известный эксперт по оборонным аспектам компьютерной безопасности Э. Павлович в одном из последних выступлений объявил, что США находятся в состоянии активной кибервойны и реализуют секретные программы по защите своих сетей. Доклад был основан на закрытом отчете генерала Дж. Картрайта, заместителя председателя Объединенного комитета начальников штабов США. Как полагают военные, война в киберпространстве находится в самом разгаре, и Америка отбивается от массированных кибератак. За 2007 год зафиксировано 37 тысяч взломов правительственных

⁹ См. «Компьютерра». 2007. № 47–48. С. 20.

и бизнес-сетей, около 13 тысяч нападений на федеральные агентства и 80 тысяч попыток сетевых атак на системы министерства обороны⁹. К этому добавим, что в результате дерзкого акта в мае 2001 года хакерской атакой «отказ обслуживания» почти на три часа был парализован веб-сайт Белого дома.

Массированным кибератакам подвергается и Россия. По словам бывшего директора ФСБ Н. Патрушева, только в 2005–2006 годах было зафиксировано свыше 2 миллионов случаев компьютерного нападения на защищаемые ФСБ России ресурсы органов государственной власти, в том числе

¹⁰ См. «Аргументы и факты». 2007. № 10. С. 4.

300 тысяч нападений на интернет-представительство Президента Российской Федерации¹⁰. Если учесть заявление Патрушева, что в 2003 году аналогичного рода нападений на сайт Президента России было произведено только 100 тысяч, а на интернет-представительство государственной власти — 730 тысяч кибератак, то можно сделать вывод о внушительном росте электронных нападений за весьма короткий срок.

Ежегодный ущерб американских военных объектов и коммерческих предприятий от кибератак, совершенных с помощью информационных технологий только через Интернет, достигает 5–7 миллиардов долларов; еще не менее 3 миллиардов теряются из-за взломов и повреждений локаль-

ных сетей. Неоднократно проводимые Пентагоном, ФБР комплексные учения по инициации скрытого проникновения в информационные системы военного назначения, обычно более защищенные, чем гражданские, показали, что в среднем в 88 процентах случаев такие атаки увенчались успехом и лишь 4–5 процентов попыток дистанционного несанкционированного доступа были своевременно обнаружены и пресечены. Для основательной защиты локальных сетей и компьютеров страны указом президента было сформировано новое кибернетическое командование (U. S. Cyber Command – USCYBERCOM) – подразделение вооруженных сил США. В первую очередь оно должно противостоять массированным кибератакам на военные и иные критически важные объекты страны.

В США появился тезис о том, что «на смену войне с терроризмом приходит кибервойна»¹¹. Об опасности этого явления и соответствующем насилии в мире рассуждали участники пресс-конференции, посвященной открытию в Москве очередной конференции и выставки Международного союза электросвязи (МСЭ) «Telecom World». «Следующая мировая война может начаться в киберпространстве, — утверждает Хамадун Туре, генеральный секретарь МСЭ. — Если такая война случится, то ситуацию, возможно, не удастся урегулировать обычными дипломатическими средствами, здесь нет стран, организаций, нет обычных держав, каждый гражданин — сверхдержава. Собрав армию “ботов”, то есть зараженных компьютеров, почти любой человек может стать грозной силой в виртуальном сражении». Это, по его мнению, наглядно продемонстрировал ряд недавних атак, направленных на отказ в обслуживании, жертвами которых становились цели в разных странах мира¹².

Директор Агентства национальной безопасности (АНБ) США, крупнейшей в мире службы радиоэлектронной разведки, выступая в конгрессе, объявил о практически принятом решении администрации создать новую структуру — стратегическое киберкомандование, в котором будут сконцентрированы все рычаги управления как оборонительными, так и наступательными силами Америки в мире компьютерных сетей. Он даже сообщил о будущем месте его дислокации: это штаб-квартира АНБ в Форт-миде (штат Мэриленд).

Со слов одного из главных военачальников США, возглавляющего стратегическое командование страны, американские вооруженные силы не делают принципиальных различий между войной в киберпространстве и военными конфликтами в реальном мире. А посему он не исключил вариант, когда в ответ на серьезную интернет-атаку по неприятелю будут наноситься удары «кинетическим» оружием вплоть до ядерного. Отсюда

следует, что при определенных обстоятельствах кибервойна из виртуальной перерастет в реальную, физическую, естественно, с разрушениями и кровью.

Следует также принять во внимание высказывание главы стратегического командования США генерала Кевина П. Чилтона. Он исходил из того, что в случае киберагрессии будет применяться закон о вооруженных конфликтах. Поэтому ответный удар необязательно будет ограничен киберпространством. Таким образом, если американцы посчитают, что на страну совершена массированная кибератака, которая может вывести из строя коммуникационные сети, важнейшие системы жизнеобеспечения населения и военные объекты, они намерены отвечать ассиметрично с использованием современных видов оружия:

1. *Лазерное оружие* (High Energy Lasers) — оружие направленной передачи энергии, поражающее тонкий поверхностный слой мишени.

2. *Пучковое оружие* (Particle Energy Weapons) — оружие направленной передачи энергии с глубоким проникновением в материал мишени. Основное повреждающее воздействие состоит в нанесении радиационного ущерба, к которому более всего чувствительны элементы полупроводников радиоэлектроники.

3. *Оружие, аналогичное по своему действию электромагнитному импульсу от ядерного взрыва* (Electro Magnetic Pulse Weapons), — например, пучки волн миллиметрового диапазона или сильноточные пучки заряженных частиц, излучающиеся в широком спектре частот. Заметим, что ядерные взрывы сопровождаются мощными импульсами электромагнитного излучения, поражающие электронику на расстоянии до тысячи километров. В качестве целей для такого оружия могут рассматриваться цепи питания и управления баллистических ракет, а также системы спутников и боевых станций космического базирования.

4. *Кинетическое оружие* (Kinetic Energy Weapons) — это баллистические за-

¹³ См. «США & Канада: экономика, политика, культура». 2010. № 8. С. 76–77.

ряды или аппараты, имеющие систему нападения (самонаведения), которые разгоняются до больших скоростей и поражают цель путем ее механического разрушения¹³.

Говоря о кинетическом оружии, следует иметь в виду два типа его применения: переход на обычные средства разрушения и уничтожения материальных и духовных объектов, которые лежали в основе всех предшествующих войн, и электронные, которые также вызывают материальные разрушения. Для примера можно привести действие новейшего вируса, созданного, по мнению ряда экспертов, израильскими программистами, — «Stukneta», который затормозил действие нескольких тысяч иранских газовых центрифуг по производству атомного оружия на несколько лет. Со-

гласно отчетам МАГАТЭ, несколько блоков центрифуг на заводе в Натаизе были отключены, производительность упала на 30 процентов. По мнению экспертов, вирус создан не для кражи данных и не для отказа в доступе. Он манипулирует системой управления производственным оборудованием, что приводит к физическому нарушению функционирования объекта и электронным авариям. «Мудрость» вируса состоит в том, что, нарушая технологию функционирования материальных систем, он одновременно информирует контрольные органы, что все обстоит нормально. По мнению экспертов, реальные последствия вируса превосходят все те угрозы, которые наблюдались в прошлом.

В 2010 году было зафиксировано проникновение программы «Stuknet» в сотни тысяч производственных компьютерных систем по всему миру. Так, к апрелю 2011 года к счастью неактивированный, но вполне работоспособный «Stuknet» был обнаружен более чем в половине компьютерных систем немецких энергетических компаний, а также трубопроводных операторов коммунального и промышленного распределения природного газа и воды. Аналогичная степень данного вирусного заражения была подтверждена во Франции, Индии и других странах. По экспертным оценкам, вирус является одним из первых образцов высокоточного вирусного оружия избирательного действия. Этому вирусу (точнее – троянскому вирусному червю) в Вашингтоне 17 ноября 2010 года было посвящено специальное электронное заседание сенатского комитета по внутренней безопасности и правительственной деятельности.

Специалисты полагают, что первым случаем применения кибероружия в кинетическом плане против России считается взрыв на Сибирском газопроводе «Уренгой – Сургут – Челябинск» в 1982 году. Газопровод имел стратегическое значение для страны, так что США были кровно заинтересованы в подобном ЧП. В начале 1980-х президент Р. Рейган якобы одобрил план диверсии против экономики противоборствующего партнера, и нашим компьютерщикам была передана программа, содержащая скрытые дефекты. Они впоследствии и спровоцировали взрыв газопровода¹⁴.

¹⁴ См. Д. Писаренко. Кибервойны. Одной клавишей компьютера можно уничтожить страну. — «Аргументы и факты». 2011. № 36. С. 15.

Приведенные выше факты дают возможность подойти к концептуальному пониманию кибервойны. На данный момент не существует общепринятых определений понятий «кибервойна» (cyber war) и «боевые действия в киберпространстве» (cyber warfare). Так, известный эксперт по ИТ-безопасности Брюс Шпайер¹⁵ предлагает следующие варианты. «Кибервойна», по его мнению, — это военные действия в киберпространстве. Сюда входят боевые атаки военных как против вооруженных сил государств (например, выведения из строя

¹⁵ См. «Компьютерра». 2008. № 3. С. 28.

критических каналов связи противника), так и против гражданского населения. «Кибертерроризм», по его мнению, — это использование киберпространства для совершения терактов. В качестве примера приводятся сетевые атаки на компьютерные системы ядерной электростанции с целью вызвать аварию на ней, или спровоцированный атакой на АСУ сброс колоссальных масс воды, сдерживаемых плотиной, или нарушения в работе диспетчерской службы аэропорта, чтобы спровоцировать столкновения самолетов.

Эксперт по безопасности правительства США Ричард А. Кларн в своей книге «Кибервойна» (2010) утверждает, что кибервойна — «это действие одного национального государства с целью проникновения в компьютеры или сети другого национального государства для достижения задач нанесения ущерба или разрушения». Достоинство этой формулировки состоит в том, что в ней отражен основной субъект кибердействий. Но ведь существуют и другие субъекты такого рода: группировки корпораций, самостоятельные преступные группы, хакеры, которые о себе в киберпространстве заявляют все активнее и которые способны не только спровоцировать кибервойну, но и принять в ней непосредственное участие.

Попытаемся вывести собственное определение кибервойны и для начала обратимся к классической трактовке сути традиционной войны, данной К. Клаузевицем: «Война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами»¹⁶. Вспомним также, что «политика есть концентрированное выражение экономики»¹⁷, что весьма важно, поскольку экономическими интересами обладают не только государства, но и крупные корпорации — эти своеобразные государства в государстве. Тем более что бюджеты ряда транснациональных компаний превосходят бюджеты многих государств, а «при 300 процентах прибыли

¹⁶ *Цит. по:* В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 278.

¹⁷ К. О. Клаузевиц. О войне. Т. 1. М., 1936. С. 54.

¹⁸ К. Маркс. Капитал. М., 1951. Т. 1. С. 35. нет такого преступления, на которое он (капитал. — А. Е.) не рискнул бы»¹⁸.

При изложении специфических признаков кибервойны целесообразно начать с предыстории, которая представлена киберпреступностью и кибертерроризмом. Вырисовывается своеобразная цепочка: киберпреступления — кибертерроризм — кибервойна. Киберпреступления — первый шаг в использовании электронных технологий в деструктивных, разрушительных целях, для нарушения правовых норм и свобод граждан. Это процесс, в ходе которого субъект (индивид или группа людей) с помощью компьютера совершает несанкционированное проникновение в другие компьютеры, местные, отраслевые, региональные, глобальные отраслевые сети с целью получения определенных выгод, материальных и духовных преимуществ. Информационное поле для преступления представляет собой Интернет.

Это преступление не имеет пространственных и временных ограничений и никаких правовых и нравственных препятствий, обладает множеством форм и разновидностей, начиная от фишинга, фарминга, киберсквоттинга и кончая элементарной кражей кредитных карт. В киберпреступлениях широко используются вредоносные программы.

Так, по данным Association of Certified Fraud Examiners (Ассоциации экспертов по мошенничеству), американские компании теряют в среднем около 6 процентов доходов из-за инцидентов, связанных с различными способами обмана и воровства информации. Легко подсчитать, что общий объем ущерба составил 660 миллиардов долларов. В Великобритании в 2007 году на 25 процентов увеличились потери от мошенничества с кредитными и дебетовыми банковскими картами; ущерб составил 535 миллионов фунтов стерлингов (около 1 миллиарда долларов). Каждый четвертый британец, активно пользующийся Интернетом, хотя бы раз в жизни становился жертвой фишинга, а каждый шестой пострадал от прочих видов онлайн-мошенничества.

По мере роста возможностей информационно-компьютерных технологий, приобретения опыта преступными группировками и хакерами стал возникать и набирать силу кибертерроризм. Его отличают:

- более высокая степень организации преступных действий, формирование специализированных боевых групп;
- рост масштабов преступлений и уровня разрушений;
- нацеленность на целые страны и прежде всего их жизненно важные объекты – военные, экономические, коммуникационные, транспортные, энергетические и др.;
- переход к действиям планетарного масштаба.

По данным РИА «Новости» (04.04.2004), в Италии десятки тысяч персональных компьютеров у частных пользователей и организаций «зависли» и отключились на длительное время. Особенно от этой диверсии пострадали транспортные компании, в частности итальянские железные дороги и государственная почта. Произошел сбой также в сети компьютеров МВД Италии. Но эта ситуация вышла за рамки страны. В соответствии с данными экспертов, около 300 миллионов компьютеров в мире стали жертвами вируса «Sasser», что явилось серьезным ударом по мировой экономике. По расчетам зарубежных специалистов, только элементарное отключение компьютерных сетей привело бы к разорению 20 процентов средних компаний и около 33 процентов банков в течение нескольких часов; 48 процентов компаний и 50 процентов банков потерпели бы крах в течение нескольких суток.

Информационно-компьютерные технологии, электронные средства способны снести барьеры географической ограниченности, и тогда воз-

никает вопрос: что это за новейший тип войны — кибервойна, не имеющая никаких пространственных берегов и временных границ? Она возникает как следствие первых форм компьютерной преступности и электронного разбоя, вобрав в себя новейшие формы и способы, всю мировую практику негативного деструктивного воздействия на общество, организации, людей и перевода его на более высокий уровень. В англоязычной литературе выделяют «холодную» и «горячую» кибервойны. «Холодная» война — это еще не состоявшаяся «горячая», в известном смысле это — преддверие «горячей» войны.

«Горячая» кибервойна, к счастью, еще не заявила о себе, поэтому ее контуры просматриваются весьма смутно. Тем не менее некоторые ее потенциальные признаки с учетом опыта «холодной» кибервойны, а также военных событий в зоне Персидского залива, зафиксировать можно. Итак, «горячая» кибервойна характеризуется следующими признаками:

- основное оружие сражений — компьютер, поле битвы — виртуальное пространство (Интернет);

- физическая неосязаемость противника, контакты с которым носят сугубо информационный характер;

- компьютерные атаки возможны как извне, так и изнутри страны;

- военные действия всех против всех (в них могут принимать участие государства, организации, группы и хакеры-индивиды);

- каждый субъект боевых действий с помощью космической связи в состоянии установить свои географические координаты и целенаправленно двигаться в указанном направлении;

- любой командир, начиная от главнокомандующего и заканчивая командиром отделения, может по электронной связи установить контакт с каждым рядовым бойцом;

- автоматизированные системы управления боем превратятся в обычное явление.

А главное — применение кинетического оружия. В этом случае кибервойна превращается в обычную, традиционную войну с ее материальными и духовными разрушениями и гибелью людей. Следует добавить, что, в отличие от традиционных локальных конфликтов, цифровая война неизбежно превратится в глобальное явление. Кибервойна — это гигантская совокупность электронных атак на объект (и, соответственно, его защита). Такими объектами могут оказаться информация, программы, компьютеры, связь, глобальные и локальные сети. Нападение осуществляется в интересах совершения насилия над людьми, организациями и странами и влечет за собой потерю здоровья, гибель лиц, причинение материального и морального ущерба, нарушение инфраструктуры и общественного порядка, в конечном итоге — паралич жизнедеятельности страны.

В странах НАТО и в Китае рассматриваются три основных сценария ведения возможных будущих кибервойн. *Первый*, наиболее опасный, представляет собой неожиданную атаку на автоматизированные информационные системы управления важнейшими государственными и коммерческими объектами – атомной промышленностью, железными дорогами, топливными трубопроводами, насосными станциями, нефте- и газохранилищами, линиями электропередач и аэропортами. Разрушения, к которым могут привести атаки и операции, вполне сопоставимы по масштабу с последствиями реальных бомбардировок. *Второй* сценарий предполагает атаку на ключевые интернет-ресурсы, коммуникационное оборудование, веб-сайты и внутренние сети государственных органов. Взлом и блокировка этих систем неизбежно приведут к хаосу и параличу государственного управления. *Третий* сценарий предусматривает использование особых методов скрытого кибернетического воздействия на противника с помощью новых активно разрабатываемых программных и аппаратных средств для повышения эффективности традиционных военных действий¹⁹.

¹⁹ См. «США & Канада: экономика, политика, культура». 2011. № 7. С. 32–33.

Вообще говоря, широкомасштабное скоординированное нападение государств, преступных групп, хакеров способно привести в атакованной стране к остановке деятельности основных экономических структур (банков, бизнеса и т. д.), прекращению работы транспортных средств, поставок электричества, нарушению работы транспортных связей, остановке подачи воды и т. д. Следствием этого явятся хаос, тотальная паника населения в конечном итоге паралич жизнедеятельности страны.

На Западе в Сети интегрирована не только вся экономика, но и системы контроля и коммуникаций жизненно и стратегически важных объектов, ядерной и химической промышленности, электроснабжения, а также транспорта. По мнению экспертов, вражеская кибератака может нанести им ущерб больший, чем ядерный удар. Особый интерес вызывают так называемые электронные правительства, которые превратились в средоточие, своеобразные банки данных общегосударственного характера; атаки на них могут нарушить целостность государства. В США группа экспертов во главе с бывшим госсекретарем США Мадлен Олбрайт пришла к заключению, что компьютерная атака против жизненно важных инфраструктур стран европейского альянса должна приравняться к вооруженному нападению.

Ныне функции цифровой защиты страны, во всяком случае в США, превратились в прерогативу государства. Как заявил высокопоставленный сотрудник оборонного ведомства США Джэймс Миллер, Пентагон может дать вооруженный ответ в случае кибератаки на свою компьютерную сеть. Между тем эксцессы стали возникать все чаще. В октябре 2010 года президент

США Б. Обама проинформировал о том, что в результате кибернападения военные страны почти на час потеряли контроль за 50 из 450 американских межконтинентальных баллистических ракет (девятая часть арсенала) на базе ВВС «Уоррен». Несмотря на высокий уровень секретности, стало известно также о взломе авиадиспетчерской системы военного ведомства США. Согласно сообщениям сотрудников Пентагона, взломавшие эту базу хакеры могут отслеживать находящиеся в полете самолеты ВВС. Возникает вопрос: что произойдет, если эта информация попадет террористам, потенциальным агрессорам? Ведь координаты движения самолетов открыты.

Трудно согласиться с теми авторами, которые полагают, что кибератаки станут неотъемлемой частью военных конфликтов только в ближайшие два-три десятилетия²⁰. Реальный опыт боевых действий свидетельствует, что эти процессы уже совершались в недалеком прошлом, в частности в ходе военных операций США и союзников в Кувейте и Иране. Если учесть тот факт, что эффективность информационно-компьютерных технологий (суперкомпьютеры, ПК, космическая и мобильная связь, электронная почта, локальные сети и т. д.) растет стремительно, можно со значительной долей уверенности предположить, что эти технологии вполне могут быть использованы в военных целях уже сегодня.

Уже в 2009 году в одной из статей газеты «Нью-Йорк таймс» констатировался факт начала международной гонки кибервооружений и оборонительных систем, которую можно сравнить с развитием событий после появления атомной бомбы. Если кибервойна станет реальностью, это, видимо, будет ужасающий гибрид виртуальной и реальной (физической) войн. Однако на эту перспективу нельзя смотреть с точки зрения фатализма. Много зависит от самого человечества. Известно, что ряд стран (Германия, Франция, Великобритания и др.) разрабатывают проекты международных соглашений о запрете ведения кибервойны в глобальной сети. Кроме того, появились данные, свидетельствующие о том, что США, Россия и ООН приступили к переговорам в сфере обеспечения безопасности в Интернете и ограничения использования кибердействий. Теперь дело за тем, чтобы к этим процессам были привлечены все государства планеты и общественные организации, заинтересованные в сохранении мира и стабильности на Земле.

В шаге от пропасти

Представленная ниже статья написана лидером Коммунистической партии Германии, видным представителем международного коммунистического и рабочего движения Эрнстом Тельманом (1886–1944). Она посвящена осмыслению политики германских коммунистов, начало которой положили решения VI Конгресса Коммунистического Интернационала (Коминтерна) (17 июля – 1 сентября 1928 года). Именно тогда впервые была поставлена задача противостояния «социал-фашизму» – то есть социал-демократам и социалистам.

Дальше – больше: XI пленум ИККИ (март–апрель 1931 года) охарактеризовал развитие социал-демократии как «непрерывный процесс эволюции к фашизму».

На первый взгляд упорство коммунистов было попросту нелогичным: их силы так часто оказывались несопоставимыми с силами социал-демократов, что нападки на последних воспринимались, как лай москы, атакующей слона. Достаточно сказать, что к концу 1920-х годов (данные на 1928-й) численность членов компартий (за исключением СССР) не превышала 1 миллиона 516 тысяч человек, тогда как партии Социалистического Интернационала (Социнтерна) в совокупности насчитывали 6 миллионов 637 тысяч человек. Так стоила ли игра свеч?

Однако, лишь вчитавшись между строк статьи Тельмана, можно понять всю сложность создавшейся обстановки. В конкретной политической ситуации Германии 1920–1930-х годов коммунисты и социал-демократы были разведены по разные стороны баррикад вовсе не только (да и не столько) происками и ошибками партийных вождей – и берлинских, и московских. Не следует забывать, что начиная с Ноябрьской революции 1918 года немецкая социал-демократия (СДПГ) являлась одним из столпов Веймарской Германии.

Именно социал-демократ Фридрих Эберт (1871–1925) стал первым президентом Веймарской республики. Именно СДПГ инициировала создание политического блока «Reichsbanner Schwarz-Rot-Gold» («Черно-красно-золотого государственного флага») – блока СДПГ, Партии Центра и НДП в защиту парламентской демократии (1924). Наконец, именно социал-демократ Густав Носке (1868–1946) жестоко подавил выступления немецких коммунистов. Это его

* Под этим псевдонимом скрывался швейцарский коммунист Эдгар Воог (1898–1973).

люди без суда и следствия расстреляли Карла Либкнехта (1871—1919) и Розу Люксембург (1871—1919), стоявших у истоков КПП.

Социал-демократы извояли Веймарскую республику такой (или почти такой), какой хотели ее видеть. Коммунисты ставили своей целью ее ниспровержение. Отказаться от своей позиции в реальных условиях 1920—1930-х годов означало для них утрату самой цели существования, растворение в море социал-демократии — многократно превышавшей коммунистов количественно и всеми силами стремившейся уничтожить «раскачивавших лодку государства» «смутьянов». Это «охранительство» у коммунистов, еще помнивших быструю эволюцию Бенито Муссолини от социализма к фашизму, не вызывало ничего, кроме презрения.

Резкое размежевание казалось самым оптимальным шагом: не случайно в течение всех 1920-х численность коммунистов нарастала в геометрической прогрессии: во всем мире (без СССР) она увеличилась почти в три раза, а социал-демократов — едва на 5 процентов. И вполне закономерно в своей статье самые желчные слова Э. Тельман обрушивает не на буржуазных, а именно на социал-демократических политиков: Карла Зеверинга (1875—1952), министра внутренних дел Пруссии, добившегося в 1929 году запрета Союза красных фронтовиков (военизированной организации КПП); Отто Вельса (1873—1939), председателя СДПГ (1919—1933) и ее фракции в рейхстаге; Отто Брауна (1872—1955), бывшего кандидата от СДПГ на президентских выборах 1929 года, и Рудольфа Брейтшейда (1874—1944), депутата рейхстага, главного эксперта СДПГ по внешней политике. А плебисцит, упоминаемый в статье, — это не что иное, как референдум 1931 года в Пруссии, направленный на свержение там социал-демократического правительства. Коммунисты поддержали в нем нацистов. Тогда казалось, что иначе просто нельзя. Как нельзя было не раскалывать АДГБ (Allgemeiner Deutscher Gewerkschaftsbund) — крупнейший профсоюз Германии, тесно связанный с СДПГ, в противовес которому коммунисты в декабре 1929-го создали собственный профсоюз РГО — Revolutionäre Gewerkschafts Opposition.

В начале 1930-х, когда писалась статья Э. Тельмана, никто и не мог предположить, как сложатся судьбы людей, в ней упомянутых. У лидеров СДПГ и КПП они оказались весьма схожими. К. Зеверинг, О. Вельс, О. Браун и Р. Брейтшейд покинули Германию. О. Вельс, 23 марта 1933 года ставший единственным депутатом, решившимся открыто выступить против нацистского Закона о чрезвычайных полномочиях, умер в эмиграции. К. Зеверингу и О. Брауну не суждено было вернуться в немецкую политику даже после краха нацизма. А вот пламенный критик коммунистов Р. Брейтшейд был выдан французскими коллаборационистами Гитлеру и в итоге оказался в концлагере «Дахау» — там же, где и автор представленной ниже статьи. Их ждала общая участь — быть убитыми нацистскими палачами.

Вероятно, лишь на пороге смерти прежние разногласия показались им несущественными. Впрочем — кто знает...

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ЦК ВКП(б)

№ 22 30 ноября 1931 Г.

Год издания VIII

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Адрес редакции:

Москва, 9, Тверская, 48
Тел. 1-21-16, Кремль 3-93

О некоторых теоретических и практических ошибках КПГ и путях их ликвидации

Эрнст Тельман

На рубеже 1930—1931 года, когда мероприятия правительства Брюнинга в политической и экономической областях выявили чрезвычайное обострение политической реакции и наступления на жизненный уровень трудящихся масс, — коммунистическая партия Германии клеймила правительство Брюнинга перед массами германского пролетариата и всех трудящихся как правительство проведения фашистской диктатуры.

В чем был смысл тогдашней политики КПГ?

Социал-демократия, которая по изгнании ее из общегерманского правительства весной 1930 года и вплоть до выборов в рейхстаг 14 сентября прошлого года проводила мнимую «радикальную» оппозицию, после выборов в рейхстаг открыто примкнула к брюнинговскому фронту. Она прикрывала, облегчала и сама энергичнейшим образом проводила все реакционные, антинародные мероприятия, развернутые господствующей буржуазией. Чтобы замаскировать перед массами фашистский характер и классово-предательскую сущность своей политики толерантности* в отношении Брюнинга, социал-демократия изобрела теорию так называемого «меньшего зла». Правительство Брюнинга — так вожди СПГ уверяли массы, — по сравнению с правительством Гитлера — Гугенберга является меньшим злом, оплотом против фашизма. А потому его надо поддерживать. В противовес постыдной попытке СПГ удержать массы от борьбы против классового врага, против диктатуры буржуазии, — указанием на

* Терпимости, лояльности.

угрозу фашистской диктатуры исключительно со стороны правительства Гитлера, — КПГ должна была ярко осветить перед широкими массами классовую сущность диктатуры Брюнинга, подлинную сущность фашизма, особую роль национал-социалистов и связь между господством Брюнинга, СПГ и гитлеровским движением. Лишь в этом случае удалось бы расстроить обманный маневр социал-демократии и направить антифашистскую энергию самых широких масс для борьбы против диктатуры буржуазии и ее носителя — правительства Брюнинга — Зеверинга.

КПГ опровергла лживую басню социал-демократии о роли правительства Брюнинга как «последнего оплота демократии»; компартия показала массам, что правительство Брюнинга, а в полном согласии с ним и правительство Брауна — Зеверинга, само совершило переход к фашистским методам господства при осуществлении диктатуры буржуазии. Этим самым КПГ разоблачила в то же время терпимость СПГ и АДГБ* по отношению к Брюнингу как помощь фашизму.

Эта политическая установка — причем некоторые ошибочные формулировки в анализе были быстро исправлены — дала КПГ возможность сравнительно успешно повести наступление на систему Брюнинга и ее социал-демократические опорные пункты. В связи с этим национал-социалистическое движение было ЦК КПГ правильно охарактеризовано как вторая внепарламентская опора буржуазной диктатуры наряду с социал-демократией.

Соответствующие решения январского пленума ЦК КПГ, несомненно, подтверждены дальнейшим ходом событий.

Однако, подвергнув основательной проверке всю практическую политику и кампании нашей партии в 1931 году, мы вынуждены констатировать, что наши решения не всегда в полном объеме проводились в жизнь. Так было с январскими и майскими решениями пленума нашего ЦК и еще в большей мере с решениями XI пленума ИККИ. Мы хотя и популяризировали их в наших рядах, однако не повсеместно и не всегда проводили их в жизнь в нашей повседневной работе.

Большевистская самокритика служит для нас важнейшим средством, чтобы путем конкретизации нашей классовой линии помочь партии и массам пролетариата при разрешении огромных исторических задач, стоящих перед германским рабочим классом и его революционным вождем — КПГ. В порядке этой большевистской самокритики наш долг вскрыть в нашей революционной массовой работе ряд идеологических отклонений, политических недостатков и политических ошибок, находящихся в противоречии с решениями XI пленума ИККИ и пленумов нашего ЦК.

Какие ошибки заслуживают особого внимания?

Во-первых, недостатки в борьбе с социал-демократией и при применении политики единого фронта; во-вторых, ошибки при применении лозунга народной революции; в-третьих, недостатки в борьбе против национал-социализма;

* АДГБ — всеобщее объединение германских профсоюзов — реформистское.

в-четвертых, отдельные уклоны у коммунистов, в первую очередь на периферии партии в вопросах перспективы и индивидуального террора.

Разумеется, во всех этих четырех основных вопросах мы имеем дело не с политическими ошибками партии в *целом* как результатом вполне определенной и противоречащей решениям Коминтерна политической идеологии. Сейчас, при наличии у КПГ богатого революционного опыта, такие отклонения в нашей коммунистической партии от линии Коммунистического интернационала вряд ли возможны. Дело касается скорее ошибок или же просто недостатков и неясностей в отдельных звеньях партии и отклонений, возникающих порою благодаря недостаточному идейно-политическому воспитанию отдельных товарищей и функционеров нашей партии, или недостаточному пониманию ими решений, принятых Коминтерном и съездами компартии Германии.

Но и за такие явления всю ответственность несет КПГ в целом и ее Центральный комитет в первую очередь. Пропустить их, не исправив или хотя бы не сделав из них необходимых выводов, значило бы отказаться от необходимой, неослабной, упорной работы по большевизации нашей партии. Вне всякого сомнения, наш долг в процессе нарастания революционных задач поднимать партию в каждый данный момент на высшую ступень политической зрелости, уменьшать таким образом несоответствие между объективными и субъективными факторами революционного развития и ликвидировать отставание партии от темпа революционного подъема.

Пренебрегая серьезной самокритикой, мы поддались бы тому «головокружению от успехов», с которым боролся и которое решительно критиковал т. Сталин полтора года тому назад, констатируя его в некоторых звеньях ВКП(б).

Из названных выше четырех вопросов, в которых выявились такие слабые стороны в наших рядах, первые три вопроса целесообразно будет осветить не в отдельности, а все вместе. Дело в том, что неправильные толкования, недостатки и отклонения в нашей работе и в нашей политике по линии этих трех проблем — борьбы против социал-демократии, борьбы против национал-социализма и применения лозунга «народной революции» — теснейшим образом связаны друг с другом.

* * *

Сделанный партией на январском пленуме ЦК правильный анализ роли правительства Брюнинга — как подчеркнул XI пленум ИККИ — уже сам по себе давал партии ключ для правильной постановки проблемы как в деле ожесточенной борьбы против социал-демократии и против гитлеровского движения, так и при освещении вопросов развития фашизма.

Основой нашей линии в вопросе о фашизме и о социал-фашизме является указание тов. Сталина по этому вопросу:

«Фашизм есть боевая организация буржуазии, опирающаяся на активную поддержку социал-демократии. Социал-демократия есть объективно умеренное крыло фашизма. Нет основания предположить, что боевая организация буржуазии может добиться решающих успехов в боях или управлении страной без активной поддержки социал-демократии.

Столь же мало основания думать, что социал-демократия может добиться решающих успехов в боях или управлении страной без активной поддержки боевой организации буржуазии. Эти организации не отрицают, а дополняют друг друга. Это не антиподы, а близнецы...» (Сталин).

На XI пленуме ИККИ с полной ясностью была выявлена классовая сущность диктатуры Брюнинга и ее оплотов — СПГ и национал-социалистов. Пленум ИККИ указал также, чем должна руководствоваться германская компартия при анализе вопроса, против кого должен быть направлен главный удар в ходе борьбы. Ответ на этот вопрос зависит: во-первых, от политики буржуазии в каждый данный момент в рамках общей расстановки классовых сил и, во-вторых, от постановки революционных задач коммунистической партии.

Как обстоит дело с первым вопросом в Германии? XI пленум ИККИ охарактеризовал социал-демократию как главную социальную опору буржуазии и указал на правильность такой формулировки в частности и применительно к Германии. Действительно, последующий ход развития как в Германии, так и во всех прочих капиталистических странах, целиком подтвердил правильность этого тезиса Коминтерна.

За последнее время произошли перемены в правительстве Брюнинга. Путь этим переменам расчистило наступление правого крыла партии центра (фон Папен) и народной партии (Дингельдей). В основе таких политических выступлений с заявлением о необходимости поворота вправо лежало предъявленное Брюнингу промышленными заправилами требование самого решительного заострения политического курса согласно пожеланиям тяжелой промышленности. Выход из правительственного кризиса непосредственно накануне последней сессии рейхстага закончился тем, что в общегерманское правительство не вошли представители тяжелой индустрии — главная носительница инфляционистских тенденций — но в него вошел в качестве министра народного хозяйства Вармбольд, уполномоченный химической промышленности, И. Г. Фарбен-Индустри, — крупнейшего и сейчас руководящего капиталистического концерна Германии.

Дальнейший поворот вправо правительства Брюнинга выразился в вынужденном уходе из правительства министра внутренних дел Вирта и сосредоточении в руках Гренера министерства внутренних дел и министерства рейхсвера и, следовательно, в росте удельного веса рейхсверовского крыла (Гренер — Гинденбург) в общегерманском кабинете.

В связи с формированием этого правительства имели место закулисные переговоры правительств или Гинденбурга и генерал-лейтенанта Шлейхера (глава разведки в министерстве рейхсвера) с вождем национал-социалистов Адольфом Гитлером. Результатом этих переговоров, нашедших свое выражение в полемике между «Германия», «Дойче альгемайне цайтунг» и «Фолькишер беобахтер», был отказ партии центра, этой руководящей правительственной партии германской буржуазии, пойти навстречу коалиционным тенденциям национал-социалистов. Тот факт, что непосредственно вслед за этим партия центра в Гессене, видимо, собирается уступить этим желаниям национал-

социалистов, как и факт переговоров вождей христианских профсоюзов с представителями партии Гитлера, показывает, что позиция партии центра, видимо, носит тактический и временный характер.

Теперь спрашивается: почему партия центра вообще допустила переговоры в масштабе Германии? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо учесть роль партии центра как руководящей партии германской буржуазии, представляющей решающие слои финансового капитала. Когда Гугенберг в свое время расколол германскую национальную партию, чтобы проводить свою политику, политику проведения правого курса и фашизации во всем лагере германской буржуазии, — он в то же время старался создать массовый базис для своей политики в лице национал-социалистов. Гугенберг исходил из необходимости «канализовать» партию Гитлера, как выражалась крупнобуржуазная пресса, то есть ввести ее в такие рамки, чтобы она была надежным орудием крупной буржуазии при проведении ею фашистской диктатуры. Эту функцию постоянной дрессировки партии Гитлера в духе крупного капитала народная партия неоднократно пыталась взять на себя.

В последнее время партия центра пытается осуществить и по отношению к национал-социалистам руководящую роль, которую она давно уже играет в отношении социал-демократии. Именно это и было, очевидно, причиной переговоров этой партии буржуазии и брюнинговского правительства с национал-социалистами.

Анализ причин срыва этих переговоров показывает, что для основных слоев финансового капитала, представленных преимущественно партией центра, главную роль тут, несомненно, сыграл вопрос о социал-демократии. Национал-социалисты по-прежнему не сумели в решающей мере проникнуть в гущу заводского пролетариата. Несмотря на ослабление СПГ благодаря успехам компартии, она по-прежнему является главной социальной опорой буржуазии и со своими миллионами последователей в АДГБ и в других рабочих организациях служит важнейшим массовым базисом для обеспечения диктатуры буржуазии и проведения ее. С другой стороны, в процессе общего роста национал-социалистического движения партия Гитлера в свою очередь складывается во все более и более сильную опору буржуазии. В ближайшее время, не позднее прусских выборов, это вновь поставит в порядок дня и вопрос об открытом участии национал-социалистов в правительстве.

Партия центра, уже в силу своей своеобразной социальной структуры обладающая сравнительно прочной поддержкой в массах, не в пример всем остальным крупнобуржуазным партиям, пытается создать широкий массовый базис для своей политики. Партия центра осуществляет это при помощи таких учреждений, как экономический совет и деловое сотрудничество, где она проводит родственной фашистской идеологии «кооперативный принцип» (единение народа) и налаживает сотрудничество партий от СПГ до национал-социалистов.

Таким образом, классовое содержание политики Брюнинга заключается, с одной стороны, в том, чтобы с помощью национал-социалистов ослабить,

подготовить и затем безраздельно использовать СПГ, эту главную опору капитализма в массах (Пруссия); с другой стороны, при помощи известных маневров держать в узде национал-социалистов и заставить их в большей степени играть служебную роль при диктатуре финансового капитала (Гессен).

Попеременное использование СПГ и национал-социалистов для диктатуры буржуазии; усиленное применение фашистских методов при проведении этой диктатуры правительством Брюнинга—Зеверинга и по-прежнему признаваемая и используемая буржуазией социал-демократия как главная социальная опора буржуазии, — таковы важнейшие факторы развития Германии со времени XI пленума ИККИ. Не служат ли эти факты полным подтверждением уроков и решений XI пленума ИККИ? Бесспорно — да.

В тезисах, принятых XI пленумом ИККИ, дан анализ того, в чем сказывается отставание коммунистических партий в вопросе фашизма. Там сказано:

«Повсюду, где коммунисты проявляют недостаточную активность в борьбе с правой опасностью внутри партий, шаблонизируя правильную тактику “класс против класса”, независимо от уровня коммунистического движения, не конкретизируя ее применения к особым условиям своей страны, отождествляя целиком социал-фашизм и фашизм, социал-фашистские верхи с рядовой социал-демократической рабочей массой, — они ослабляли свое самостоятельное руководство классовыми боями и наступательный характер своей борьбы против социал-демократии, позволяя ей этим самым делать маневры мнимой борьбы с фашизмом и обманывать идущие за ней массы».

Спрашивается, соблюдали ли мы в должной мере эти чрезвычайно важные принципы во всей нашей политике? Нет, не соблюдали. Это нетрудно доказать на примерах нашей общей агитации и пропаганды. Стоит заглянуть в любую коммунистическую газету Германии, а по всей вероятности, и в большую часть наших журналов, листовок, брошюр и проч., чтобы убедиться, что зачастую вместо конкретного анализа и характеристики обстановки, классовых сил, как этого требует XI пленум ИККИ, — там преподносились «заученные» схемы о фашизме.

Эти недостатки совершенно нетерпимы. К Зеверингу, Вельсу и Брейтшейду, с их терпимым отношением к Брюнингу, недавно присоединился и Троцкий. В выпущенной некоторое время тому назад брошюре Троцкий совершенно неприкрыто популяризует политику германских социал-фашистов и клянчит у германских рабочих помощи Брюнингу и Брауну. Неудивительно, что контр-революционный наемный журналист буржуазии Троцкий снискал этим восторженные рукоплескания буржуазных журналистов из концерна Моссе и Ульштейна.

Какова же в данном случае задача КПГ? Мобилизовать и вести массы в бой против усиливающегося шаг за шагом наступления буржуазии на всех участках — и в каждодневных боях показать социалистический выход из кризиса: диктатуре буржуазии противопоставить диктатуру пролетариата. Вместо того чтобы сделать это историческое противопоставление центральным пунктом всей нашей агитации и пропаганды, мы зачастую исчисляли в процентах степень фашизации Германии, изобретали теории о «ступенях» и т. п.

Но еще хуже то, что вопреки решениям XI пленума ИККИ в наших рядах наблюдались тенденции к либеральному противопоставлению фашизма и буржуазной демократии, партии Гитлера и социал-фашизма.

Не это ли недопустимое противопоставление было источником «помех», чинимых нам некоторыми — пусть единичными — функционерами партии в вопросе красного плебисцита против прусского правительства? Наперекор желаниям Брауна—Зевеинга это, правда, не подорвало нашей работы по мобилизации масс на красный плебисцит, но потребовало в соответствующих партиячках последующей разъяснительной работы.

А разве тот факт, что наша партия только в связи с плебисцитом заняла позицию, резко враждебную прусскому правительству, — разве он не свидетельствует о том, что до этого момента мы пренебрегали принципиальной борьбой против этого крепчайшего оплота брюнинговского правительства, этого тарана буржуазии для проведения фашистской диктатуры? Такое пренебрежение особенно пагубно в виду предстоящих прусских выборов.

Надо пойти еще дальше и констатировать, что среди некоторой части революционного пролетариата, не без нашей вины, налицо была, по крайней мере в подсознании, тенденция считать правительство Брауна—Зевеинга все же «меньшим злом», чем правительство Гитлера—Геббеля. Между тем такое влияние лживой социал-демократической идеологии на революционных рабочих, такие пережитки социал-демократического мышления в наших рядах — мы вынуждены заявить это в полном согласии с решениями XI пленума — есть наихудшая опасность для коммунистической партии.

Сколь велика эта опасность, показывает новейший маневр социал-фашизма. Учитывая недавние избирательные успехи партии Гитлера и будучи осведомлена о прерванных на время переговорах партии центра с национал-социалистами на предмет образования коалиции, СПГ опасается за свои министерские посты в Пруссии; ей хочется, с одной стороны, удержать под своим крылом протестующие массы своих приверженцев, с другой стороны, показать буржуазии, что без нее ей обойтись нельзя. Ввиду этого СПГ производит новый демагогический маневр: она «грозит» образовать «единый фронт с коммунистической партией». Речь Брейтшейда в Дармштадте по поводу гессенских выборов и комментарии «Форвертса» к этой речи свидетельствуют о том, что социал-демократия при этом маневре малюет на стене фашистского дьявола, чтобы удержать массы от подлинной борьбы против диктатуры финансового капитала. Этот фальсификат СПГ, представляющий собой лишь разновидность ее политики «меньшего зла», она сдобривает внезапно загоревшейся симпатией к коммунистам («против запрещения КПГ»), подделываясь под вкус масс.

Мы должны задать себе вопрос: создала ли КПГ все предпосылки для того, чтобы легко рассеять этот новый обман СПГ, раскрыть это надувательство масс?

На этот вопрос нельзя ответить безоговорочно — да. Мы слишком часто, точно загнипнотизированные, фиксировали внимание на проблеме фашизма, вместо того чтобы отнести фашизм как одну из форм диктатуры буржуазии к более общей категории буржуазной диктатуры. Мы, по крайней мере частично,

отдали дань ошибочной теории «неизбежности» фашистской диктатуры при монополистическом капитализме или, во всяком случае, не всегда вели решительную борьбу против этой ошибочной теории, сбивающей массы с правильного пути. Мы не заострили в полной мере принципиальной борьбы против социал-демократии. Приведу несколько примеров.

После лейпцигского съезда СПГ мы дали вполне правильный анализ внутреннего положения социал-демократической партии и сигнализировали предстоящий откол центристов и формирование ими новой партии как величайший обман рабочего класса. Но в соответствующей резолюции у нас отсутствовало четкое повторение этих правильных положений (Эссен, Веддинг) о центризме как опаснейшей форме реформизма.

Несмотря на наличие у нас в этом вопросе правильной перспективы, мы в последующие месяцы, несомненно, пренебрегли задачей необходимого усиления нашей борьбы против этого классово-предательского центристского плана.

Если бы это было не так, если бы мы решительно и своевременно, руководствуясь правильной линией тогдашней резолюции, повели борьбу против этой новой партии, Зейдевицы, как элементы наиболее вредные с точки зрения пролетарской революции, и их СРПГ, партия центристского болота, играли бы сейчас гораздо меньшую роль.

Факт нашего обращения сверху в процессе революционной профработы с предложением единого фронта к окружным правлениям АДГБ или к другим реформистским бюрократическим инстанциям (Рурская область) тоже свидетельствует о том, что принципиальная борьба против социал-демократии нами не велась с той решительностью, которая исключает подобного рода ошибки.

К той же категории явлений принадлежит и совершенно недопустимое образование антифашистских комитетов путем единого фронта сверху с «радикально-демократическими группами» (имеющими мало приверженцев в массах). А вместо этого надо было перенести центр тяжести в нашей работе по усилению фронта антифашистской борьбы — как это правильно было сделано в Брауншвейге — на предприятия, в низы, в массы!

Что из всего этого следует? То, что КПГ — изо всех партий Коминтерна наиболее призванная и обязанная после XI пленума выполнить требование выравнивания всех недочетов в борьбе против теории «меньшего зла» — еще не может сказать, что она уже подошла к этой задаче как задаче центральной и ее разрешила. А между тем борьба, в первую очередь против всех демократических иллюзий, и в особенности против подхода к социал-демократии как «некоей опоре» в борьбе против фашизма, есть необходимая предпосылка мобилизации масс на борьбу против фашистских мероприятий диктатуры Брюнинга—Зевеинга и на дальнейшую борьбу вплоть до ниспровержения капитализма.

Основной вывод, вытекавший, как мы это видели, из решений XI пленума, для германской компартии гласил: направить главный удар против социал-демократии как основной социальной опоры буржуазии.

После победы компартии на выборах в Гамбурге кое-кто из наших партработников и даже верхушечных функционеров партии склонен был пре-

уменьшать значение этого избирательного успеха ввиду роста голосов у национал-социалистов. Вопреки успеху выборов в Гамбурге там обнаружались значительные недостатки и ошибки, которые были констатированы и подвергнуты осуждению. И все же нам удалось проломить брешь в Гамбурге — этой крепчайшей цитадели германской социал-демократии, хотя и не удалось пойти там дальше. А в рядах социал-демократических рабочих нам удалось завербовать десятки тысяч пролетариев для коммунизма. Для каждого коммуниста, признавшего, что главный удар должен быть заострен против социал-демократии, наш успех в отношении СПГ должен был служить решающим критерием для оценки общих результатов выборов. Если правильно, что борьба против фашизма есть и должна быть в первую очередь борьбой против СПГ, тогда наш успех в отношении гамбургской социал-демократии должен расцениваться как успех в борьбе с фашизмом.

Тем не менее некоторые наши товарищи склонны были за национал-социалистическими деревьями не видеть социал-демократического леса. Так как в Гамбурге и национал-социалисты добились значительных избирательных успехов, то эти товарищи умаляли значение нашей борьбы против социал-фашизма, значение нашего успеха в борьбе с СПГ. Несомненно, это есть проявление в нашей партии уклона в сторону от политической линии, обязывающей нас направлять главный удар против СПГ.

В противовес этим ошибочным установкам, мы выдвигаем положение о том, что фашисты вообще могут быть разбиты только тогда, когда мы разоблачим союз СПГ с фашизмом, заклеим перед широкими рабочими массами ее услуги классовому врагу и оторвем эти массы от вождей СПГ. Разбить принципиальную позицию СПГ на предприятиях, в профсоюзах АДГБ и в миллионных массах безработных, разоблачить ее антирабочую политику — можно не крикливыми выпадами и не руганью (что местами вошло у нас в моду за последнее время), но лишь на деле, нашей революционной политикой. Проводя политику единого фронта в борьбе за классовые интересы пролетариата, мы внушаем социал-демократическим рабочим и пролетарской молодежи новое доверие к нашей партии как единственному вождю германского пролетариата.

Мы должны сделать решительный шаг вперед в деле проведения политики установления революционного единого фронта всех рабочих (независимо от их лагеря) для общей классовой борьбы пролетариата. Путем товарищеского разъяснения и ссылки на собственный опыт социал-демократических рабочих в общей борьбе рабочего класса мы должны практически убеждать этих рабочих в предательской роли их вождей и в том, что только КПГ действительно борется за их собственные классовые интересы. К социал-демократическим рабочим надо подходить с нашими важнейшими боевыми требованиями для установления революционного единого фронта, заостряя эти требования против системы Зеверинга—Брюнинга, против диктатуры буржуазии и ее оплотов, против Гитлера и социал-демократической руководящей верхушки.

Наилучшим примером правильного проведения линии в борьбе за рабочих СПГ и правильной политики единого революционного фронта как бое-

вой политики служит Брауншвейг. Однако о результатах тамошнего плебисцита наш орган партии во Франкфурте-на-Майне не нашел ничего лучшего сделать, как сообщить следующее: «Плебисцит в Брауншвейге отвергнут». Это говорит о парламентско-рутинном мышлении редактора этого органа нашей партии. Партия и революционный пролетариат измеряют успехи свои другим масштабом: для партии решающую роль играют внепарламентские факторы, как-то: политическая массовая стачка, революционные демонстрации, боевой единый революционный фронт и проч. Проблема «главного удара» — есть коренная проблема коммунистической партии в Германии.

Выше мы уже показали, почему на фоне политики буржуазии, правительства Брюнинга—Зевеинга, наша борьба против СПГ является центральной проблемой нашей революционной массовой работы.

В дальнейшем мы подойдем к тому же вопросу еще с другой стороны, в тесной связи с первой постановкой вопроса, чтобы осветить в полном объеме принципиальное значение этой проблемы. В данном случае речь идет о проблеме борьбы за собственный класс. Для каждого марксиста-ленинца должно быть аксиомой то положение, что первым требованием компартии является борьба за завоевание большинства собственного класса — пролетариата. Только завоевав пролетарское большинство на сторону коммунизма, мы сможем осуществить дальнейшую задачу — задачу привлечения союзников пролетариата из средних слоев на антикапиталистический боевой фронт и таким образом создать предпосылки для народной революции в духе учения Маркса и Ленина. Всякое смазывание этих принципов, всякий отказ от выдвижения на первый план борьбы компартии за собственный класс есть разрыв с марксизмом-ленинизмом.

Как ставил эту проблему Ленин? В прениях при обсуждении программы РСДРП в 1902 году Ленин высказался по этому вопросу весьма основательно и подробно. Как в своей критике двух выработанных тогда Плехановым проектов программы, так и в своих замечаниях по поводу проекта Мартова, а затем проекта программной комиссии, Ленин очень четко развивал марксистскую точку зрения по вопросу «о взаимоотношениях между пролетариатом и трудящимися». Попутно он делал выводы относительно всей политики пролетарской социалистической партии. Он пишет:

«Я вполне разделяю эту мысль В. Засулич, что у нас возможно привлечение в ряды социал-демократии гораздо большей доли мелких производителей и гораздо раньше (чем на Западе), — что для осуществления этого мы должны сделать *все* от нас зависящее, — что это «пожелание» надо выразить в программе «против» Мартыновых и К°.

...Но не надо же перегибать лук в другую сторону, как делает В. Засулич! Не надо же “пожелание” смешивать с *действительностью* и притом с той имманентно-необходимой действительностью, которой только и посвящена наша *Prinzipienklärung*. Желательно привлечь всех мелких производителей, — конечно. Но мы знаем, что это — особый класс, хотя и связанный с пролетариатом тысячей нитей и переходных ступеней, но все же особый класс.

Обязательно *сначала* отгородить себя от всех, выделить один только, *единственно и исключительно*, пролетариат, — а *потом* уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает.

Я согласен на это “потом”, но я требую раньше этого “сначала”!

У нас в России дьявольские муки “трудящейся и эксплуатируемой массы” не вызывали никакого *народного* движения, пока “горстка” фабрично-заводских рабочих не начала борьбу, классовую борьбу. И *только* эта “горстка” гарантирует ее ведение, продолжение, *расширение*. Именно в России, где и критики (Булгаков) обвиняют социал-демократов (сейчас бы мы сказали — большевиков. — Э. Т.) в “крестьянофобстве”, и социалисты-революционеры кричат о необходимости *заменить* понятие классовой борьбы понятием “борьбы всех трудящихся и эксплуатируемых” (“Вестник Русской революции”, № 2), — именно в России мы должны сначала самым резким определением одной только классовой борьбы одного *только* пролетариата *отгородить* себя от всей этой швали, — потом уже заявлять, что мы *всех* зовем, все возьмем, все сделаем, на все расширим.

А комиссия “расширяет”, позабывши отгородить!! И обвиняют меня в узости за то, что я требую предпослать расширению эту “отгородку”?! Ведь это — подтасовка, господа!!

Неизбежно предстоящая нам завтра борьба с объединенными критиками + господами полевей из “Русских Ведомостей” и “Русского Богатства” + социалистами-революционерами непременно потребует от нас именно *отмежевания классовой борьбы* пролетариата от “борьбы” (борьбы ли?) “трудящейся и эксплуатируемой массы”. Фразы об этой массе — главный козырь в руках всех *unsicheren Kantonisten**), а комиссия играет им на-руку и отнимает у нас оружие для борьбы с половинчатостью...» (Ленин, 2-е изд., 1928 г., т. V, стр. 48—49).

Из этих положений Ленина, являющихся важнейшими принципами марксизма-ленинизма, в применении их к практическим задачам революционной работы КПГ, несмотря на некоторую разницу положения, — все же явствует, что и для нас на первом плане и в качестве центральной задачи должна стоять борьба за собственный класс, борьба за завоевание пролетариата, его большинства, его решающих слоев. Но какой вывод отсюда вытекает?

Отсюда безусловно ясно, что мы уже ради завоевания большинства пролетариата должны направить главный удар против той партии, которая еще и сейчас имеет в пролетариате решающий массовый базис для диктатуры буржуазии. Это — не партия Гитлера, а социал-демократия.

Не одержав победы в борьбе против социал-демократии, мы не сможем разбить фашизм, то есть успешно бороться против диктатуры буржуазии, проводимой фашистскими методами. Если в борьбе с СПГ мы не ринемся со всей силою в атаку, то не сможет справиться с задачами решительного разрушения массового базиса партии центра и успешного штурма и разгрома другой опоры буржуазии наряду с СПГ — партии Гитлера, массовую основу которой образуют главным образом средние слои.

* Ненадежных кантонистов.

Вот те очевидные выводы, которые вытекают из всей стратегии ленинизма. В своем предисловии к книге «На путях к Октябрю», в части, посвященной «некоторым особенностям тактики большевиков в период подготовки Октября», тов. Сталин выдвигает следующие положения:

«Но как велось это руководство, по какой линии оно проходило? Руководство это проходило по линии изоляции *соглашательских* партий как наиболее опасных группировок в период развязки революции, по линии изоляции эсеров и меньшевиков. ...Борьба шла уже не между царизмом и народом, а между буржуазией и пролетариатом. В этот период наиболее опасной социальной опорой империализма являлись мелкобуржуазные демократические партии, партии эсеров и меньшевиков. Почему? Потому, что эти партии были тогда партиями *соглашательскими*, партиями соглашения между империализмом и трудящимися массами. Естественно, что главные удары большевиков направлялись тогда против этих партий, ибо без изоляции этих партий нельзя было рассчитывать на *разрыв* трудящихся масс с империализмом, без обеспечения же этого разрыва нельзя было рассчитывать на победу советской революции. Многие не понимали тогда этой особенности большевистской тактики, обвиняя большевиков в “излишней ненависти” к эсерам и меньшевикам и в “забвении” ими главной цели. Но весь период подготовки Октября красноречиво говорит о том, что только такой тактикой могли обеспечить большевики победу Октябрьской революции».

Все, что уже говорилось нами об узких местах нашей борьбы против социал-демократии, по поводу принципиальной борьбы, и все, что следовало бы добавить относительно недостаточного применения политики единого фронта снизу в отношении социал-демократических рабочих, — все это свидетельствует о том, что мы еще недостаточно учли в нашей практике основные положения ленинской стратегии и тактики, сформулированные тов. Сталиным.

Весь вопрос о недочетах нашей борьбы против социал-демократии как главной социальной опоры буржуазии, разумеется, неотделим от вопроса борьбы за собственный класс, за завоевание большинства пролетариата. Вне всякого сомнения — мы уже подчеркивали это на январском пленуме нашего ЦК — рабочие СПП, наряду с неорганизованными служат для нас главным резервуаром при завоевании рабочих. Осознание этого факта имеет огромное значение для работы партии и особенно РПО на предприятиях, в профсоюзах и среди безработных.

Проблема борьбы за большинство рабочего класса встает перед нами в теснейшей связи с вопросом о применении лозунга народной революции. Этот лозунг не всегда у нас применялся безупречно. Даже в официальном документе встречается недопустимая формулировка — «тройственный союз» пролетариата, крестьянства и городских средних слоев — без необходимого четкого выделения в формулировке гегемонии пролетариата. (А при редакционном толковании этой резолюции центральным органом КПГ попадает даже формулировка «тройственный союз трудящихся».) В противовес этому мы и раньше приводили принципиальные взгляды Ленина по вопросу о пролетариате и мелкобуржуазных слоях, слоях мелких производителей. На XI пленуме ИККИ

этот вопрос был поставлен совершенно ясно. Там указывалось на недопустимость противопоставления задачи завоевания пролетариатом союзников в своей борьбе — задаче завоевания большинства рабочего класса.

КПГ не всегда и не всюду клала в основу своей политики это правильное понимание. Иными словами: при применении лозунга народной революции мы не всегда выдвигали достаточно четко лозунг народной революции в смысле политики рабочего класса как синоним пролетарской социалистической революции. А между тем ошибка в этой области есть в то же время ошибка как против стратегической задачи, основной, главной задачи по завоеванию пролетарского большинства, так и против проведения той принципиальной классовой линии нашей политики, которая составляет сущность марксистско-ленинской партии. А это и будет нарушением тех принципов, которые столь решительно и яростно отстаивал Ленин в вышеприведенных замечаниях к программе РСДРП (впоследствии — большевиков. — Э. Т.). Имеются ли такие ошибки у нас? Особенно много накопилось их в журнале «Пропагандист». В декабрьском номере 1930 г. передовица «Народная революция против фашизма» посвящена вопросу о том, какие слои «должны быть мобилизованы для борьбы против фашизма и для предотвращения его победы». Статья вполне правильно устанавливает, что только пролетариат, как единственный до конца революционный класс, может ниспровергнуть капиталистический строй и заменить его социалистическим. Но затем говорится:

«Однако значит ли это, что пролетариат может и должен совершить свою социалистическую революцию один, без союзников. Без сомнения это не так в странах, где мелкая буржуазия составляет значительную часть населения. А так обстоит дело, как общее правило, во всех государствах европейского материка. Здесь при выработке стратегии и тактики пролетарской революции *в первую голову необходимо завоевать мелкобуржуазные слои для пролетарской революции или по крайней мере их нейтрализовать*».

Сопоставив эти формулировки с неумолимой убедительностью ленинских, мы увидим, что революционная стратегия перевернута здесь на голову. У Ленина со всей ясностью выдвигается требование сначала выделить один только, единственно и исключительно, пролетариат, а потом уже заявлять, что мы «всех зовем, все возьмем, все сделаем, все расширим». В «Пропагандисте» же вместо этого: «здесь в первую голову необходимо завоевать мелкобуржуазные слои для пролетарской революции или по крайней мере их нейтрализовать». Несомненно, весьма важное расширение за счет союзников — требование, которого не следует недооценивать, — здесь возводится в центральную проблему революционной стратегии и тактики, и о нем говорится — «в первую голову». Но это значит толковать лозунг народной революции не в духе Маркса и Ленина, не в духе политики рабочего класса, а в «народно-революционном» духе, не имеющем уже ничего общего с марксизмом-ленинизмом.

Здесь дело не в обмолвке, а в отклонении в сторону от ленинской стратегии — пусть «непреднамеренном» и «бессознательном» — это видно из дальнейших формулировок той же статьи. Статья анализирует понятие народной революции в рамках Октябрьской революции и говорит, что такое понимание

«необходимо во всех высокоразвитых капиталистических странах, и в данном случае — в Германии». Затем в ней говорится:

«Дело в том, что это понятие *включает в себя непосредственно* понятие гегемонии пролетариата, руководство пролетариата всеми эксплуатируемыми слоями населения, в первую очередь массами трудового крестьянства, в борьбе против капиталистической эксплуатации и гнета. Если пролетариат *хочет действительно осуществить* эту свою гегемонию, эту свою роль авангардного борца всех эксплуатируемых, он должен *организовать* “народную революцию”. Это особенно важно в наши дни, когда необходимо подорвать мелкобуржуазный массовый базис фашизма, оторвать трудовые слои города и деревни от национал-социалистов и от фашизма вообще и сделать их союзниками пролетариата».

Итак, понятие народной революции «включает в себя непосредственное понятие пролетарской гегемонии». Это ловко! Ведь если пролетарская гегемония уже «непосредственно» содержится в понятии народной революции, то этим самым устраняются для пролетариата и его партии все трудности по установлению этой гегемонии пролетариата. И действительно: автор статьи в «Пропагандисте» учит нас, что для фактического осуществления своей гегемонии пролетариату остается лишь организовать народную революцию. Скромный читатель, рядовой пропагандист и партработник, несомненно, полюбопытствуют: как это сделать? Но передовик «Пропагандиста» хранит свою мудрость (если она у него есть) про себя и выдвигает лишь ничего не говорящую схему: пролетариат должен «организовать народную революцию». Больше того. В довершение путаницы и смешения понятий, он в ближайшем абзаце, совершив сальто-мортале, занимается уже «мелкобуржуазной массовой основой фашизма».

Но как пролетариат становится авангардным борцом всех эксплуатируемых, как действительно осуществляется гегемония пролетариата, — на этот счет автор не обмолвился ни единым звуком. Мы не найдем у автора конкретного и практического ответа на этот вопрос, потому что вся трактовка проблемы носит слишком «ученый» характер и происходит в безвоздушном пространстве, она чисто абстрактна и схематична. Но передовик «Пропагандиста» должен был дать по крайней мере одно теоретическое указание, чтобы разговоры о пролетарской гегемонии не превратились в его устах в пустую фразу. Между тем этого указания он не дает. В статье умалчивается о том, что пролетариат под руководством компартии сможет осуществить свою гегемонию надо всеми трудящимися только в случае проведения своей политики, политики рабочего класса, без компромиссов, без послаблений и до конца революционно.

В противовес этому либеральному разжиженному толкованию лозунга народной революции в январском номере того же журнала за 1931 год в статье тов. И. Л. «Фашистская диктатура и пропаганда антифашистской борьбы» дано правильное, марксистско-ленинское освещение проблемы пролетарской гегемонии над трудящимися. В этой статье, содержащей в некоторых других вопросах (революционной ситуации и проч.) некоторые (однако уже исправленные январским пленумом ЦК) ошибки по вопросу о гегемонии пролетариата, говорится, что эта гегемония может быть осуществлена только тогда, когда самая пролетарская

массовая борьба — со стачками и выступлениями безработных — примет более острые формы, охватит более широкие слои массы, и таким образом «запуганные массы крестьянства и мелкой буржуазии увидят, что есть сила более мощная, чем капиталистические угнетатели, сила революционного пролетариата».

Эта установка правильна. Мелкие производители в городе и деревне, трудовое крестьянство, бедствующие средние слои, все они — союзники революционного пролетариата отнюдь не при всех обстоятельствах. Благодаря своему классовому положению они столь же часто и в такой же степени становятся союзниками реакции. По словам Ленина, это — союзники лишь постольку, поскольку они отрываются от капитализма, поскольку удастся перетянуть их на сторону пролетариата. Забывать об этом факте — значит затушевывать классовую роль пролетариата как единственного до конца революционного класса, хотя и признавая ее на словах.

Однако недостаточное понимание условий, при которых только и возможно марксистско-ленинское применение лозунга народной революции, сквозит не только в этой статье, но и в целом ряде статей других номеров «Пропагандиста». В статье тов. А. Э. «Пролетарская революция и революция народная» (февраль 1931 года) «народная революция» отождествляется со «стихийным восстанием масс», которое надо «превратить в пролетарскую революцию путем организованного и политически ведущего выступления пролетариата».

Правда, эта постановка задач относится к первому периоду буржуазной революции, начиная от середины XIX столетия, но во всяком случае это, несомненно, свидетельствует о полнейшей путанице, которую автор вносит в трактовку лозунга народной революции. Эта путаница не устраняется и тем, что в дальнейшем автор дает несколько правильных формулировок.

Здесь не случайный уклон, а подлинная ошибка. Доказательством тому — июльский номер «Пропагандиста» за 1931 год. В его руководящей статье говорится:

«Масса — народ вступает в борьбу против буржуазного господства, против буржуазного классового господства, против системы буржуа.

Масса — народ хочет бороться. “Ужасный конец лучше ужаса без конца”, — восклицают тысячи и тысячи десятилетиями организованных социал-демократических рабочих».

Что за вавилонское смешение языков, что за путаница и смазывание понятий! То «масса», то «народ», то «социал-демократические рабочие»... Вне всякого сомнения, эта игра словами не имеет ничего общего с задачей внесения марксистско-ленинской ясности и четкости в определения и в анализ. Это отнюдь не пропаганда марксизма-ленинизма, вопреки тому, что значится на обложке этого журнала, но нечто прямо противоположное ей: смешение всех марксистско-ленинских понятий.

Эта грубая теоретическая ошибка повторяется в ноябрьском номере «Пропагандиста» за 1931 г. В передовице этого номера за подписью А. Э. говорится:

«Что такое буржуазная революция? Это революция политическая, а не социальная».

В другом месте той же статьи читаем:

«Если бы в ноябре 1918 года в порядке дня стояла только буржуазная революция, предательство социал-демократии не было бы столь чудовищно велико, а “ее” ноябрьские “завоевания” были бы огромны!»

Это есть полное оппортунистическое искажение марксистско-ленинской теории, согласно которой всякая революция (в том числе и буржуазная) есть революция социальная. Помимо того это значит решительно порвать с ленинской установкой в вопросе о роли пролетариата в буржуазной революции. Доказывая, что в буржуазной революции СПГ, то есть реформизм, осуществляла бы надлежащее руководство рабочим классом, А. Э. тем самым отрицает весь опыт большевиков в борьбе с меньшевизмом в русской революции 1905 года и целиком тезисы Коминтерна о роли II интернационала и его партий в буржуазно-демократических революциях последнего времени (Китай, Испания и проч.). Этот «теоретик» не сбросил еще с себя социал-демократической скорлупы и пытается протащить ее контрабандным путем в наши ряды в качестве фальсифицированного ленинизма.

Понятно, что партия должна вести решительную борьбу против таких уклонов и ошибок, преодолеть ошибочные взгляды и как можно скорее внести ясность в эти вопросы.

Мы видели, как недостатки при проведении линии XI пленума — нанести главный удар главной социальной опоре буржуазии — социал-демократической партии Германии — теснейшим образом связаны с отклонениями и ошибками при применении лозунга «народная революция». Равным образом и крупные недочеты в борьбе против национал-социализма — третья проблема, которой мы здесь лишь вкратце коснемся, — тесно связаны с предыдущими вопросами. Мы уже останавливались на фактах переоценки роли национал-социализма, которые затуманивали отдельным товарищам необходимую ясность точки зрения для классового анализа при рассмотрении этой проблемы. Но, разумеется, это не единственный вид ошибок по отношению к национал-социализму.

Наряду с этим правооппортунистическим отклонением и приведенным выше махровым правым оппортунизмом в вопросе фашизма и демократии имеются также чрезвычайно серьезные «левые» ошибки недооценки как значения фашизма вообще в рамках классовой борьбы, так и особой роли национал-социалистического массового движения.

Мы все — партия в целом и ее руководство — не можем отрицать существования таких ошибок в рядах германской компартии. Начнем прежде всего с нескольких теоретических упущений. Мы все (это относится и к отчету германской партии на XI пленуме ИККИ, с которым выступил автор настоящей статьи) рассматривали фашизм, включая рост национал-социалистического движения, слишком односторонне и механистически, только в качестве антиязы революционного подъема, в качестве защиты буржуазии против пролетариата. Эта оценка была правильной, но она одна была недостаточной и превратилась в схему, которая не вполне учитывала диалектический, многосторонний процесс классовых отношений. Лишь в последнее время эти недочеты были серьезным образом выправлены на XI пленуме ИККИ. Некоторые даже

думали, будто рост фашизма, так сказать, подготавливает победу коммунизма. То, насколько опасно для нас всякое, пусть мелкое, отклонение в этом направлении, столь решительно, с полным основанием обнаруживается именно в последнее время из некоторых заявлений германской социал-демократии.

Германская социал-демократическая партия отдает себе ясный отчет в том, что буржуазия не откажется от ее помощи при проведении диктатуры буржуазии и тогда, когда она в будущем привлечет национал-социалистов к участию в составе имперского правительства для осуществления фашистских форм капиталистического классового господства. Так, СПГ постепенно уже готовится к поддержке правительства Брюнинга—Гитлера вместо нынешнего правительства Брюнинга—Гренера.

В то время как социал-демократическая партия Германии, с одной стороны, проводит «левые» маневры с «угрозой» сближения с КПГ, она, с другой стороны, уже изобретает новое издание теории «меньшего зла». Согласно этой новой теории, правительство Брюнинга—Гитлера все еще является «меньшим злом» по сравнению с чистым правительством Гитлера.

Эту замечательную теорию — не больше и не меньше — г. Брейтшейд развивал на публичном собрании в Эмдене за несколько недель до своего нового «символа веры» в Дармштадте. «Национал-социалисты в составе имперского правительства» — это не следует нам принимать столь трагично, ибо тем скорее они отучатся от своих глупостей.

Развивая теории о том, что нужно дать национал-социалистам возможность «отхозяйничать» в составе правительства, германская социал-демократия хочет парализовать антифашистскую волю к борьбе широких масс и с места в карьер подготовить путь для возможного в будущем правительства Брюнинга—Гитлера, как это она делала до сих пор для правительства Брюнинга.

Но это воспитание СПГ масс в духе пассивности отражается ведь также в той механистической теории, будто фашизм является лишь продуктом кризиса капитализма и разложения в лагере буржуазии, теории, против которой, как известно, так решительно выступал на XI пленуме ИККИ т. Мануильский. Если бы мы поэтому примирились с существованием такой теории в наших рядах, — а это, по крайней мере частично, имело место, — то это означало бы, что мы даем себя завлечь новыми социал-демократическими маневрами, рассчитанными на обман масс. И здесь мы приходим к серьезным ошибкам недооценки фашизма, допускаемым в наших рядах.

В одной статье тов. Кр. в сентябрьском выпуске «Пропагандиста» за 1931 год мы находим следующий абзац:

«Социал-демократическое коалиционное правительство, которому противостоял бы неспособный к борьбе, расплывенный, дезориентированный пролетариат, было бы в тысячу раз большим злом, чем *открытая фашистская диктатура*, против чего выступает классово-сознательный, полный боевой готовности, сплоченный в своей основной массе пролетариат».

Здесь обнаруживается совершенно неправильная принципиальная оценка фашизма и в частности фашистской диктатуры на практике. Это почти тот

же подход к правительству Гитлера, который нетрудно разоблачить, какой мы находим у Брейтшейда. У Брейтшейда это сознательно должно служить целям усыпления масс. В «Пропагандисте» это есть выражение известного сектантского фатализма по отношению к фашистскому развитию в противовес оппортунистически-паникерским настроениям, имеющимся у некоторых других наших товарищей. Здесь безусловной необходимостью является борьба партии на два фронта. Уже раньше («Пропагандист», декабрь 1930 года) в передовой т. С. имелась следующая формулировка:

«...Даже *прежде*, чем фашизм придет к власти, прежде, чем фашистская диктатура восторжествует...».

Здесь, как видим, «торжество фашистской диктатуры» уже принимается в расчет как нечто «неизбежное». Это — чисто пораженческая установка, с которой наша линия ничего общего не имеет.

Наоборот, мы должны подчеркнуть со всей решительностью, что революционно-классовая борьба пролетариата определяет как судьбы фашистского развития вообще, так и развития национал-социалистического движения в частности.

Мы должны без остатка преодолеть пораженческие настроения в рабочем классе по отношению к фашизму, которые культивируются вождями германской социал-демократии. В противном случае может возникнуть опасность того, что буржуазия «холодным путем» сумеет перейти к открытой фашистской диктатуре без боязни столкнуться с решительным революционным сопротивлением пролетариата вплоть до его высших боевых форм.

Компартия Германии может, несомненно, записать в свой актив ряд успехов в борьбе против партии Гитлера. Но столь же несомненно можно констатировать, что рост национал-социалистической волны за последнее время до известной степени можно объяснить слабостью нашего контрнаступления. При быстром темпе распада старых буржуазных партий мы, разумеется, не смогли бы препятствовать быстрому росту национал-социалистического движения. Но коммунистическое движение Германии в настоящее время уже достаточно сильно для того, чтобы по крайней мере решающим образом повлиять и внести изменения в ход развития.

Правда, для этого необходимо значительное усиление нашей идеологической массовой борьбы против партии Гитлера. Сейчас недостаточно говорить только о проводимых этой фашистской партией терроре и убийствах. Необходимо форсировать — и это один из важнейших уроков, который мы должны извлечь из различных выборных кампаний последнего времени, — проведение серьезной нашей политики против национал-социалистической партии, чтобы разоблачать антирабочий характер этой партии как наемной гвардии диктатуры буржуазии, наемной гвардии капиталистов-предпринимателей.

Мы должны всей нашей политикой в качестве единственной партии борьбы против Версаля и плана Юнга, борьбы за освобождение трудящейся Германии путем развертывания нашей освободительной программы вскрывать и разбивать «национальную» демагогию партии Гитлера. Мы должны показать

массам, что национал-социалисты и в вопросе национальной освободительной борьбы также стоят по ту сторону баррикады и являются смертельными врагами этой борьбы. Этот вопрос является решающим звеном нашей массовой борьбы против национал-социализма и относится к важнейшим вопросам всей нашей политики.

Еще в большей степени это относится к начавшимся в последнее время чрезвычайно энергичным попыткам национал-социалистов завоевать позиции внутри пролетариата путем проведения кампании под лозунгом «лицом к предприятиям». Наряду с абсолютно необходимым усилением нашей принципиальной борьбы против социал-демократии, которая представляется основной проблемой также и с точки зрения борьбы против фашизма вообще и против национал-социализма в частности, — безусловной необходимостью является самая решительная борьба против всякого проникновения фашистов на предприятия и за очищение предприятий от фашистских ячеек. То же нужно сказать о движении безработных и о работе среди служащих.

Далее, перед КПГ со всей остротой стоит вопрос о борьбе за привлечение трудящихся средних слоев к пролетариату. Эту борьбу мы должны безотлагательно и энергично усилить и оживить. Выше уже указывалось, что эту проблему завоевания союзников для пролетарско-классовой борьбы, проблему народной революции, мы должны ставить в марксистско-ленинском смысле, а не в смысле либеральных отклонений «Пропагандиста» (которые в ряде случаев появлялись в партийной печати).

* * *

Перейдем теперь к четвертому и последнему поставленному нами вопросу, который следует проанализировать в связи с недочетами в проведении решений XI пленума ИККИ в германской компартии, к вопросу — о неясностях в перспективе развития и о тенденциях к индивидуальному террору.

Нам незачем в рамках этого теоретического анализа опровергать наивную ложь буржуазной печати и социал-демократии, будто в германской компартии или в близких к ней организациях существуют или существовали «нелегальные террористические формирования». Такие жалкие вымыслы полицейских душ или продажных перьев в редакциях «Форвертса» и буржуазной бульварной печати Ульштейна, Моссе и Гутенберга, против которых успешно конкурирует в целях погони за базарной сенсацией национал-социалистический орган г. Геббельса, сами себя бьют.

Но что нас интересует — это действительные факты среди отдельных рабочих как внутри, так и вне революционного движения, которые в результате сознательных провокаций национал-социалистического террора дают себя столкнуть с линии революционной массовой борьбы и более или менее сознательно дают овладеть собой мелкобуржуазной, антиреволюционной, эсеровской идеологии индивидуального террора, стрельбы, авантюристских выступлений и т. п. В этих единичных явлениях находят свое выражение два момента.

Во-первых: рабочие, которые дают себя толкнуть на этот путь, не уяснили себе и не усвоили того марксистско-ленинского анализа нынешней ситуации и перспективы развития, которые даны германской компартией и Коминтерном. Уже XI пленум для Германии с полной ясностью констатировал, что мы находимся на том этапе революционного подъема, в котором еще не стоит в порядке дня непосредственная революционная борьба за власть, но лишь быстрым темпом назревают предпосылки революционного кризиса в Германии.

Тот, кто принимает эту совершенно верную перспективу германской компартии и Коминтерна, должен также понимать, что сегодня перед каждым революционным рабочим и перед всей нашей партией в целом центральной задачей стоит упорная, неустанная борьба за завоевание большинства пролетариата и, далее, завоевание союзников для пролетариата из всех трудящихся слоев для совместной борьбы против капитализма под гегемонией пролетариата. Это значит организовать и развертывать борьбу рабочего класса, стачки рабочих на предприятиях, массовые выступления безработных, массовые бои всех трудящихся слоев, стачки квартиронанимателей, стачки налогоплательщиков, сопротивление выселениям и продаже имущества с публичного торга и т. д., иными словами — массовую борьбу против чрезвычайных законов буржуазии вплоть до массовых политических стачек и других высших форм борьбы. Ряд массово-политических стачек за последнее время (Брауншвейг, Новавес) показывает, что эта работа развивается.

Тот, кто на место этой упорной, неустанной революционной массовой работы ставит игру с револьвером или ручной гранатой в тот момент, когда условия для вооруженной борьбы масс еще отнюдь не созрели, тот отвергает анализ ситуации и перспективы развития, которые даны германской компартией и Коминтерном. Ясно, что на нас лежит обязанность — если мы хотим, чтобы наша партия выполнила свою роль вождя класса — направить наш идеологический огонь против таких пучкистских и сектантских тенденций. Это одна сторона проблемы.

Во-вторых: те рабочие, которые под влиянием сознательно проводимых национал-социалистами провокаций вступают на путь самозащиты теми же методами индивидуального террора, — эти рабочие в отношении методов пролетарской освободительной борьбы отходят от принципов марксизма-ленинизма. Ибо индивидуальный террор столь же несовместим с марксизмом-ленинизмом, как и трусливая, жалкая лицемерная болтовня социал-пацифистов. Эти смертельные враги марксизма бахвалятся, что и они «отвергают» революционный террор в качестве метода насильственного подавления враждебного класса диктатурой пролетариата и тем самым пролетарскую революцию вообще. На словах они против всякого применения насилия, но на деле они за насилие, если только это — насилие, проводимое при помощи буржуазно-полицейской сабли или пулеметов рейхсвера.

Незачем говорить о том, что мы, коммунисты, признаем насилие в классовой борьбе, без которого немислим какой-либо исторический переворот. Незачем подчеркивать, что для нас, по словам Маркса, «насилие является акушеркой всякого старого общественного строя, беременного новым строем». Разумеет-

ся, что мы признаем революционный террор борющегося пролетариата в рамках непосредственной борьбы за власть и за обеспечение завоеванной власти рабочего класса, террор, какой применял победивший русский пролетариат после Октября 1917 года для уничтожения контрреволюции.

Но все это не имеет ничего общего с индивидуальным террором, на путь которого толкает революционных рабочих волна национал-социалистических убийств. Если классово-сознательные рабочие дадут себя отвлечь в эту область от задач массовой революционной работы, то они тем самым заменят оружие марксизма-ленинизма методами эсеров, которые уже давно опровергнуты историей рабочего движения.

Почему мы отвергаем эту тактику эсеров? Тов. Ленин в своей статье, написанной в 1902 г., «Почему социал-демократия (партия большевиков. — Э. Т.) должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам?» дал следующий ответ на этот вопрос. Там говорится между прочим следующее:

«Потому, что, ставя в свою программу террор и проповедуя его как средство политической борьбы в современной его форме, социалисты-революционеры приносят этим (самый) серьезный вред движению, разрушая неразрывную связь социалистической работы с массой революционного класса. Никакие словесные уверения и заклатья не могут опровергнуть того несомненного факта, что современный террор, как его применяют и проповедают социалисты-революционеры, *ни в какой связи* с работой в массах, для масс и совместно с массами не стоит, что партийная организация террористических актов отвлекает наши крайне немногочисленные организаторские силы от их трудной и далеко еще не выполненной задачи организации революционной рабочей партии, что на деле террор социалистов-революционеров является не чем иным, как *единоборством*, всецело осужденным опытом истории. Даже иностранные социалисты начинают смущаться той крикливой проповедью террора, которую ведут теперь наши социалисты-революционеры. В русских же рабочих массах эта проповедь прямо сеет вредные иллюзии, будто террор “заставляет людей политически мыслить хотя бы против их воли” (“Революционная Россия”, № 7, стр. 4), будто он “вернее, чем месяцы словесной пропаганды, способен переменить взгляд... тысяч людей на революционеров и на смысл (!) их деятельности”, будто он способен “вдохнуть новые силы в колеблющихся, обескураженных, пораженных печальным исходом многих демонстраций” (там же) и т. п. Эти вредные иллюзии могут привести только к быстрому разочарованию и к ослаблению работы по подготовке натиска масс на самодержавие» (Ленин, т. V, 2-е изд., стр. 133—134).

А в своей статье «Революционный авантюризм», опубликованной в «Искре» 1 августа 1902 г., Ленин вновь и более подробно останавливается на вопросе о терроре. Здесь он говорит между прочим следующее:

«Соц.-рев. наивно не замечают того, что их склонность к террору связана самой тесной причинной связью с тем фактом, что они с самого начала стали и продолжают стоять в стороне от рабочего движения, не стремясь даже сделаться партией ведущего свою классовую борьбу революционного класса. Усерд-

ная борьба очень часто заставляет насторожиться и заподозрить правдивость того, что нуждается в крепкой приправе. И мне часто вспоминаются слова: как божится-то не лень? — когда я читаю уверения соц.-рев.: мы не отодвигаем террором работы в массах. Ведь это уверяют те самые люди, которые уже отодвинулись от соц.-демократического рабочего движения, действительно поднимающего массы, и которые продолжают отодвигаться от него, хватаясь за обрывки каких угодно теорий» (т. V, стр. 147—8).

То, что Ленин говорит здесь относительно индивидуального террора как метода борьбы, мы можем с полным правом применить и к настоящему времени, как классическую формулировку марксистской точки зрения в этом вопросе. Конечно, не исключены такие ситуации, когда террор играет революционную роль и в смысле активных выступлений отдельных групп. Ленин это очень часто указывал в революцию 1905 г. по отношению к партизанским группам (аналогично этому и в Китае и во время гражданской войны в России после октября 1917 года красногвардейские отряды, партизанские группы и т. д. играли большую роль). Но предпосылкой для этого была общая ситуация, в которой вооруженная борьба, восстание масс уже стояли в порядке дня. Но 1902 год, в котором, пользуясь формулировкой Ленина, уже начался подъем масс и происходили демонстрации, даже вооруженные демонстрации, являлся периодом революционного подъема, который еще не привел к революционному кризису, а тем более к революционной ситуации. То же самое нужно сказать относительно нынешней фазы развития в Германии.

Таким образом решение Центрального комитета германской компартии от 10 ноября 1931 г., осуждающее индивидуальный террор, отнюдь не есть, — как это хочет внушить буржуазная печать революционным рабочим, — только «тактический маневр», который должен служить для обеспечения компартии от запрещения, а в действительности вовсе не выражает настоящего мнения партии. Наоборот. Главной причиной для принятия этого чрезвычайно серьезного и знаменательного решения было именно убеждение Центрального комитета КПГ, что всякое пренебрежение большевистской борьбой против индивидуального террора и всякая примиренческая терпимость по отношению к последнему лишь облегчили бы игру национал-социалистам, и тем самым буржуазии вообще, игру в целях отвлечения рабочего класса от решающих революционных задач массовой борьбы. Главной причиной для принятия Центральным комитетом нашей партии указанного решения являлось, таким образом, стремление партии не дать отвлечь ее и рабочий класс от дела организации стачек, выступлений безработных, стачек квартиронанимателей, стачек налогоплательщиков, массовых политических стачек и т. п., от борьбы против наступления буржуазии на трудящиеся массы для того, чтобы переложить на них тяготы экономического кризиса и империалистического грабежа.

Второй решающей причиной принятия ЦК партии постановления от 10 ноября 1931 года было стремление содействовать успешности нашей борьбы против национал-социализма. Для партии Гитлера террористические убийства национал-социалистических банд являются ведь не последним средством для

того, чтобы сделать массы своих сторонников невосприимчивыми к коммунистической пропаганде путем создания возможно жаркой атмосферы кровавых столкновений. Далее партия Гитлера, пытаясь перенести свою борьбу против революционного пролетариата в область револьверной стрельбы и поножовщины, — стремится завуалировать перед лицом своих собственных сторонников проводимую ею политику крупной буржуазии и при этом одновременно осуществить нажим на правительство в целях запрещения германской компартии.

По всем этим причинам данное решение нашего Центрального комитета представлялось необходимым. Оно, стало быть, имеет в виду отнюдь не ослабление, но, напротив, максимально возможное заострение нашей идеологической массовой борьбы против фашизма. Едва ли необходимо в этой связи указывать еще на то, что решение Центрального комитета не дает оснований для того, чтобы хотя бы в малейшей степени ослабить массовую борьбу пролетариата и всех трудящихся для отражения фашистских террористических убийств.

Наоборот. Пример Брауншвейга в этой области, на который мы уже указали, свидетельствует о том, как правильное применение пролетарской политики единого фронта дает величайшие результаты в антифашистской массовой борьбе. Решение Центрального комитета будет способствовать еще более решительному и успешному проведению этой линии в будущем.

Те факты, в которых отражается соскальзывание с линии марксизма-ленинизма к политике эсеров, к методам индивидуального террора, представляют собой точно так же существенный недочет в деле проведения решений XI пленума ИККИ и нашего Центрального комитета, как и слабость идейно-политического характера в трех других важнейших областях, на которых мы останавливались выше. Недостаточная конкретизация нашего анализа и перспектив развития и их неудовлетворительная популяризация среди масс — вот что создает основу для таких сектантских ошибок, как соскальзывание к индивидуальному террору.

* * *

В задачу настоящей статьи не входит указание на те крупные положительные успехи, которых мы достигли в течение последнего года. Равным образом мы здесь не останавливаемся на различных серьезных недостатках и недочетах в нашей революционной практике (проведение стачек, политика единого фронта, красная революционная профсоюзная оппозиция, работа в предприятиях, работа среди молодежи и т. п.), хотя и эти вопросы, естественно, тесно связаны с рассмотренными выше проблемами.

Что же мы видим, таким образом? Оказывается, что, несмотря на крупные успехи нашей партии, ее теоретический уровень, идейно-политический уровень нашей партийной работы недостаточен и безусловно требует существенного улучшения. Являются ли все наши решения безупречными и правильными с точки зрения марксизма-ленинизма? Никто не может этого оспаривать. В настоящей статье мы сделали попытку, на основе решений XI пленума Исполкома Коминтерна, доказать, что все приведенные здесь уклоны, недостатки и ошиб-

ки были бы невозможными при достаточно основательном изучении итогов XI пленума ИККИ.

Или, быть может, указанные выше идеологические недостатки и ошибки могут быть объяснены недочетами в решениях германской компартии? И это неверно. Достаточно лишь процитировать некоторые главнейшие положения из резолюции Центрального комитета КПГ в мае относительно решений XI пленума ИККИ, которые как раз посвящены тем вопросам, по которым в нашей работе обнаружались недостатки и отклонения от линии XI пленума. В резолюции говорится следующее:

«В нынешний период буржуазия переходит к применению все более сильных фашистских методов господства. Все же *неверно* исходить из предположения, что фашистская диктатура при всех условиях и во всех странах необходимо должна являться единственной формой капиталистического господства. Фашистская диктатура отнюдь не представляет собою *принципиальную противоположность буржуазной демократии*, при которой *также* осуществляется диктатура финансового капитала. В переходе от демократического к фашистскому методу господства скорее выражается попросту *смена форм, органический переход* от завуалированной и скрытой к открытой и нескрываемой диктатуре, а вовсе не изменение классового содержания.

В Германии социал-демократия пытается в качестве *главной социальной опоры* противопоставить правительству проведения фашистской диктатуры, кабинет Брюнинга, как “меньшее зло” — правительству национал-социалистов. Это делается для того, чтобы затушевать фашистский характер методов власти правительства Брюнинга. Здесь всякая тенденция *к либеральному противопоставлению фашизма и буржуазной демократии*, как принципиально противоположных систем, в чрезвычайной степени означала бы поддержку социал-демократического обмана рабочих масс и ослабление массовой борьбы против проведения фашистской диктатуры.

Особо предательскую роль при проведении социал-демократического обмана масс в настоящее время опять играют “левые” социал-демократы. Для того, чтобы удержать в сфере влияния этой партии массы, возмущенные предательской политикой германской социал-демократии и отходящие от нее, “левые” проводят демагогическую оппозицию...

В Германии в настоящее время происходит *усиление предпосылок революционного кризиса*... Задачей партии является путем проводимых ею боевых выступлений масс содействовать этому процессу в рамках объективных условий и ускорить его темп...

Политика социал-демократов в прусском правительстве представляет собой главную опору курса, проводимого Брюнингом, и превратила черно-красно-золотую Пруссию в оплот чернейшей реакции в Германии. Борьба против прусского правительства является поэтому существенной частью нашей общей массовой борьбы против диктатуры капитала и против фашизма».

Эти цитаты из резолюции майского пленума Центрального комитета германской компартии могут служить доказательством того, что при проведении

полностью в жизнь наших решений во всей партийной работе указанные выше ошибки не имели бы места.

Но необходимо также указать, что в нашей партии, несмотря на ее большой опыт, несмотря на ее большевистское развитие и процесс ее созревания в духе марксизма-ленинизма, все еще существуют мелкобуржуазные пережитки, выражающиеся в пренебрежении теоретическо-политической работы и серьезного изучения решений Коминтерна и Центрального комитета партии. Пусть в единичных случаях, но все же имеются тенденции, в которых выражается недостаточное понимание неразрывной связи революционной теории и революционной практики, тенденции, которые иногда выплывают именно при обсуждении теоретических вопросов в связи с решениями Коминтерна и Центрального комитета партии.

Имеются товарищи, которые при обсуждении таких проблем полагают, что нужно «спуститься вновь с высокой башни теории на низины грубой практики». Такие настроения и тенденции не имеют ничего общего с большевистскими взглядами. Всякие уступки таким настроениям означают пренебрежение политической воспитательной работой внутри нашей партии и тем самым ослабление нашей практической массовой работы. Без укрепления и существенного углубления этой воспитательной работы не может успешно проводиться необходимая борьба на два фронта: против главной опасности — правого оппортунизма, и против «левацких» уклонов. Мы должны решения Коммунистического интернационала и нашего Центрального комитета более серьезно, активно и интенсивно изучать в наших рядах и добиваться их правильного проведения в жизнь.

Именно для того, чтобы ликвидировать в нашей революционной практике отставание партии от объективных возможностей революционного подъема, — мы должны сделать решительный поворот для преодоления недостатков в теоретической области. Этот вопрос касается не только руководящих функционеров на верхах партии, не только высших и средних руководящих звеньев, это — вопрос всей нашей партийной работы — от Центрального комитета до ячейки партии.

Подойти вплотную к этой работе, выпрямить здесь линию партии, сосредоточить огонь на всех недостатках, уклонах и ошибках и поднять уровень всей партии, восстановить единство между теорией и практикой в духе марксизма-ленинизма — все это означает создать предпосылки для еще больших успехов революционной массовой работы, для еще более мощного продвижения вперед коммунизма!

Эта теоретическая работа и стремление поставить все проблемы большевистски являются также предпосылками к тому, что партия сумеет подойти к той огромной задаче, поставленной перед ней VI конгрессом Коминтерна: создать возможность выработки программы германской партии к VII конгрессу Коминтерна.

У нас должно стать привычкой каждый шаг нашей повседневной практики революционно-классовой борьбы измерять высшим масштабом революционной теории. Лишь тогда мы достигнем той ответственности, которую должна обнаруживать революционная партия во всякое время во всех своих звеньях.

Правда, директивы Центрального комитета по всем политическим вопросам проходят сравнительно длинный путь вниз до мельчайшей ячейки. При этом существует опасность, что эти директивы, пока они попадут к членской массе, во многих случаях получают менее точную формулировку, ослабляются, а при известных условиях даже несколько «искривляются». Иногда они даже вообще «пропадают». Это отчасти объясняется трудностями и темпом революционно-массовой работы нашей партии. Но значительной страховкой против таких явлений служит усиленная работа за общий подъем теоретического уровня компартии Германии, за общеполитическое воспитание и укрепление наших кадров.

По мере заострения расстановки классов, усиления классовой борьбы и роста революционного движения повышаются задачи и требования, предъявляемые к компартии Германии. Развитие нашей партии вызвало процесс внутреннего преобразования нашего кадра функционеров. В результате этого процесса во многих местах появились новые, более молодые элементы, заменившие товарищей, которые временно или навсегда оказались неспособными идти нога в ногу с процессом революционного развития. Это привело к тому, что за последний год или два обновилась примерно половина нашего функционерского штаба. Этот факт необходимо, вне всякого сомнения, приветствовать. Но он обязывает нас идейно и теоретически вооружить этих младших товарищей путем постоянной и неослабной партийной воспитательной работы в духе марксизма-ленинизма. Лишь тогда они в качестве образца для своих классовых товарищей превратятся в подлинных вожakov рабочего класса, теснейшим образом связанных со всей жизнью рабочих и способных при помощи нашей революционной работы довести инициативу масс до величайшего творческого подъема.

Укрепление ленинского единства партии, являющегося результатом как процесса ее внутренней чистки, так и результатом всеобщей консолидации революционных классовых сил, предохраняет партию в основном от возникновения антипартийных тенденций, группировок или фракций. Тем более партия, именно в целях своего единства, обязана проверять и улучшать свою работу во всякое время путем открытой и широкой большевистской самокритики. Большевизм, выросший в непримиримой борьбе против разного рода реформизма, против правого оппортунизма и троцкизма, для всей нашей партии должен служить примером и образцом.

Воспитание партии всегда является в то же время работой за укрепление ее боевой мощи. Если мы приложим усилия, чтобы поднять и улучшить политический уровень нашей партии, то это одновременно будет работой среди масс и для масс, работой, направленной к тому, чтобы партию и вместе с ней рабочий класс сделать еще более дееспособными к осуществлению грандиозных и трудных задач революционно-освободительной борьбы против диктатуры буржуазии и за диктатуру пролетариата.

На пути к образованию будущего

«Образовательная геодемография России». Под ред. М. П. Карпенко.
М., Изд-во СГУ, 2011. 224 с.

Новая книга, содержащая оценку ситуации в системе образования России и предлагающая перспективную модель его развития, заслуживает внимания самого широкого круга читателей — от работников образования до государственных служащих, так или иначе соприкасающихся с этой деликатной сферой, и шире — всех тех, кто заинтересован в прогрессе страны. Потому что коллектив авторов, возглавляемый президентом Современной гуманитарной академии, доктором технических наук, профессором, вице-президентом РАЕН Михаилом Петровичем Карпенко, предлагает читателю совершенно новый, комплексный взгляд на образование, далеко отстоящий от привычных стереотипов. Ценным представляется и тот факт, что перед нами — не абстрактная теоретическая разработка (каковых, признаемся честно, и без того немало создается в кругах, близких к нынешнему руководству профильного министерства, возглавляемого людьми, весьма далекими как от образования, так и от науки), а обобщение результатов многолетней практической деятельности.

Современная гуманитарная академия (СГА) — один из признанных лидеров в сфере дистанционного образования. Этот негосударственный вуз, созданный в 1992 году, ныне по количеству студентов лидирующий не только в нашей стране, но и в Европе (а также на пространстве СНГ): их в 140 филиалах СГА по всей России — от Находки до Калининграда — обучается более 100 тысяч. Кроме того, академия поддерживает партнерские отношения

более чем с 15 зарубежными странами, в числе которых — не только государства СНГ, но и Великобритания, Греция, Чехия, Болгария и даже экзотический Эквадор.

Исповедующая собственные принципы обучения, СГА («распределенный вуз») противопоставляет себя традиционным (так называемым кампусным) вузам. Рецензируемая книга — уже третье исследование на эту тему. Ее целью (как и первых двух, вышедших из-под пера самого М. П. Карпенко, — «Телеобучение» (М., 2008) и «Когномика» (М., 2009)) является пропаганда достижений СГА. В условиях, когда в кругах, близких к Минобрнауке, обсуждается вопрос об упразднении заочного обучения в его нынешнем виде, М. П. Карпенко и его сотрудники отстаивают совершенно иную точку зрения. По их мнению, при условии глубокой модернизации образовательного процесса, именно дистанционное обучение может (и должно) стать основой всей системы образования. И дело, заверяют они, не только в том, что организация такого обучения обходится в 2–3 раза дешевле «кампусного» (см. С. 154).

Следует с самого начала оговорить тот факт, что авторские рассуждения привлекают внимание уже потому, что построены на четких (и вполне прозрачных) выкладках. Ни один вывод не берется с потолка: каждый аргументируется пространной статистической «цифрой». В этом смысле, на фоне периодически звучащих голословных заявлений профильного министра о чрезмерном количестве в России то вузов, то учителей, то студентов, то вообще

людей с высшим образованием*, выводы М. П. Карпенко и его сотрудников отличаются неоспоримой фундаментальностью.

В качестве одного из основных достоинств книги следует отметить еще и то, что статистические данные «не висают» в воздухе, а ориентируются на стройную авторскую концепцию. В отличие от высокопоставленных госчиновников и «мудрецов» из Института образования Высшей школы экономики, сотрудники СГА предлагают целостное видение перспектив развития образования. Последнее (в том числе в своих чисто экономических аспектах) существует для них не само по себе, но в тесной связи с перспективами развития общества. В книге присутствует то четкое видение перспектив, которое всегда отличает стратегическое мышление. И этот момент следует оценить предельно высоко, вне зависимости от степени согласия с отдельными авторскими выкладками.

В своих концепциях М. П. Карпенко и его соавторы исходят из позиции... массового высшего образования, о чем говорится совершенно открыто: «...на ближайшую перспективу академическое образование должно стать массовым, а затем и всеобщим» (С. 17). Под последним понимается охват им около 90 процентов взрослого населения, то есть всех, кто по своим физическим и интеллектуальным возможностям способен усвоить программу высшего образования. При этом на переходном этапе («общество знания») охват должен составить 60 процентов взрослого населения. Высший же показатель достигается, по мнению авторов, лишь в «когнитивном обществе», то есть на высшей стадии развития постиндустриальной цивилизации (см. С. 66 и далее).

От подобной динамики захватывает дух, но авторы немедленно поясняют, что они имеют в виду. По их данным, подобные темпы развития вполне соответствуют средним показателям, отмечаемым во всех промышленно развитых странах современного мира. Так, среди ведущих

государств ОЭСР по темпам роста числа студентов лидирует Южная Корея — около 3 процентов в год. Россия же, применительно к которой принято сетовать о «чрезмерном» количестве студентов, сильно отстает от нее, поскольку у нас этот показатель не превышает 1 процента, что, как считает М. П. Карпенко и его сотрудники, крайне мало (см. С. 66–67). Но дело даже не только в том, что мы следуем той же дорогой, что и все остальное «прогрессивное человечество». По мнению авторов рецензируемой книги, постоянно растущая доля лиц с высшим образованием — неотъемлемое конкурентное преимущество России.

Парадоксальным это замечание кажется только на первый взгляд. С цифрами в руках М. П. Карпенко и его сотрудники показывают, что в среднем получение высшего образования повышает производительность труда в 5–7 раз, что в свою очередь обеспечивает объем вклада наукоемких производств и новаций в ВВП до 80 процентов (см. С. 95–96). Но это еще не все. Лица с высшим образованием являются более мобильными на рынке труда. Они проявляют наиболее высокую степень готовности к повышению квалификации и получению новых профессий, меньше держатся за привычное место жительства, а потому находят новую работу гораздо быстрее, чем те, кто в свое время не удосужился обзавестись дипломом. Отмеченные тенденции характерны для всех стран ОЭСР, так что, выдвигая свои предложения, авторы рецензируемой книги вовсе не избрегают велосипед (см. С. 99–103).

Но и это еще не все. Привлекая широкий круг статистических данных, сотрудники СГА показывают перспективы самого образования как отрасли экономики, как полноценного бизнеса, вовсе не обязанного сидеть на шее у государства. С учетом тщательного анализа тенденций демографического развития страны, ученые наглядно поясняют, как и почему отечественный рынок высшего образова-

* См., например: Н. Ласкина. Слишком много людей. — «Siburbia». 21.02.2012 (www.siburbia.ru/columns/slishkom-mnogo-lyudey/).

ния будет практически непрерывно прирастать до 2033 года (см. С. 70). И это лишь внутренний рынок. А есть еще внешний, где перспективы России также весьма неплохи: потенциальный спрос оценивается гигантской цифрой в 300–500 миллионов человек (см. С. 72). Верится с трудом. Однако авторы наглядно поясняют, что они имеют в виду. И в первую очередь — честно признаются, что, при всей ее перспективности, сфера высшего образования — это не та область, где мы можем встать «впереди планеты всей»: в обозримой перспективе у нас будут весьма серьезные конкуренты в лице США, ФРГ, Великобритании, Японии, Франции и некоторых других государств (см. там же).

Такие заявления звучат правдиво и напрочь отбрасывают саму возможность предъявления авторам обвинения в пустом прожектерстве. Тем с большим доверием воспримутся замечания о том, что у российского образования совсем неплохие перспективы на рынках развивающихся стран — к слову сказать, тех, на которых в прошлом была весьма велика доля СССР. По прикидкам М. П. Карпенко и его соавторов, ежегодно наши вузы могли бы обучать как минимум 8–16 миллионов иностранных студентов (максимальная цифра оценивается в 25 миллионов человек). Для сравнения: максимальная численность студентов, обучающихся в российских вузах, была достигнута в 2008 году — 7,5 миллиона человек; с тех пор по демографическим причинам она неуклонно снижалась. Выход же на мировой рынок высшего образования сулит доходы от 8 до 16 миллиардов долларов в год — и это при условии, что Россия захватит не более 2–4 процентов его объема (доля США в настоящее время составляет около 20 процентов) (см. С. 73).

Столь трезвый (вплоть до оценки потенциальных доходов) подход говорит об авторах рецензируемой книги как о последовательных сторонниках полного и всестороннего перевода образования на рыночные рельсы. И действительно, в своих построениях на первое место они ставят интересы студента как потребителя образовательных услуг: «Там, где государ-

ство дает деньги напрямую вузам, и находится... “черная дыра”, поскольку деньги достаются государственному вузу в целом и проконтролировать эффективность их использования при большом количестве вузов практически невозможно. Выход из сложившейся ситуации возможен при переходе от финансирования государством вуза в целом к финансированию государством (например, путем выдачи грантов и/или кредитов на обучение) и обществом студента, который «принесет» деньги в выбранный им вуз, причем независимо от его формы собственности» (С. 213). Думается, приведенная цитата не нуждается в комментариях.

Однако и это еще не все. Помимо прямых экономических выгод от развития системы высшего образования, авторы указывают также на косвенные. И прежде всего — как бы парадоксально это ни звучало — в рецензируемой книге они связываются с возможностью смягчения наиболее негативных проявлений депопуляции: «обычно люди всегда стремятся жить там, где выше качество жизни. Одним из основных компонентов качества жизни является возможность получения образования... Поэтому при планировании развития образования необходимо учитывать географический фактор. Там, где в поселениях нет возможности получить образование, люди жить не будут. Если... школа уйдет из села, за ней вслед уйдут и люди» (С. 76) и т. д.

Рассуждая подобным образом, авторы рецензируемой книги явно дистанцируются от политики ликвидации малокомплектных школ, вот уже не первый год проводимой профильным министерством по инициативам (и проектам), исходящим из все того же Института развития образования при НИУ–ВШЭ. И здесь они также исходят далеко не только из благих пожеланий. Реализацию своих планов М. П. Карпенко и его соавторы связывают с внедрением современных компьютерных технологий, позволяющих наладить полноценное обучение школьников даже в тех школах, в которых учится не более 10 человек. Достаточно взглянуть на предлагаемую в книге калькуляцию расходов, чтобы понять: доводы авторов заслужи-

вают как минимум самого пристального изучения.

Однако не одной только прибылью (прямой и косвенной) жив человек. И авторы рецензируемой книги, едва ли не первыми из российских экспертов в сфере образования, обращают внимание на те сферы человеческой жизни, которые вовсе не связаны с экономикой, но которые в весьма значительной степени определяют не просто бытие, но само существование человека как разумного существа со сложной организованной психикой. Данные статистики, присутствующие в книге, свидетельствуют, что люди с высшим образованием в сравнении со своими менее образованными согражданами имеют более высокий уровень благосостояния (что относится как к материальным, так и к нематериальным благам) (см. С. 95–99), отличаются более крепким здоровьем (см. С. 103–107), имеют большую продолжительность жизни (см. С. 107–111). Одним словом, чем выше уровень образования человека, тем выше качество жизни, которую он ведет.

Не ставя своей целью пересказ всего содержания рецензируемой книги, постараюсь выделить то главное, чего удалось достичь ее авторам. Полагаю, что таким достижением является сама методология анализа текущего состояния и перспектив развития образования. В самом деле, можно не разделять всей совокупности авторских выводов и подходов, но нельзя не согласиться с постановкой того круга ключевых вопросов, ответы на которые задают тон всему содержанию монографии.

Представляется, что таких вопросов шесть. Сформулировать их можно так.

1. Как выявить оптимальную долю обучающихся и обучающихся в общей массе населения страны?

2. Каково место высшего образования в обществе? Какие функции оно выполняет, помимо подготовки профессионалов определенных категорий *stricto sensu*?

3. Как существующая структура образования соотносится с потребностями организации непрерывного образования разных направлений специалистов?

4. Как совместить структуру отрасли со специфическими (в том числе — гео-

графическими, климатическими и демографическими) условиями нашей страны? И способно ли образование хотя бы отчасти компенсировать влияние таких застарелых «болезней» «новой России», как неравномерность распределения населения по стране и негативный прогноз развития демографической ситуации, связанный с «русским крестом»?

5. Есть ли у России перспективы выйти на зарубежные рынки образовательных услуг, заняв на них хотя бы то положение, которого добился Советский Союз ближе к концу своей истории?

6. И наконец, каково место сектора образовательных услуг в российской экономике? Какие потенциальные преимущества способно принести стране образование как бизнес? Каковы потенциальные прибыли от этого бизнеса?

Думается, что отныне ни один настояющему ответственный исследователь проблематики российского образования не сможет пройти мимо этого вопросника (естественно, предложив и собственные варианты ответов). В этом и состоит суть старого доброго академического правила, согласно которому постановка проблемы является главным достижением исследователя, ибо без нее нет и не может быть исследования.

Давая столь высокую оценку рецензируемой книге, я вовсе не хочу сказать, что согласен с каждым содержащимся в ней авторским выводом. Наоборот, мне есть с чем поспорить, в частности потому, что, в отличие от М. П. Карпенко и его соавторов, я не являюсь адептом дистанционного обучения, которое хорошо знаю не только в его российском, но и зарубежном вариантах. Остаются вопросы и к предлагаемой авторами модели так называемого распределенного вуза, ряд достоинств которой представляются мне преувеличенными. Но, думаю, в данном случае это — не главное. Главное же — то, что сделан еще один важный шаг в осмыслении сути проблем, стоящих перед российским образованием. А значит, ближе стала и его модернизация, которая (как хочется на этот надеяться!) наконец-то будет удачной.

ЕЛЕНА ПОНОМАРЕВА

Между прошлым и будущим

Российская дипломатия в лабиринтах мировой политики

С. В. Лавров. Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире.

М., «ОЛМА Медиа Групп», 2011. 896 с.

О дипломатии нужно судить не только по тому, что она добилась, но и по тому, чего благодаря ей удалось избежать.

Абба Эвен

Выход в свет книги министра иностранных дел РФ Сергея Викторовича Лаврова — нередкое событие не только в политической жизни нашей страны. В тексте, который несомненно привлечет внимание специалистов-международников, не только зафиксированы основные вехи эволюции внешней политики России и трансформации мировой системы, но и подняты многие сложные и актуальные вопросы, касающиеся каждого из нас.

Основную суть содержания книги выразил в своем предисловии к изданию ректор МГИМО, академик А. В. Торкунов, отметивший, что «отобранные материалы наиболее ярко иллюстрируют весьма значимый этап кристаллизации внешней политики новой России, становление ее внешнеполитической философии на основе современных реалий, но в тесной связи с многовековыми традициями российской дипломатии... Выступления и статьи С. В. Лаврова позволяют проследить непростую эволюцию внешнеполитической мысли России и ее отражение в практических делах» (С. 10–11).

Действительно, собранные в этой книге статьи, выступления и интервью

главного дипломата России очерчивают сложный, я бы сказала, тернистый путь отечественной дипломатии в условиях глобализирующего мира, несущего не только новые возможности, но и новые угрозы и вызовы. Анализ заявленных, доказываемых и проводимых министром внешнеполитических положений показывает, что современной российской дипломатии свойственен строгий политический прагматизм, основанный на приверженности высшим духовным ценностям, понятиям гуманности и справедливости, но главное — на преданности служению интересам своей родины. Не будет преувеличением утверждать, что каждый включенный в книгу материал не только отражает проницательность и реализм российского внешнеполитического руководства, но и (разумеется, для вдумчивого читателя) раскрывает многие тайные смыслы мировой политики.

Структура издания позволяет легко и быстро ориентироваться в огромном материале, находя важную и нужную информацию по каждому конкретному событию, конкретной внешнеполитической проблеме. В книге шесть глав, каждая из

ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна — доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, доктор политических наук.

которых посвящена отдельному направлению внешнеполитической деятельности современной России. Так, в первой главе — «Россия в условиях смены парадигмы международных отношений в начале XXI века» — собраны материалы, зафиксировавшие не только неизменные приоритеты внешней политики нашей страны на современном этапе, но и серьезную трансформацию всей системы международных отношений.

Одним из приоритетных был и остается далеко не теоретический вопрос, как в условиях глобализации и растущей взаимозависимости государств придать международным отношениям более системный, управляемый характер. Россия предлагает свой ответ, который, правда, многих не устраивает, и понятно почему. Наша страна выступает за прекращение любых попыток «под флагом “защиты демократии” грубо вмешиваться во внутренние дела других стран, оказывать на них политическое давление, навязывать двойные стандарты в оценке избирательных процессов, состояния гражданских прав и свобод. Те, кто прибегает к подобной практике, должны отдавать себе отчет в том, что это лишь дискредитирует демократические ценности, превращая их, по сути, в разменную монету для достижения корыстных геостратегических ценностей» (С. 16). Эти слова были написаны С. В. Лавровым в 2006 году для журнала «Россия в глобальной политике», но, к великому сожалению, не потеряли своей актуальности и сегодня. «Корыстные геостратегические интересы» очевидны за событиями в Тунисе, Египте, Ливии и Сирии, за кулисами так называемой «арабской весны». Они имеют свое проявление в экономическом кризисе еврозоны, в продолжающемся расширении НАТО, в невозможности достичь договоренности по ПРО и целому ряду других вопросов.

Сохраняющаяся небезопасность в мире самым непосредственным образом связана с постоянными рецидивами односторонних силовых действий, которые в свою очередь обусловлены

«синдромом “победы Запада” в холодной войне», стремлением к реидеологизации и ремилитаризации международных отношений». Изменить существующее положение вещей может лишь укрепление России, «способной на равных с другими ведущими державами участвовать в формировании и реализации глобальной повестки дня. *Без России и вопреки России не решить ни одной сколько-нибудь значимой международной проблемы* (курсив мой. — Е. П.)» (С. 34). Ливийский и сирийский кризисы, как и социально-экономическая и политическая дестабилизация Европы, в очередной раз доказали справедливость этого утверждения.

Центральной внешнеполитической темой для России остается проблема евроатлантического сотрудничества. Вторая глава книги — «Евроатлантические горизонты: в интересах создания пространства мира и безопасности», — включающая программные выступления и статьи С. В. Лаврова по вопросам партнерства с США, ЕС и НАТО, дает возможность проследить эволюцию этих непростых отношений. Среди самых болезненных тем — расширение НАТО и создание системы ПРО.

Выступая в Совете по международным отношениям 25 сентября 2006 года в Лос-Анджелесе, министр заметил, что «сегодня нужны не традиционные постоянные альянсы, а целевые альянсы с изменяемой геометрией... Опыт показывает, что узкие, блоковые подходы уже не дают решений существующих проблем, а лишь создают новые» (С. 350). Более того, «повышенную конфликтность в сегодняшнем мире подпитывает то обстоятельство, что значение фактора силы в современных международных отношениях не сокращается» (С. 349). Россия постоянно указывала на недопустимость концентрации силы в одних руках, однако должных выводов мировое сообщество не сделало. В результате одноблоковости обходится международной безопасности слишком дорого — военная интервенция в Ливии, активизация кризиса в Сирии, нагнетание обстановки вокруг Ирана. В связи с этим

чрезвычайно актуализируется вопрос, почему НАТО до сих пор приближается к границам России, если Организация Варшавского договора была распущена 20 лет назад.

Министр объясняет этот факт все еще имеющим место на Западе менталитетом «сдерживания России», в который укладываются и концепция расширения НАТО, и односторонние планы размещения американских баз ПРО в Европе, и ситуация вокруг ДОВСЕ (см. С. 367). При этом С. В. Лавров неустанно работает над разрушением этого «менталитета». На всех международных площадках, на встречах с главами государств и правительств, на пресс-конференциях рефреном звучит одна мысль: «Справиться с общими угрозами, отстоять общие ценности можно только объединенными усилиями, действуя в международно-правовом поле, при уважении демократического выбора каждой страны. Логика многостороннего сотрудничества сильнее логики противостояния и отчуждения» (С. 324). Именно поэтому «взаимодействие с Россией возможно только на основе полного равноправия, уважения интересов безопасности друг друга и обоюдной выгоды» (С. 382).

В условиях кризиса системы международных отношений, сотрясаемой разного рода (бархатными, цветными, арабскими) «революциями», террористическими угрозами, геоклиматическими, миграционными, техногенными и информационными вызовами, распространением ядерного и оружия массового уничтожения, не говоря уже об экономической дестабилизации, проблема «стратегического партнерства» России и НАТО, несомненно, остается одной из самых актуальных. Именно поэтому серьезное внимание российская дипломатия обращает на размещение систем ПРО.

Зафиксированные в сборнике позиции по этому вопросу С. В. Лавров постоянно развивает. В частности, в интервью 21 октября 2011 года трем

российским радиостанциям — «Голос России», «Радио России» и «Эхо Москвы» — он отметил, что «противоракетная оборона [находится] в центре дискуссий, касающихся стратегической стабильности, разоруженческой проблематики, вопросов безопасности. Это понятно, потому что очень долгое время стратегический паритет, глобальная стабильность поддерживались за счет не только концепций ядерного сдерживания между Москвой и Вашингтоном, но и наличием договора, который запрещал развертывание больше, чем одной системы противоракетной обороны для каждой из двух наших стран. После того как США из этого Договора по ПРО вышли и взяли курс на создание своей американской глобальной противоракетной обороны, ситуация изменилась. Потому что, как вы понимаете, если у одного из партнеров появится ощущение, что он создал себе надежнейший антиядерный, антибаллистический щит, то его ядерно-баллистический межконтинентальный меч может испытывать дополнительные искушения, как быть задействованным. Поэтому баланс, на котором держалась стабильность и продолжает сейчас держаться, был нарушен. И те планы, которые Соединенные Штаты сейчас объявили, которые они реализуют в сфере противоракетной обороны, на своей третьей и четвертой фазе где-то в 2018-м и 2020 году, если они все будут осуществлены, как задуманы, то эти планы к концу десятилетия создадут реальные риски для наших стратегических ядерных сил. И не учитывать это в нашем военном планировании мы просто не имеем права»*.

Столь пространная цитата необходима для понимания сути проблемы ПРО. В результате сложилась ситуация, в которой Россия не будет сотрудничать с НАТО по вопросу создания евроПРО до тех пор, пока не получит юридически обязывающих гарантий того, что эта система не будет направлена против нее. Однако оче-

* «Интервью министра иностранных дел России Сергея Лаврова». — www.radiorus.ru/news.html?id=577328

видно, что Москва не собирается молчаливо ожидать гарантий со стороны Вашингтона и Брюсселя. В современных условиях невероятного увеличения военной силы НАТО чрезвычайно сложно справиться с ее обузданием только дипломатическими методами, следуя известному утверждению Г. Киссинджера: «дипломатия есть искусство обуздывать силу». Добиться защиты национальных интересов российская дипломатия может, лишь опираясь на мощную экономику и сильную современную армию.

Еще одна глава книги — «На перекрестках полицентричного мира» — посвящена проблеме взаимосвязанности и взаимозависимости стран и народов, проблеме поиска новых моделей и парадигм развития.

В сфере естественных наук существует теория «эффекта бабочки», которая подтверждает сложнейшую взаимозависимость природных явлений. Суть ее заключается в том, что наша планета представляет собой сложнейший единый организм. Изменения в одной из его сфер не могут остаться незаметными для других составных частей системы. Так, например, от взмаха крыльев бабочки где-нибудь в Австралии может случиться смещение воздушных потоков — и в Европе начнутся проливные дожди.

Сквозь призму этой теории можно посмотреть на политическое развитие. Понять не сложно, что бомбардировки авиацией НАТО любого суверенного государства, будь то Союзная республика Югославия, Ирак или Ливия, не могут не вызвать катаклизмы в самых удаленных от места события регионах, не спровоцировать социально-экономические и политические конфликты. Сложность и зависимость современного мира от «натовских бабочек» заставляют российское государство, прежде всего в лице своей дипломатии, искать новые пути развития мировой цивилизации, что невозможно сделать без тесного контакта с представителями всех стран и наднациональных структур.

Полицентричность мира определена самой историей человеческого общества. Это объективная данность и высочайшая ценность мирового сообщества, которые нельзя, да и не нужно, стандартизировать. Российская сторона не только прекрасно понимает это, но и делает все возможное для формирования «подлинно представительных, глобальных площадок согласования подходов к общим для всего международного сообщества проблемам» (С. 612). Именно этим стремлением обусловлено активное сотрудничество России с АСЕАН, АТЭС, ВТО, ЕврАзЭС, Лигой арабских государств, Организацией Исламская конференция, Организацией Черноморского экономического сотрудничества, МВФ, ПАСЕ, ШОС и целым рядом других структур.

Азиатский вектор развития мировой и российской политики нашел свое отражение в четвертой главе — «Интеграция России в Азиатско-Тихоокеанский регион: новые возможности». Будучи евразийской державой, Россия самым тесным образом связана, а по некоторым вопросам даже «встроена» в АТР. Позиции России относительно этого региона, закрепленные в основополагающих документах внешней политики, прежде всего в Концепции внешней политики Российской Федерации и Стратегии национальной безопасности до 2020 года, находят свое естественное развитие в статьях и выступлениях главы МИД РФ.

Россия готова строить дружественные отношения с каждым из государств АТР на основе равноправия, взаимной выгоды, уважения и учета интересов друг друга, стремится не только наращивать сотрудничество со странами региона в экономической и гуманитарной сферах, но и совершенствовать систему обеспечения взаимной безопасности, включая совместное противодействие общим вызовам и угрозам, прежде всего международному терроризму, экстремизму, наркотрафику, транснациональной преступности, незаконной миграции (см. С. 746—749). В этих целях Россия призывает своих ближних и дальних соседей по АТР работать над со-

вершенствованием двух- и многосторонних отношений, наращивать потенциал многостороннего политического диалога, искать и реализовывать новые возможности многопланового сотрудничества с приоритетами в сферах экономики, гуманитарного взаимодействия, борьбы с традиционными и новыми вызовами. Иными словами, Россия может и готова проводить прагматичную, взвешенную внешнеполитическую стратегию, экономически и цивилизационно присутствовать в регионе.

Особое место в книге занимает глава «Уроки Великой Победы». На примере величайшей трагедии нашего народа, а также тяжелейших испытаний и потрясений, выпавших на долю многих народов мира, Россия словами своего министра с самых высоких трибун призывает и даже заклинает не повторять ужасы самой страшной в истории человечества войны.

Выступая 29 апреля 2010 года на 61-й сессии ПАСЕ, С. В. Лавров отметил: «Россия никогда не делила и не делит Победу на “свою” и “чужую”. Войну выиграла все союзники по антигитлеровской коалиции... Но мы никогда не забудем, что Советский Союз... принял на себя основной удар гитлеровского нашествия. Три четверти вооруженных сил гитлеровской Германии были брошены на Восточный фронт и там разгромлены». Особо министр подчеркнул, что тогда, думая о будущем Европы и мира, «победители над “коричневой чумой” в те годы поднялись над идеологическими разногласиями» (С. 785–786). Именно этот опыт, опыт совместной борьбы против общей угрозы должен быть учтен и переосмыслен. Несомненную актуальность анализ событий 65-летней давности приобретает как в свете безобразных и антигуманных решений и действий руководства некоторых стран, приведших за последние несколько лет к гибели сотен тысяч мирных граждан в разных частях света, так и в условиях возрождения идей национал-социализма и фашизма.

Прискорбно осознавать, что с формальным окончанием «холодной войны»,

с падением Берлинской стены «берлинские стены» в сознании многих людей все еще остаются весьма крепкими. В частности, этим можно объяснить тот факт, что «ни в ОБСЕ, ни в каких-то других общеевропейских форматах так и не получил международно-правового закрепления принцип неделимости безопасности», что в современных международных отношениях отсутствуют такие важнейшие ценности, как «умеренность, самоограничение, примирение, нацеленность на поиск баланса интересов» (С. 789). В результате получается, что делимость безопасности формирует устойчивость гегемонии одних за счет попрания прав и интересов других. Иными словами, продолжает действовать принцип, сформулированный еще в XVII веке Б. Паскалем: «Люди не могут дать силу праву и дали силе право».

Осознавая такое положение вещей как попытки действовать по принципу «победитель получает все», возникшее после «победы в “холодной войне”», Россия, тем не менее, пока готова строить новые отношения с Западом. При этом наша страна не перестает убеждать мировое сообщество в том, что «стратегические заверения только на словах, без каких-либо действий и практических перемен не только пусты по смыслу, но и несут в себе опасность разочарования, от которого один шаг до политики раздражения и досады. На кону — будущее всего Евро-Атлантического региона и его роль во все более сложной и полицентричной международной системе XX века» (С. 804).

Эти строки были написаны С. В. Лавровым в статье «Одна на всех», опубликованной 17 мая 2010 года в журнале «Итоги», и оказались подобны гласу вопиющего в пустыне. Экономические, политические и геостратегические события уходящего года свидетельствуют о серьезном системном кризисе Евро-Атлантики, выход из которого невозможен без полноправного участия России в формировании новой архитектуры как политической, так и экономической безопасности.

В современном мире внешняя политика не может существовать в отрыве от общественных потребностей и интересов. Более того, зачастую именно она является их выразителем и защитником. Философия российской дипломатии последних лет развивается в тесной взаимосвязи государственной политики и гражданского общества. Материалы шестой главы — «За укрепление диалога культур. Взаимодействие с гражданским обществом и бизнесом» — служат прекрасной иллюстрацией активности российского государства в самых разнообразных культурных и бизнес-проектах.

Глобализация не сделала мир единым и целостным. Более того, «одной из самых серьезных является опасность возникновения новых разделительных линий, теперь уже не по идеологическому, а по культурно-цивилизационному признаку» (С. 813). Россия, будучи страной, формировавшейся на стыке нескольких цивилизаций, выступает за сосуществование и синтез культур, за сопряжение подходов «к актуальным внешнеполитическим проблемам с ценностями основных мировых религий, составляющими духовно-нравственную основу общечеловеческой солидарности» (С. 814).

Исходя из этой позиции и собственного многовекового опыта, наша страна не может согласиться с навязыванием ценностей единственной «подлинной» цивилизации — западной, что, с одной стороны, порождает непонимание на Западе, с другой — формирует особый образ России на Востоке. Избежать ценностных и культурологических ловушек, основанных на приверженности той или иной культуре, религии, идеологии, по мнению С. В. Лаврова (и в этом с ним нельзя не согласиться) возможно через Альянс цивилизаций. Именно Альянс цивилизаций «призван послужить инструментом, позволяющим заложить основу более справедливого, демократического и безопасного мирового порядка» (С. 821). В то же время глава МИД РФ, где бы он ни выступал, неизменно заявляет об особом

значении Русского мира в деле сохранения русскоязычного и русскокультурного пространства (см. С. 839—843), без которого не возможен как успешный Альянс цивилизаций, так и развитие, процветание самой России.

Книги, как и люди, каждая имеет свое лицо и характер. У этой книги и респектабельный вид, и солидное содержание. «Между прошлым и будущим...» — собрание выступлений и статей официального представителя Российской Федерации на международной арене, но при этом каждая ее страница передает глубоко авторскую позицию незаурядного человека и политика. Эта книга требует серьезного, вдумчивого прочтения. Только так можно увидеть не только государственный подход, но и личностную позицию.

Сергея Викторовича всегда интересно слушать, но еще более интересно читать. Это особенно важно, когда ты знаешь, что его слова отражают не просто частное мнение, но позицию государства. Известный английский историк Дж. Тревелльян как-то заметил, что «дипломатическую телеграмму следует составлять так, словно тебе самому придется платить за каждое слово». Статьи и выступления российского министра строго следуют этому принципу: он готов отвечать за каждое слово, но при этом все они несут на себе отпечаток неординарной личности политика, они глубоко индивидуальны.

Читая собранные в издании статьи и выступления, отражающие эволюцию внешнеполитических позиций нашей страны в стремительно меняющемся мире, меня не покидало ощущение, что автор постоянно обращается к нам, гражданам России, с не высказанными прямо, но ясно читаемыми между строк «проклятыми вопросами» современности. Почему многие российские инициативы остаются неостребованными международным сообществом? Почему система международных отношений продолжает работать на основе принципа «двойных стандартов»? Когда страна вновь обретет

силу, достаточную для того, чтобы категорически исключить произвол из практики межгосударственных отношений? Как достичь равновесия мировой системы? Какие усилия необходимо предпринять, чтобы превратить нашу страну в самостоятельный, не зависимый в принятии стратегических решений от других стран и группировок центр мировой политики, способный отстаивать свои интересы всеми доступными средствами?

Вопросов действительно возникает много. Однако особую ценность этой книги я вижу не только в самой постановке проблем (что было бы важно уже само по себе), но и в том, что вдумчивый читатель сможет после ее прочтения на многие из них найти ответы.

В результате актуальность и востребованность этой работы определяется тонким сочетанием дипломатических принципов и прагматических позиций современной российской дипломатии с высоким профессионализмом и глубоким философским пониманием окружающей действительности ее автора. Именно эти качества книги определили ее нужность как для профессиональных дипломатов и специалистов-международников, так и для самого широкого круга читателей, готовых к серьезному и обстоятельному изучению важнейших вопросов мировой политики, не праздно любопытствующих, но думающих о судьбах своей страны и мира.

Характер книги, интерес к ней, несомненно, формируют и представленные в ней фотографии — их более 30. Среди них снимки в рабочем кабинете

министра, во время встреч с главами государств, правительств, министерств и международных организаций. В книгу вошли также исторические снимки с женеvской встречи 6 марта 2009 года, когда С. Лавров и Х. Клинтон нажали символическую «кнопку перезагрузки», а также с мюнхенской церемонии обмена грамотами о ратификации нового российско-американского Договора о СНВ 5 февраля 2011 года. Не меньший интерес вызывают неформальные фото. Например, на отдыхе с друзьями на Байкале, во время посещения средней школы на острове Шикотан, за работой в самолете или за «рабочей» чашкой кофе с коллегами.

В заключение хочу подчеркнуть, что книга С. В. Лаврова является чрезвычайно важной и актуальной, рождающей массу идей и заставляющей серьезно задуматься над сложным меняющимся миром, увидеть ошибки прошлого и не допустить угрожающего будущего. Наконец, она дает возможность понять правоту слов министра иностранных дел Израиля (1966—1974) А. Эвена, вынесенных в качестве эпиграфа к этой рецензии: «о дипломатии нужно судить не только по тому, что она добилась, но и по тому, чего благодаря ей удалось избежать».

Ценность книги еще и в том, что она фиксирует постоянно доказываемую Россией историческую правоту: сила только в праве, и нет иного способа сохранить мир, человеческую цивилизацию, как следование этому принципу. Как говорит сам министр, «мы вынуждены опираться на факты международного права — других критериев в международных делах не существует»*.

* «Смерть Каддафи необходимо расследовать». — «Голос России» (www.rus.ruvr.ru/2011/10/21/59074325.html).

ИГОРЬ НАЗАРОВ

Две России: реальная и мифологическая

В. Р. Мединский. О русском рабстве, грязи и «тюрьме народов».

М., «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 542 с. (Серия «Мифы о России»);

Он же. О русском воровстве, особом пути и долготерпении.

М., «ОЛМА Медиа Групп», 2009. 496 с. (Серия «Мифы о России»);

Он же. О русском пьянстве, лени и жестокости. Изд. 2, испр.

М., «ОЛМА Медиа Групп», 2009. 560 с. (Серия «Мифы о России»).

На фоне общих разговоров о глубоком системном кризисе, переживаемом современной Россией, книги историка, профессора МГИМО В. Мединского с их бьющим через край оптимизмом смотрятся явным исключением. Отметим, что автор посвятил целую трилогию характеру русского народа и мифам о России и утверждает, что «ни в коей мере не ставит под сомнение, что и воровство, и пьянство, и недоразвитость демократических процедур, и многое другое в настоящий момент являются в России печальной реальностью. Это есть. Это наша беда, наша проблема, наше горе» (см. О русском рабстве... С. 15)*. Но, по его мнению, «подходить к истории следует трезво» (*Там же*. С. 19), что он сам и делает, выступая со своими книгами. При этом В. Мединский беспокоится о престиже страны, о воспитании гордости за ее историю, которой будет гораздо больше, «когда мы научимся распознавать и обезвреживать черные политические мифы» (*Там же*. С. 11).

Отдельные части трилогии посвящены характеристике таких традиционных российских пороков, как пьянство, жестокость, лень, нечистоплотность, русская угроза и др. Автор рассуждает о рабстве и демократии в России, воровстве, будто бы генетически присущем русским, «особом русском пути» и технической отсталости России.

Наглядным примером рассуждений В. Мединского является его экскурс, посвященный проблеме пьянства. Он полагает, что это выдумка, миф, который, как и другие мифы, создан или русскими интеллигентами, или службами Запада. По мнению Мединского, подобные мифы о России «невероятно мешают нам и внутри страны, и на международной арене... Внутри страны мифы парализуют нашу волю, нашим врагам дают “право” теснить Россию политически и экономически» (О русском пьянстве... С. 259–260). Вера в эти мифы позволяет относиться к нам с пренебрежением, а потому Россия не сможет стать современным и богатым государством, пока не отбросит эти мифы.

Но отбросить мифы — легко, а как быть с алкоголизацией населения страны, автор книги не говорит. Между тем, по статистическим данным, в России выпивается 15 литров абсолютного алкоголя (чистого спирта) на одного жителя (включая грудных детей) в год, тогда как уже при 8 литрах на душу населения в год нация, по данным Всемирной организации здравоохранения, начинает вырождаться как физически, так и морально.

Общественность страны бьет тревогу, положение с алкоголизмом критическое, в стране официально насчитывается 2,3 миллиона алкоголиков (реально — в

НАЗАРОВ Игорь Васильевич — профессор кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета, доктор философских наук.

* При цитировании обсуждаемых книг В. Р. Мединского в скобках указывается только усеченное название цитируемой монографии и соответствующая цитате страница. — *Ред.*

2,5 раза больше), разрабатывается программа по борьбе с алкоголизмом, а для В. Мединского пьянство на Руси — миф, сказка, созданная русскими интеллигентами. Но так ли это? Присмотримся к статистике. А она неутешительна. Так, Россия занимает первое место в Европе по смертности от отравления алкоголем, водка становится причиной смерти полумиллиона россиян ежегодно. Только в 2008 году от отравления алкоголем умерло 56 тысяч мужчин и 20 тысяч женщин. Среди умерших почти 30 процентов приходится на лиц трудоспособного возраста. Алкоголизм приобрел в России характер национального бедствия. Эксперты признают алкоголиками 3,4 процента взрослого населения страны. Причем алкоголизм поразил не только мужчин, но и женщин — в стране 473 тысячи алкоголичек.

На этом фоне заявление В. Мединского о том, что «проблема женского алкоголизма, к счастью, в России не является угрожающей» (*Там же. С. 272*) кажется на смешной над здравым смыслом. К тому же для доказательства пьянства в Европе, а не в России автор прибегает к «лукавым цифрам». Так, он пишет, что «по потреблению вина на душу населения мы занимаем 20-е место в мире... В среднем россияне потребляют в год 6,1 литра вина на человека. Возглавляет таблицу Франция с 55,4 литрами на душу населения в год, за ней следует Португалия — 52,6 литра, на третьем месте Италия — 51,1 литра» (*Там же. С. 267*). Однако при этом следовало бы упомянуть о структуре потребления алкогольных напитков. В России этот показатель составляет 72,3 процента против 25—30 в большинстве других стран*.

И тогда становится понятно, почему же именно наши газеты, а не французские, полны заголовками: «Спивается деревня», «Пьянствуют поселки и города». С алкоголизмом надо бороться, проблема эта сложная, комплексная, социокультурная. Но объявление пьянства мифом вряд ли поможет ее решить. Более того, она долж-

на быть четко, недвусмысленно названа, исследована, всесторонне рассмотрена, обсуждена, и это позволит наметить пути, способы преодоления алкоголизма в нашей стране, потому что мы пьем много, сразу и часто. А вывод В. Мединского, что «мы живем в одной из самых здоровых стран мира, с самым качественным генофондом и низким уровнем алкоголизации» (*Там же. С. 354*) основан на желании видеть жизнь лучше, чем она есть в действительности, и противоречит фактическим данным и по продолжительности жизни россиян, и по числу погибших от алкоголизма. Достаточно сказать, что из-за алкоголизма у нас продолжительность жизни мужчин на 12—14 лет меньше, чем у женщин.

Г. Г. Заиграев отмечает: «Будучи для России и в прежние времена исключительно злободневной, проблема пьянства в начале XXI в. приобрела особенно болезненный для общества характер. По своему разрушительному воздействию на судьбы людей, физическое и нравственное здоровье народа нынешние масштабы алкоголизации общества не идут ни в какое сравнение с их историческими размерами. Практически по всем своим параметрам — уровню употребления алкоголя, заболеваемости, смертности населения, преступности на почве злоупотребления спиртными напитками, подверженности алкоголю подростков и женщин — острота проблемы пьянства приобрела характер, серьезно подрывающий социально-экономические, духовно-нравственные основы жизнедеятельности общества и государства, национальной безопасности**». Он указывает и на разнообразные причины алкоголизации и пьянства: экономические, социально-экономические, социально-психологические, психологические, социокультурные, психофизиологические. Причем в массовом сознании умеренное потребление алкогольных напитков выступает как социальная норма, как часть бытовой культуры и образа жизни.

* См. Г. Г. Заиграев. Алкоголизм и пьянство в России. Пути выхода из кризисной ситуации. — «Социс», 2009. № 8. С. 74.

** См. там же.

Таким же домыслом, как и пьянство, В. Мединский считает жестокость и лень русского народа. В этих недостатках, по его мнению, наш народ обвиняют идейные враги и недоброжелатели. Между тем, если верить автору, «характер нашего народа более мягок, менее жесток, менее склонен к насилию и кровопролитию, чем характер народов Европы» (*Там же. С. 369*). Кроме того, мы каемся за все свои преступления, тогда как остальные народы и правители этого не делают. В. Мединский словно не видит волны преступности и агрессивности, захлестнувшей страну. Достаточно сказать, что Россия занимает первое место в мире по торговле людьми и потреблению алкоголя, а второе — по числу умышленных убийств.

Так, например, Н. Н. Клюев, отмечая чрезвычайно высокий уровень преступности в стране, пишет: «В большинстве европейских стран, совершается 1–3 убийства на 100 тысяч жителей, в США вдвое больше — 5,6. Жители нашей страны истребляют друг друга намного активнее — 19,9 убийства... По числу заключенных, содержащихся в тюрьмах на 100 тыс. человек, Россию опережали лишь Руанда и США из 172 стран мира»*. Ежегодно регистрируется официально около 3 миллионов преступлений. М. Абрамов отмечает, что в 2009 году в России было совершено не 3 с небольшим миллиона преступлений — как следует из официальной статистики, а почти 26 миллионов**. Это значит, что не 2 процента граждан являются преступниками, а с учетом латентной преступности — 18 процентов.

Социологические исследования показали, что выявленные криминологами черты правонарушителей (импульсивность, эгоистичность, агрессивность, мстительность, пренебрежение к закону, беспринципность и жестокость) во многом присущи населению в целом. И когда

А. Приставкин, бывший председатель комиссии по помилованию при Президенте России, приходит к выводу, что иностранцев больше всего поражает в приезжих из России именно жестокость, он во многом прав. Вновь обратимся к цифрам.

Ежедневно в России от рук домашних тиранов в российских семьях погибает 41 женщина, 36 тысяч подвергаются избиениям. По официальным данным, каждая четвертая семья страдает от домашнего насилия, а по анонимным опросам — каждая вторая. В стране официально насчитывается 710 тысяч сирот, причем 95 процентов из них имеют живых родителей. Ежегодно в родильных домах матери оставляют 12–13 тысяч младенцев.

Оригинальные идеи о причинах жестокости русского человека развивал С. А. Аскольдов***. По его мнению, русская душа, как и всякая другая, состоит из трех основных частей: святое начало, специфически человеческое и звериное. Наибольшее своеобразие русской души заключается в том, что среднее, специфически человеческое начало является в ней несоизмеримо слабым по сравнению с национальной психологией других народов. В русском человеке как типе наиболее сильными являются начала святое и звериное.

По мнению философа, русский народ оставался, по существу, чужд гуманизму, зародившемуся и пребывавшему лишь в сознании интеллигенции. В силу слабости среднего человеческого начала народ подвержен резким колебаниям между святостью и звереподобием. Особенно это проявляется в экстремальных условиях. Но не только в них. Для того чтобы понять это, достаточно вспомнить чеховские повести «В овраге», «Мужики», «Барыня». В них великий русский писатель разоблачает славянофильские мифы о якобы изначально заложенной в русском народе христианской сущности,

* Н. Н. Клюев. Россия на мировой карте социального благополучия. — «Вестник РАН». 2009. № 7. С. 641.

** См. М. Абрамов. О некоторых направлениях модернизации. — «Свободная мысль». 2011. № 2. С. 58.

*** См. С. А. Аскольдов. Религиозный смысл русской революции. — «Вехи. Из глубины». М., 1991.

его особой избранности и духовной высоте по сравнению с другими народами.

В то же время в общественном сознании россиян широко распространены представления о высокой духовности народа, присутствии в нем коллективистских и христианских начал, «широте души», природной доброте, соборности и т. д. Особенно подчеркивается роль богатыми событиями истории и влияние русской культуры на развитие европейской и мировой культуры. Но данные статистики, особенно криминальной, не подтверждают этих представлений. Не случайно Л. И. Чинакова, говоря о менталитете народа, отмечает небывалый рост имущественной и экономической преступности, массовое распространение различных форм воровства и коррупции, громадный удельный вес «теневой экономики», масштабы вывоза капитала за рубеж, кровавые конфликты на почве дележа собственности, культ вещей, денег, обогащения любой ценой. Настораживают, по мнению Л. И. Чинаковой, и результаты многих социологических исследований, особенно среди молодежи.

Согласно им, большинство — иной раз до 80 процентов опрошенных студентов и учащихся — считает основной целью жизни обеспечение материального благополучия; рассуждающие таким образом респонденты вообще не работали бы, будь они материально обеспечены; служить же другим людям и общему благу намерены менее половины респондентов*.

Третий разоблачаемый В. Мединским «миф» касается русской лени. Он сложился, по мнению автора, «не на основании каких-либо конкретных фактов и проявлений российской бытовой жизни, а, так сказать, по совокупности... Опираясь на высказывания путешественников XVI—XIX веков и на теорию Вебера, и западные, и наши доморощенные мифотворцы утверждают: стратегическая задача русских в том, чтобы получить все сразу, не затратив ни физических, ни умственных усилий. У русских безответственное отношение к труду, — подводят они итог» (*Там же. С. 458, 475*).

В противоположность этому «мифу» автор отмечает, что у нас «труд и его результаты всегда были мерилем состоятельности и личности, и общества... Работа всегда была и остается неотъемлемой частью существования каждого вменяемого человека» (*Там же. С. 474, 496*). Оказывается, еще с «Домостроя» — свода правил XVI века — трудолюбие являлось традицией русских людей. Они хотели и любили трудиться — и в результате освоили Север, Сибирь, Среднюю Азию, Дальний Восток. При этом Россия помогла и другим странам: «Чили, Индия, пол-Африки, Китай, Вьетнам, Индонезия... В общем, чуть ли не полмира сидели на шее у России» (*Там же. С. 495*).

Эти взгляды весьма распространены в общественном сознании: считается, что только русский работник может так «вкалывать», часто без сна и отдыха. Действительно, в исключительных случаях так и происходит. Но это трудовое героичество не может продолжаться длительное время, а тем более составлять основу повседневной деятельности. А потому можно согласиться с великим русским поэтом А. С. Пушкиным, который писал, что «мы ленивы и нелюбопытны».

В. Мединский полагает, что «не стоит вечно использовать эту фразу для иллюстрации мифа о бесконечной отечественной лени», ибо «далеко не каждое его высказывание было историческим и объективным» (*Там же. С. 458, 475*). Однако общеизвестно, что в организации труда, его интенсивности и эффективности мы значительно отстаем от развитых стран. А именно эти оценки считаются решающими в определении трудолюбия населения. Такой комплексной оценкой труда является его производительность. По производительности труда в промышленности мы отстаем от США и развитых европейских стран в 3—4 раза. Особенно тяжелое положение в сельском хозяйстве, где низкая производительность труда и урожайность зерновых не превышает 20 центнеров с гектара. По сравнению с развитыми странами у нас больше людей, которые или не желают, или не умеют, или

* См. Л. И. Чинакова. О менталитете русского народа. — «Социс». 2000. № 7.

не способны ответственно трудиться — с максимальной отдачей, без перекуров и перерывов, любое задание выполнять качественно и в срок.

По мнению академика Н. М. Амосова, «наш народ попросту ленив — и этим объясняются главные его беды, в том числе нездоровье и плохая демография. Недаром говорят, что труд спасает как минимум от трех зол — бедности, скуки и растрепанности. Ведь сейчас люди отвыкли работать, социализм их отучил это делать так, как положено человеку. При капитализме люди постоянно напрягаются, к чему-то стремятся, а наша иждивенческая психология привела к полному нежеланию шевелить плавниками»*. Не случайно в 1936 году в статье, посвященной В. И. Ленину, Н. Бухарин назвал русских «нацией Обломовых» — растяпы, бездельники, азиаты. Для того чтобы лучше жить, надо лучше работать, прежде всего изменить себя, свое отношение к труду, которое сформировалось за многие десятки и сотни лет. Необходимо повысить его эффективность, производительность. Задача эта сложная, долговременная, но без ее решения кардинально жизнь не улучшится, только сила труда способна поднять Россию из бездны экономического кризиса.

Для этого необходимо изменить менталитет народа, в котором труд не играет главную роль, не является высшей ценностью. Это выражается в пословицах типа: «Работа — не волк, в лес не убежит», «Работа дурака любит», «От трудов праведных не наживешь палат каменных». Такое отношение к труду сложилось исторически. И. М. Супоницкая отмечает, что в России труд носил ритуальный характер, а не выполнял прямого назначения как средства для удовлетворения потребностей человека**. В Америке труд определял социальное положение человека, он был свободным; у нас же он являлся в основном принудительным, начиная со времен крепостного права и кончая трудом заключенных. Принуждение воспитывало отношение к работе как

к проклятию у крепостных крестьян и как к позору — у дворян. Русский и американский рабочий во многом сохранили психологию и отношение к труду крестьянина и фермера. Первый, выйдя из деревни, принес в город коллективные привычки, ненависть к труду, оставшемуся подневольным; второй — личную ответственность, навыки интенсивного труда. Поэтому изменение отношения россиян к труду — это обязательное условие модернизации России, создания условий для достойной жизни.

Последняя часть трилогии В. Мединского посвящена проблеме отсталости России в области науки и техники. Автор книги считает, что никакой отсталости в этих областях в России нет, более того — Западу надо многому учиться у России. «Отстав от Запада, упорно стремящегося к экологической и нравственной катастрофе, Россия скорее выиграла. А в XIX веке все более явственно начала не просто догонять, а опережать Запад. И во многом именно потому, что мало перенимала механистические идеи Просвещения, спасла свою душу от безумия. Учась у Запада, русские ученые всегда становились лишь подражателями. А вот реализуя свой собственный потенциал, разворачивая народные представления, они сразу становились лидерами мирового развития» (О русском воровстве... С. 386—387). Но никогда отсталость и невежество не считались достоинством, тем более средством от безумия.

В. Мединский не упоминает о том, что наука интернациональна. Не ознакомившись с ее прошлыми достижениями, нельзя развивать ее дальше. Многие русские ученые, в том числе и М. В. Ломоносов, проходили стажировки на Западе. Опора на современный уровень науки для ученого важнее, чем «народные представления», во многом очевидные и наивные. Так, автор признает, что «русские ученые меньше всего и позже всего преуспели в фундаментальной физике» (Там же. С. 388); но следует добавить, что и основоположниками других естественных наук также

* Н. М. Амосов. Синдром усталости? Нет лени. — «Поиск». 1997. № 1. С. 61.

** См. И. М. Супоницкая. Успех и удача: отношение к труду в американском и российском обществе. — «Вопросы философии». 2003. № 5.

являются западные ученые (француз Лавуазье — химии, англичане Лайель — геологии, Дарвин — биологии).

В. Мединский прав в том отношении, что настоящие успехи отечественной науки мало пропагандируются и часто забываются. Он пытается восполнить этот пробел, называя фамилии известных ученых — В. В. Петрова, А. А. Фридмана, Э. Х. Ленца, Д. И. Менделеева, В. В. Докучаева, Ю. А. Северцева, И. М. Сеченова, И. П. Павлова, В. М. Бехтерева, внесших значительный вклад не только в русскую, но и мировую науку.

Автор трилогии отмечает, что не отстаёт от Запада Россия и в области техники. Только эффективность внедрений и изобретений была низка в России XIX века, сохранилась она в СССР и после «перестройки». Мы или забываем о своих открытиях, или эти приоритеты у нас перехватывают другие. Он приводит примеры наших технических открытий: трехлинейка Мосина, лучший танк Второй мировой войны — Т-34, открытие радио Поповым, строительство Транссибирской магистрали до Владивостока.

В области общественных наук, как отмечает В. Мединский, в России родилось, по крайней мере, два направления: анархизм и большевизм. В формировании первого большую роль сыграли М. А. Бакунин, П. Л. Лавров и П. А. Кропоткин. В России анархизм был опробован и на практике, хотя и неудачно. Более эффективным оказался большевизм как уникальная ветвь социал-демократии, который победил в России и создал затем мировую систему социализма. Последняя, правда, развалилась с крахом СССР. И ее наследие, судя по данным статистики, выглядит удручающе.

Так, минимальная зарплата в России в 2011 году составляет (в рублях) 4611, а во Франции — 54,6 тысячи, в Нидерландах — 55,9 тысячи, в среднем в Европе — 40 тысяч (1 тысяча евро). Заработная плата в 2010 году составила в России 600, в Германии — 3,9 тысячи, в США — 3,3 тысячи долларов США. Не лучше и обеспечение работника в старости. Если средняя пенсия в России в 2010 году была 7692 рубля,

то в Норвегии — 60 тысяч, в Нидерландах — 40 тысяч рублей.

На россиянина в 2010 году приходилось 22,4 квадратных метра жилплощади, а в странах ЕС этот показатель равен 40, в Америке — 60, а в Норвегии — 74,1. Более 2,5 миллиона наших людей ютятся в аварийном и ветхом жилье, 40 миллионов живут в неблагоустроенных квартирах.

«Качественный генофонд» В. Мединского выглядит в действительности следующим образом. Россия занимает 182-е место в мире по коэффициенту смертности населения, 134-е — по продолжительности жизни, 127-е — по здоровью граждан, 72-е — по расходам государства на человека. В стране 2,5 миллиона наркоманов, общее число наркозависимых составляет 3,5–4 миллиона человек, ежегодно 30 тысяч из них умирают, в том числе от передозировки наркотиков умирает 3,5 тысячи человек. Ежегодно 8 миллионов человек обращаются за помощью к психиатрам, 3 процента населения страдают депрессией и 1 процент — шизофренией. По данным психиатров, порядка 60–70 процентов людей в России находятся в состоянии повышенной психологической тревоги. Что касается продолжительности жизни, то В. Мединский приводит следующие данные Госкомстата: «...в начале XXI века мужчины в России живут в среднем 60 лет, женщины — 72 года. Тогда как в США мужчины живут в среднем 73 года, а женщины — 79 лет» (О русской демократии... С. 83).

Приводя эти печальные сведения, автор книги указывает, что в прошлом было лучше, и «Россия XVII–XVIII веков славилась своими долгожителями. Много их и сегодня» (*Там же*). Но статистика опровергает и это утверждение. Средняя продолжительность жизни в России в конце XIX века, в 1897 году, составляла всего 32 года, а до этого всероссийских переписей населения не было. В Западной Европе средняя продолжительность жизни в XVII веке составляла 35 лет, в середине XIX века — 40 лет, в начале XX века — 50 лет.

Единственная идея В. Мединского, с которой можно согласиться и признать ее мифом, легендой, — наличие «особого русского пути» и «загадочной русской души».

Действительно, представление о нашей «особенности и непохожести» берedit «душу каждого домочанного русского патриота», близко «сердцу истинного русского человека» (О русском воровстве... С. 204). В обществе господствует убеждение, согласно которому русский народ призван исполнить предначертанную ему свыше историческую миссию. Верно отмечено, что «идея российской исключительности всегда болела — и сегодня, впрочем, болеют — не только критики и оппозиционеры, но и самые ярые апологеты правящей власти» (Там же. С. 207).

Любой народ на нашей планете имеет свою историю, свою специфику, свой менталитет — свою «душу». В качестве особенности русского народа часто выделяют его общинность и соборность. Но черты коллективизма присущи в той или иной степени всем народам, да и общинный строй в России давно уже стал достоянием прошлого. Что же касается высокой духовности, якобы присущей русскому народу, то, как мы уже отмечали, реальное поведение россиян часто противоречит декларируемым нравственным эталонам.

Приводя примеры успешного развития России, автор книги довольно односторонне рассматривает ее историю, ему иногда изменяет чувство меры. Например, он пишет: «Да и в советское время человек был гораздо свободнее, намного увереннее осознавая себя субъектом права, чем во многих “демократических” странах» (О русском пьянстве... С. 49). А разве была в это время в России обеспечена свобода слова, печати, собраний, свобода совести? Надо помнить и о репрессиях в нашей стране и системе ГУЛАГ. А чего стоит такое высказывание В. Мединского: «Мы “знаем” о себе много плохого. Причем многое из этого плохого вообще никогда не существовало» (Там же). Доказать, что тоталитарный режим СССР демократичнее традиционных демократий Запада можно только тогда, когда этого очень хочется вопреки действительности или этого от автора очень ждут. Даже коммунисты считают, что Советская власть использовала

террор, хотя и оправдывают его необходимостью борьбы с «врагами народа».

Кроме того, если книги В. Мединского претендуют на «документально-историческое издание», то надо приводить все факты и документы, а не только те, которые подтверждают точку зрения автора. Так, говоря о жестокости Ивана Грозного, автор ссылается только на число жертв опричнины — 7 тысяч, что, по его мнению, немного — «малая толика» по сравнению с жертвами Генриха VIII в Англии. Но куда же тогда делись убийство Иваном Грозным собственного сына, его расправы с новгородцами, в том числе с женщинами и детьми, которых топили в Волхове, и т. д.?

В итоге можно сказать, что В. Мединский признает и пьянство на Руси, и жестокость, и лень народа. Эти факты подтверждаются данными статистики, спорить с которыми невозможно. Но автор призывает не сгущать краски, поскольку другие народы также несвободны от недостатков. Видимо, В. Мединский забыл слова русского философа П. Я. Чаадаева, который указывал, что любовь к истине для настоящего патриота более прекрасна, чем любовь к своей стране, отечеству. В то же время Чаадаев был подлинным патриотом России, любил ее, что не мешало ему критиковать ее. В частности, он писал: «...мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который умудряется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями»*.

Большая часть идей В. Мединского не подтверждена фактами, а потому их следует считать заблуждениями. Поскольку автор монографий и не стремился к полной исторической правде, а как он сам признает, стремится к созданию выборочной, «позитивной» истории, то эти заблуждения являются направленными, то есть обманом, хотя и продиктованным благородной целью — созданием привлекательного образа нашей страны.

В целом выводы автора весьма спорны, а его трилогия представляется неполной, односторонней и тенденциозной.

* П. Я. Чаадаев. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т.1. М., 1990. С. 63.

ОЛЕГ АУРОВ

«Огонь, дым и сера»

«Трагедия белорусских деревень, 1941–1944. Документы и материалы». Сост. Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменев и др. М., Фонд «Историческая память», 2011. 536 с.: илл.

Так видел я в видении коней и на них всадников, которые имели на себе брони огненные, плацинтовые и серные; головы у коней, как головы у львов, и изо рта их выходил огонь, дым и сера.

Откр. Св. Иоанна Богослова (9:17)

Вышла в свет публикация документов по истории нацистского геноцида белорусского народа из фондов Национального архива Республики Беларусь, Белорусского государственного архива кинофотодокументов и Центрального архива КГБ РБ. Документы, большая часть которых публикуется впервые, отобраны и подготовлены к изданию, снабжены указателями и комментариями Наталией Викторовной Кирилловой, Вячеславом Дмитриевичем Семеновым, Еленой Михайловной Гриневиц и Наталией Александровной Денисовой.

Уже одно простое прочтение этих 212 текстов, датированных периодом от 13 мая 1941-го до 31 января 1961 года, оставляет крайне тяжелое впечатление, даже когда документы ограничиваются лишь сухой «статистикой». В качестве примера приведу взятую наугад цитату: «Колхоз “Силач” — д. Грибеница, из 21 дома сожжено 19 со всей холодной постройкой. Расстреляно женщин — 3 и детей 1 чел., брошена живой в огонь Бенедиктова Елена — 5 лет. Взято скота: лошадей — 12 шт., коров — 7, овец — 30, свиней — 2, кур — 80» (док. № 12 (07.07.1942). С. 39). Это небольшой фрагмент сообщения начальника НКВД Витебского района А. П. Максименко, изло-

женный нейтральным бюрократическим языком сухой перечень «установленных фактов». Никаких эмоций: это — служебный доклад чиновника советской госбезопасности, а не античная трагедия.

Что же тогда говорить о текстах, содержащих детали? А такое нередко бывало в случаях, когда составителями документов являлись «непрофессионалы», главным образом командиры партизанских отрядов и иные оказавшиеся на месте представители власти, в обязанности которых входила фиксация преступных деяний немецких оккупантов и их пособников.

Вот еще одна характерная цитата, касающаяся всего одной белорусской деревни — Челющевичи Копаткевичского района Полесской области. Документ составлен простыми людьми, не знакомыми со стилистикой бюрократического делопроизводства, — это местные жители, 9 человек, в числе которых — депутат райсовета (единственный представитель Советской власти, оказавшийся на месте событий), врач районной больницы и семеро колхозников. Так, как умеют, они рассказывают о «неслыханных в истории зверствах и издевательствах над ни в чем неповинным населением», которые 22–23 июня 1943 года немецкие оккупанты совершили в пгт Ко-

паткевичи, деревнях Заречка, Челющевичи и Ванюжичи» (см. док. № 84 (30.06.1943). С. 184). Может возникнуть впечатление, что стилистика документа сложилась под влиянием штампов советской военной пропаганды, но оно — поверхностное.

Судите сами: «... в дер. Челющевичи: сожжено 147 хозяйств, полностью уничтожены все общественные здания. Уничтожено более 30 га посевов зерновых, технических и огородных культур, убито 6 человек мирного населения — исключительно стариков и старух, угнано на каторгу в Германию более 70 человек, изнасиловано несколько молодых девушек, в том числе 14-летняя Сакович Надя (так в тексте. — О.А.) Петровна, изнасилование которой производилось на глазах родителей 5-ю неуклюжими старыми немцами. Сакович Надя оказалась полумертвой и ее полумертвое молодое тело немцы бросили в грязный кузов автомашины и увезли с собой» (Там же. С. 185—186). И это — лишь один фрагмент из обширного мартиролога, который к тому же еще и не полон, поскольку, как простодушно замечают сами составители, «фиксируя факты, мы... заявляем: это не все, они гораздо больше, чем тут написаны, но всех не описать (так в тексте. — О.А.)» (Там же. С. 186). Это лишь малая часть составивших сборник документальных свидетельств, лишь один из множества эпизодов белорусской Голгофы.

Возникает, однако, закономерный вопрос: если даже простой просмотр этих документов (а тем более — их внимательное прочтение) оставляет такую боль, то не следует ли оставить прошлое прошлым? Надо ли ворошить в памяти то, что уже почти перестало быть частью сознания конкретных ныне живущих людей? Хотя бы потому, что к настоящему времени уже почти не осталось в живых не только самих чудом уцелевших жертв, но и тех, кто видел нацистские зверства собственными глазами. Более того, уходят в мир иной даже все помнящие их родные и близкие: ведь даже те, кто в период оккупации Белоруссии являлся грудным ребенком, уже

подошел вплотную к 70-летнему рубежу или даже переступил его (то есть достиг продолжительности жизни, средней для населения постсоветского пространства).

Для подавляющего большинства белорусов, россиян, украинцев все происшедшее в страшных сороковых — уже история, едва ли не такая же древняя, как взятие Рима Аггилой. Когда четверть века назад на экраны вышел великий фильм Элема Климова (1933—2003) «Иди и смотри» (снятый по сценарию Э. Г. Климова и А. М. Адамовича на основе написанной последним «Хатынской повести»), посвященный тем же событиям, что и рассматриваемые мной документы, в живых оставалось еще немало тех, для кого происходящее на экране было частью живой, а не искусственной памяти. Об этом, о своем долге перед выжившими жертвами нацистского геноцида, говорил и сам режиссер, вспоминая позднее: «Многие из них тогда были еще живы, и некоторые рассказы-воспоминания белорусам удалось зафиксировать на киноленту. Никогда не забуду лицо, глаза одного крестьянина, его тихий-тихий рассказ о том, как всю их деревню загнали в церковь и перед сожжением офицер из зондеркоманды предложил: “Кто без детей, выходи”. И он не выдержал, вышел, оставив внутри жену и маленьких детишек... Как сожгли, например, другую деревню: взрослых всех согнали в амбар, а детей оставили. А потом, пьяные, окружили их с овчарками и позволили собакам рвать детей. Я тогда задумался: а ведь про Хатынь в мире не знают! Про Катынь, про расстрел польских офицеров знают. А про Белоруссию — нет. Хотя там ведь было сожжено более 600 деревень!»*

Тогда, перед лицом еще живых жертв и свидетелей белорусского *холокоста* (в самом прямом и жутком смысле этого слова, поскольку древнегреческое *όλοκαύστος* означает «всесожжение»), реальной, а не абстрактно-фальшивой болью звучали слова из Апокалипсиса, вынесенные в название фильма. Напомню это место

* Цит. по: М. Мурзина. «Иди и смотри»: съемки фильма превратились для Элема Климова в борьбу с цензурой. — «Аргументы и факты». 19.10.2011. № 42.

полностью: «И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: *иди и смотри*».

И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертой частью земли, умерщвлять мечом и голодом, и мором, и зверями земными (курсив мой. — О.А.)» (Откр. 6:7—8).

Но корректно ли цитировать новозаветное Откровение Иоанна Богослова по тому же поводу сейчас, когда пепел Хатыни, кажется, совсем остыл? И имено ли на это право я — человек, не заставший войны даже ребенком (как тот же Элем Климов, родившийся в Сталинграде в 1933-м)?

На первый взгляд, ворошить прошлое уже бессмысленно. Нет страны, которую не пытались бы захватить нацисты. Да и люди изменились. Население стран постсоветского пространства давно уже на собственном жизненном опыте убедились, что все, не касающееся их самих, их близких и родных, — это в лучшем случае бесполезный, а в худшем — враждебный мир. Что высокие понятия, в том числе «патриотизм», «Родина» и им подобные, — не более, чем средства, используемые «начальством» для обмана простаков. Что следует «просто» жить, работать и зарабатывать, а в свободное время — предаваться маленьким, но зато реальным житейским «радостям». Говоря научным языком, атомизация постсоветских обществ, порожденная катастрофой 1990-х, атрофировала у людей всякий интерес к тому, что не имеет к ним непосредственного отношения в данный конкретный момент времени, включая историческую память.

Однако прошлое возвращается, причем с совершенно неожиданной стороны. Дело в том, что побежденные 65 лет назад в последние два десятилетия все активнее поднимают голову. Все активнее обсуждается тема «зверств Красной армии» в побежденной Германии. Более того, делается попытка доказать, что эти «зверства» не только имели место, но и были *не спровоцированными*. В качестве примера приведу высказывание некоего Йохима Гофмана: «Пересечение границы рейха было...

использовано как повод, чтобы взбудоражить советских солдат *фактически неверным* утверждением, будто немецкие солдаты “убивали русского ребенка, насиловали жену, невесту и сестру, расстреливали мать и отца” (курсив мой. — О.А.)».

Документов, подобных тем, которые опубликованы в рецензируемой книге, г-н Й. Гофман не читал и читать, видимо, не будет. Он вообще читает только то, что укладывается в его немудреную концепцию, последовательно противопоставляющую априорную (надо думать) немецкую цивилизованность «низменным инстинктам широкой массы красноармейцев». Вот, например, еще одна показательная цитата из его опуса (да простится мне ее пространность): «Статьи и призывы Эренбурга и других подстрекателей, распространяемые “Правдой”, “Известиями”, “Красной звездой”, “Красноармейской правдой” и фронтовыми газетами, вдальблывались войскам многочисленными кадрами политорганов — причем перед наступлениями еще более усиленно — и вновь, и вновь доводились до сознания. В немецких городах появились вывески с надписью: “Красноармеец, ты теперь на немецкой земле — час возмездия пробил!”. “Дрожи, Германия!.. Дрожи, проклятая Германия! Мы пройдемся по тебе огнем и мечом и заколем в твоём сердце последнего немца, ступившего на русскую землю”, — писала фронтовая газета “Боевая тревога” 20 октября 1944 г. <...> Красноармейцев подстрекали с совершенно определенным намерением. Ведь Сталин, военное и политическое руководство Красной Армии очень хорошо сознавали наблюдавшийся зачастую недостаток “советского патриотизма” и растущую усталость советских солдат от войны, и поскольку нельзя было апеллировать к высоким человеческим чувствам, приходилось возбуждать низкие инстинкты, чтобы достичь максимальной меры боевых усилий».

К сожалению, книга Й. Гофмана — отнюдь не единственный пример такого рода. У него немало последователей, в числе которых есть и вполне себе русскоязычные, поместившие гофмановский опус в Рунет**. С близкими идеями высту-

* J. Hoffmann. Stalins Vernichtungskrieg 1941—1945. München, 1998 [Сталинская истребительная война (1941—1945 годы)].

** См. www.hedrook.vho.org/hoffmann/

пают и другие, порой весьма уважаемые люди, в частности британский пэр, известный военный историк, издатель и журналист сэр Макс Хью Макдональд Хастингс, описывающий зверства советских войск в Германии в сходной тональности. Причем его книга вышла в свет относительно недавно — в 2004 году*.

Рассказы о «зверствах Красной армии» тиражирует и весьма уважаемая немецкая газета «Вельт», сообщающая своим читателям «правду» о реальном поведении советских солдат в Восточной Пруссии. Если верить этой газете, за один лишь день 23 апреля 1945 года в Троенбритцене было расстреляно едва ли не тысяча «мирных жителей», а число изнасилованных «варварами» женщин вообще не поддается установлению: «Вид, который мне представлялся, был ужасным», — вспоминает женщина, которой сейчас 78. «Улица была усеяна трупами. Это было как прогон [мирного населения] сквозь строй русских солдат»**. В подобном же духе высказывается и не менее уважаемая британская «Гардиан»***, и, к сожалению, не только она одна.

Очевидно, что число подобных публикаций будет прирастать и далее. И среди них будут не одни только проникнутые антикоммунизмом и русофобией фальшивки. Априори понятно, что присутствие оккупационной армии на чужой территории — это малоприятная вещь, неизбежно сопровождающаяся эксцессами, особенно на начальном этапе, когда еще продолжаются боевые действия и оккупантов физически невозможно изолировать от местного населения в закрытых, хорошо охраняемых городках. Вероятно (особенно в Восточной Пруссии, где Красная армия впервые вступила на немецкую территорию), случалось всякое. Были и изнасилования, и грабежи, происходили и неспровоцированные убийства мирных граждан. И немалая часть соответствующих фактов несомненно находила отражение в документах, в том числе и

советских. И (допускаю...) возможно, действительно пришла пора заняться и этой стороной истории Второй мировой.

Но нельзя забывать и другого. А именно того, что довелось испытать советским солдатам и офицерам, путь которых на территорию рейха в большинстве случаев пролегал именно мимо разрушенных и сожженных белорусских деревень. До сих пор страшно представить, что должны были испытывать те, кто дышал воздухом белорусского пепла, встречал уцелевших свидетелей белорусского геноцида, а порой — своими руками снимал повешенных и хоронил замученных врагом. Даже те, кто не был уроженцем этой земли! А те, кто был? Кто с детства помнил эти места? Этих людей, тела которых он теперь предавал земле?

Документы, собранные в рецензируемой книге, позволяют составить хотя бы самое отдаленное представление о том, что должны были чувствовать советские воины, путь которых (я подчеркиваю это особо!) неизбежно должен был пролегать хотя бы через часть сожженных немцами 9200 сел и деревень, из которых 5295 нацистские нелюди сожгли вместе с жителями. Даже самые черствые душой должны были впитать в свое сердце хотя бы частицу непомерного горя Белоруссии, потерявшей в 1941–1944 годах 2 миллиона 230 тысяч человек — *каждого третьего* своего жителя. Вчитайтесь подробнее в свидетельства из белорусских архивов! И вы не поймете только одного: как люди, видевшие ЭТО, вообще могли оставить в Германии камень на камне? Хоть одного живого человека? И только тогда вы осознаете степень величия тех из них, кто нашел в себе силы поделить часть своего пайка с голодным немцем. Даже если таких были один на тысячу, все равно они многое говорят и о стране, и о культуре, которые их сформировали. Кажется, эта мысль способна дойти до сердца всякого, даже полностью спрятавшегося в своем коконе обывателя.

* См. **M. Hastings**. Armageddon: Battle for Germany, 1944–1945. N. Y.; Oxford, 2004.

** **M. Mielke**. Massaker in Treuenbrietzen — das Tabu ist gebrochen. — «Die Welt». 29.11.2008.

*** См., например: **A. Beevor**. They raped every German female from eight to 80'a. — «Guardian». 01.05.2002.

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ, ИЗДАЕТСЯ С 1924 ГОДА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «Свободная мысль».
Подписка производится во всех отделениях связи и оформляется с любого месяца.

Издательская стоимость одного номера всего 60 рублей.

Стоимость подписки в вашем регионе вы можете узнать
в каталоге Агентства «РОСПЕЧАТЬ» в местном отделении связи.

Индекс издания — 79255.

Ф.СП-1	Министерство связи РФ «Роспечать»		79255								
	АБОНЕМЕНТ на журнал		(индекс издания)								
СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ		количество комплектов									
на 2011 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда:											
(почтовый индекс)					(адрес)						
Кому:											
(фамилия, инициалы)											
доставочная карточка					79255						
ПВ		Место		Литер		на журнал		(индекс издания)			
СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ											
Стои-	по каталогу		руб.		количество						
мость	за доставку		руб.		комплектов						
на 2011 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда:											
(почтовый индекс)					(адрес)						
Кому:											
(фамилия, инициалы)											

Подписку на журнал «Свободная мысль» вы можете оформить в любом отделении связи, а также в следующих агентствах:

- «Урал-Пресс XXI»: тел. 789-8636;
- «Союзпресс»: тел./факс 675-0940;
- «Артос-ГАЛ»: тел. 981-0324, 160-5848;
- «Интер-почта-2003»: тел. 225-6765, 225-6764.

Подписку в странах дальнего зарубежья можно оформить через агентства:

- «МК-периодика»: тел. 672-7193;
- «Ист Вью Информейшнс Сервисес»: тел. 318-0937, 777-6557.

В компании «Ист Вью Информейшнс Сервисес» вы также можете оформить подписку на электронную версию нашего журнала.

Требования к рукописям

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Авторам, направляющим свои статьи в журнал, рекомендуется придерживаться следующих правил оформления:

Формат рукописи

Рукопись представляется в редакцию в электронном виде в формате Word для Windows. Шрифт Times New Roman, с размером не менее № 12. Межстрочный интервал — полуторный. Объем статьи не должен превышать одного авторского листа (то есть 40 тысяч знаков, включая пробелы). Объем рецензий — до 1/2 авторского листа. Ссылки оформляются в виде суммируемых сносок в конце каждой страницы. Автор публикации отвечает за точность приведенных цитат и ссылок на использованные источники и литературу.

Формат таблиц и рисунков

Таблицы и рисунки встраиваются в текст статьи. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц или рисунков их нумерация обязательна.

К статье прилагаются:

Сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), место работы, должность, ученая степень и данные для связи: адрес, номер телефона, электронный адрес.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи подлежат обязательному рецензированию по параметрам теоретической и практической значимости и стилистики.

Точка зрения авторов не обязательно отражает мнение редакции.

При перепечатке и цитировании ссылка на журнал обязательна.

С авторов плата за опубликование их материалов не взимается.

Материалы направлять по адресу: svobodnaya_mysl@mail.ru

ISSN 0869 - 44435

Индекс 79255

2011 / № 11 (1629)

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ